

978

~~9355~~

ПРОГРЕССЪ И БѢДНОСТЬ

ПО

ГЕНРИ ДЖОРДЖУ.

Какимъ образомъ можетъ погибнуть современная цивилизація, и въ чемъ средства спасенія.

Политико-экономическій этюдъ

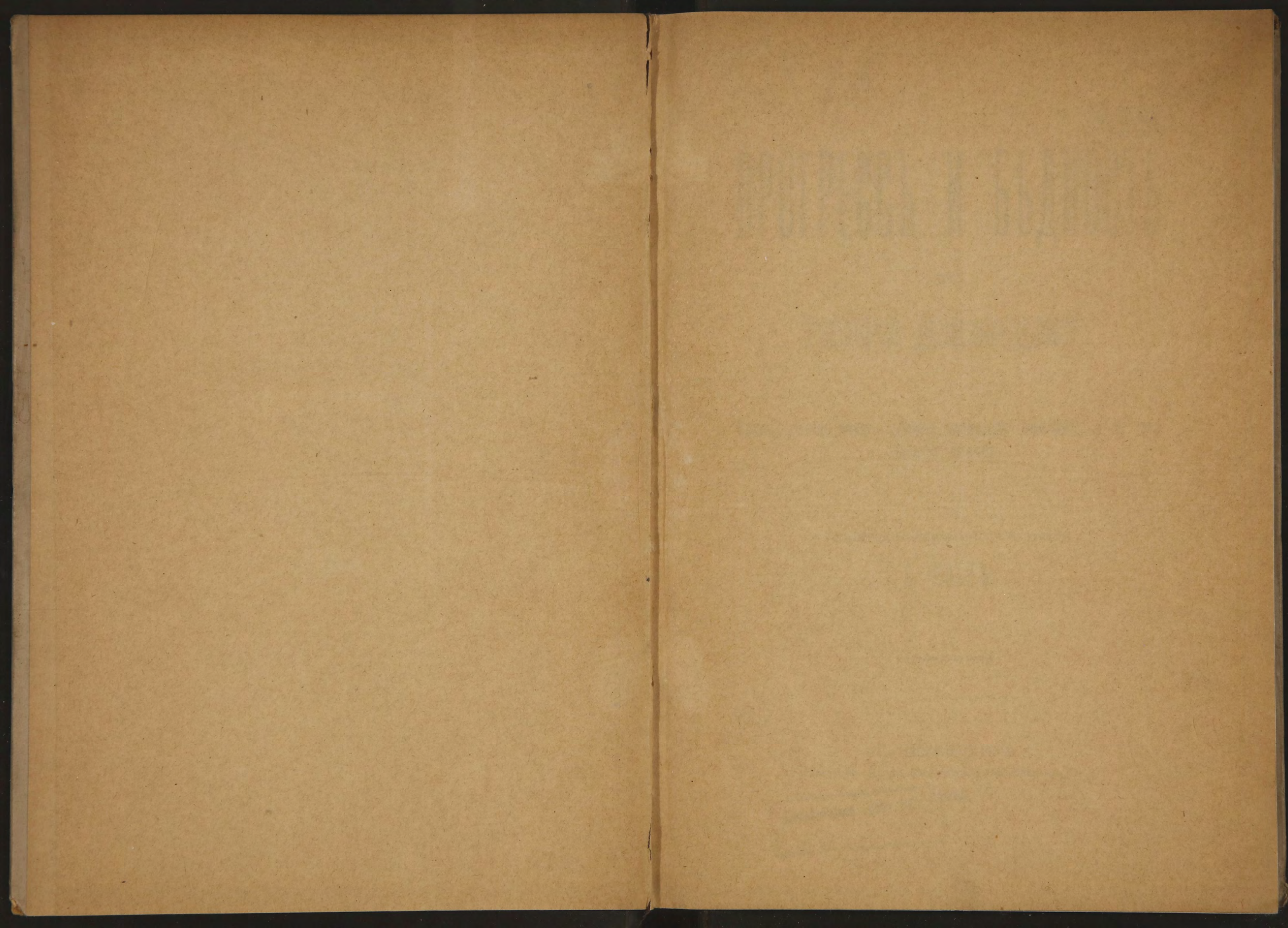
С. ЦВѢТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. ЛЕВЕДЕВА, Невскій просп., д. № 8.

1884.

Лавининъ

~~8454~~
078

~~9355~~

ПРОГРЕССЪ И БѢДНОСТЬ

ПО

ГЕНРИ ДЖОРДЖУ.

Какимъ образомъ можетъ погибнуть современная цивилизація, и въ чемъ средства спасенія.

Политико-экономическій этюдъ

С. ЦВѢТЪ.

39

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. ЛЕВЕДЕВА, Невскій просп., № 8.

1884.

Библиотека № 822

2289

Handwritten marks in the top right corner, including a blue checkmark and some illegible characters.

73641

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Февраля 1884 года.

Library stamp at the bottom right, containing the text "BIBLIOTECA" and "MUSEUM" in reverse.

Нѣсколько словъ — для общей характеристики этого этюда. Я воспользовался книгою Генри Джорджа, какъ канвою для формулированія сложившихся у меня представлений по вопросамъ, затрогиваемымъ авторомъ „Progress and Poverty“. Читателя привыкшаго только перелистывать, или такого, у котораго предвзятая мысль должна оттолкнуть всякое новое для него воззрѣніе — я рѣшительно не приглашаю и заглядывать въ мою книжку. За то, читателя дѣйствительно любящаго изучать, готоваго принять истину, какою-бы она ни явилась въ результатѣ искреннихъ поисковъ,—такого читателя усерднѣйше прошу подарить свое вниманіе моему этюду. Если такой читатель и не признаетъ особенной важности въ моихъ взглядахъ, то, во всякомъ случаѣ—такъ мнѣ кажется—онъ не пожалѣетъ о потраченномъ времени. Встрѣтитъ возможность провѣрки собственныхъ воззрѣній съ новыхъ сторонъ; увидѣтъ, какія представленія по главнѣйшимъ вопросамъ соціальной экономики могутъ слагаться, въ наше время, у человѣка совершенно искренняго, далекаго отъ всякой тенденціозности, кружковщины и доктринерства, — все это, полагаю, чего-нибудь да стоитъ. Стоитъ это чего-

нибудь въ особенности въ наше время, когда и самая наука становится послушнымъ орудіемъ политическихъ партій и своекорыстныхъ происковъ; когда, послѣ знаменитаго „*Macht vor Recht*“, приходится встрѣчать на каждомъ шагу и подразумеваемую почти всегда подкладку этого адажа—„*Macht vor Wahrheit*“.

I.

Немного сочиненій можно указать въ современной ученой литературѣ, которыя-бы такъ быстро приобрѣли большую популярность, какъ книга Генри Джорджа: «*Прогрессъ и бѣдность*» (Progress and Poverty, an inquiry into the cause of industrial depressions and of increase of want with increase of wealth. The Remedy). Встрѣченный хоромъ самыхъ лестныхъ отзывовъ американской прессы, трудъ этотъ былъ принятъ съ большимъ вниманіемъ и въ Европѣ, какъ видно изъ отзывовъ Fortnightly Review, London Economist, Saturday Review, Revue Scientifique, Berliner Börsen-Courier, Mercur, Die Post, Volkszeitung и др.

Генри Джорджъ—не профессоръ, не ученый специалистъ: это настоящій американскій *self-made-man*. Вначалѣ—рабочій, затѣмъ—типографскій наборщикъ, теперь вліятельный журналистъ въ Санъ-Франциско, Генри Джорджъ (отзывъ проф. Клейфъ-Лесли въ Fortnightly Review) обладаетъ замѣчательною начитанностью и искусствомъ изложенія. Многія страницы его книги, полныя смѣлой и оригинальной мысли, дышутъ пламеннымъ краснорѣчіемъ настоящаго народнаго трибуна.

Чтобы познакомить непосредственно съ характеромъ сочиненія, которому, повидимому, предстоитъ немалое вліяніе въ наиболѣе агитированныхъ слояхъ общества, мы поставимъ читателя прямо съ глазу на глазъ съ самимъ авторомъ, въ дословномъ почти переводѣ замѣчательной во многихъ отно-

шеніяхъ главы: о томъ, какимъ образомъ можетъ обратиться вспять современная цивилизація. Затѣмъ, уже мы перейдемъ къ разбору предлагаемаго имъ средства спасенія и выскажемъ наши собственные соображенія по этому предмету.

Когда, по мановенію Августа, кирпичный Римъ превращался въ мраморный, среди быстрого возрастанія богатства и пышности; когда побѣдоносные легіоны раздвигали до предѣловъ земли границы имперіи; когда утончались языкъ и нравы, а литература достигала наибольшато блеска, — кто рѣшился-бы сказать, что Римъ клонится къ паденію? — А между тѣмъ — это было такъ.

И въ наше время, стоитъ взглянуть внимательно вокругъ себя, чтобы убѣдиться, какъ, при всей быстротѣ прогресса нашей цивилизаціи, она подрывается тою-же силою, которая поворотила къ упадку цивилизацію римскаго міра.

Эта сила — причина разрушенія и римской, и предшествовавшихъ ей цивилизацій — заключается въ возрастающей неравномѣрности распредѣленія богатства и власти. Она выступаетъ, съ возрастающимъ значеніемъ, и въ современной цивилизаціи, выказывая свое вліяніе въ каждой развивающейся странѣ тѣмъ ярче, чѣмъ быстрѣе идетъ ея развитіе. Быстро богатѣютъ богатые; беспомощнѣе и безпріютнѣе становится положеніе бѣдняковъ *).

*) Не можемъ не замѣтить здѣсь, что экономисты той школы, къ которой принадлежитъ, между прочими, П. Леруа-Болье, стараются всѣми силами опровергнуть приведенное въ текстѣ утвержденіе Генри Джорджа.

П. Леруа-Болье доходитъ въ этомъ усердіи до явнаго противорѣчія самому себѣ. Такъ, на стр. 264. «Essai sur la répartition des richesses», онъ смѣло утверждаетъ: *on voit combien est faux le mot si souvent répété par la haine ou la crédulité que les riches deviennent chaque jour plus riches et les pauvres chaque jour plus pauvres.* Между тѣмъ, непосредственно предъ этою фразой, онъ самъ-же говоритъ, что *le rapprochement des conditions, влѣдетвіе*

Я старался уяснить причины этого явления и средства для устранения ихъ. Здѣсь я хочу указать, какимъ образомъ, если эта цѣль не будетъ достигнута, прогрессъ можетъ превратиться въ упадокъ и современная цивилизація, подобно прежнимъ, смѣнится варварствомъ.

паденія нормы процента на капиталъ, послѣдуетъ только *après une période de transition*, а на стр. 260 прямо утверждаетъ, что *la conséquence immédiate de la baisse du taux de l'intérêt* (что онъ предсказываетъ (стр. 257) въ ближайшіе 50 или 100 лѣтъ)—*c'est d'accroître l'inégalité entre les différentes classes de la société*. Впрочемъ, этимъ противорѣчивымъ утвержденіямъ Леруа-Болье мы можемъ противопоставить, независимо отъ мнѣній первоклассныхъ ученыхъ, авторитетъ такого государственнаго человѣка, какъ Гладстонъ. Вотъ-что высказалъ онъ въ засѣданіи Парламента 14 февр. 1843 г.

«It is one of the most melancholy features in the social state of the country, that while there was a *decrease in the consuming power of the people, and increase in the privations and distress of the labouring class and operations*, there was at the same time a constant accumulation of wealth *in the upper classes* and a constant increase of capital».

Это сужденіе Гладстона отъ сороковыхъ годовъ, мы можемъ освѣжить теперь показаніями Чемберлена (министра торговли) въ декабрьской книжкѣ *Fortnightly Review* 1883 г. Въ послѣднее двадцатилѣтіе, говоритъ Чемберленъ, общій національный доходъ увеличился на 600 мил. въ годъ, но въ то-же время до милліона человѣкъ содержатся попеченіемъ доходовъ, и милліоны прозябаютъ въ крайней нуждѣ, безъ всякихъ пособій. Громадныя богатства—созданіе современнаго прогресса, распредѣлились между имущими; отдѣльныя лица и слои общества становятся богаче и богаче и не знаютъ какими-бы способами расточать средства, которымъ не умѣютъ найти полезнаго употребленія. Между тѣмъ, большинство настоящихъ тружениковъ не получило слѣдующей имъ по всей справедливости доли въ тѣхъ выгодахъ, которыя они помогли создать; населеніе, не меньшее населенія столицы, прозябаетъ въ постоянной нищетѣ. Можно-ли удивляться, что время отъ времени поднимаются голоса недовольства и даже отчаянія? Такъ отвѣчаетъ добросовѣстный Чемберленъ на безсмысленныя и фальшивыя заигрыванія съ социализмомъ даже со стороны г. Сольсбери, извѣстнаго ханжи и лицемѣра, хорошо знакомаго Россіи по его коварной и каннибальской роли въ восточномъ вопросѣ.

Въ послѣднее время и характеръ П. Леруа-Болье ярко освѣтился въ его неудавшихся проискахъ попасть въ орлеанистскіе депутаты цѣною самаго безцеремоннаго отступничества отъ того, что онъ самъ-же недавно проповѣдывалъ, съ тѣмъ-же академическимъ апломбомъ, но въ другихъ видахъ.

Не бесполезно, мнѣ кажется, уяснить, какимъ образомъ можетъ произойти этотъ переворотъ, для многихъ, пока, немислимый. Гиббону, напримѣръ, казалось, что современная цивилизація никогда не можетъ рушиться, такъ какъ нѣтъ болѣе варваровъ, которые могли-бы взять верхъ надъ нею. Также точно обычно представленіе, что изобрѣтеніе книгопечатанія должно устранить навсегда возможность потери приобрѣтенныхъ человѣчествомъ знаній.

Коренныя условія общественнаго прогресса заключаются, по нашему мнѣнію, въ ассоціаціи и равноправности. Общее стремленіе современной цивилизаціи, съ разсвѣта ее изъ мрака средневѣковаго варварства, было направлено къ установленію политической и гражданской равноправности, къ уничтоженію рабства, крѣпостной зависимости, устраненію наслѣдственныхъ привилегій, замѣнѣ въ правительствѣ произвола народнымъ представительствомъ, къ одинаковому для всѣхъ обезпеченію личности и собственности, свободы труда и передвиженія, слова и печати. Исторія нашей цивилизаціи есть исторія работы во всѣхъ этихъ направленіяхъ, исторія борьбы и успѣховъ въ дѣлѣ личной, политической и религіозной свободы. И всеобщность этого закона явствуетъ изъ того, что успѣхи цивилизаціи шли всегда параллельно оживленію этой борьбы, останавливаясь, замирая вмѣстѣ съ ея стѣсненіемъ или подавленіемъ. Это стремленіе получило свое полное проявленіе въ сѣвероамериканской республикѣ, гдѣ существуетъ полное равенство въ гражданскихъ и политическихъ правахъ; гдѣ порядокъ замѣщенія должностей, связанный съ перемѣнами по общественному избранію, помѣшалъ даже возникновенію бюрократіи; гдѣ существуетъ полная равноправность для всѣхъ вѣрованій; гдѣ каждый мальчикъ можетъ надѣяться быть президентомъ, всякъ имѣетъ одинаковый съ другими голосъ въ общественныхъ дѣлахъ, и каждое должностное лицо, въ теченіи недолгаго срока своей службы,

находится въ посредственной или непосредственной зависимости отъ народнаго избранія. Соединенные Штаты опередили въ этомъ отношеніи всѣ крупныя государства, они двинулись далѣе всѣхъ въ общемъ для всѣхъ движеніи, и потому въ нихъ мы лучше всего можемъ — видѣть что можетъ принести само-по-себѣ это стремленіе къ политической и личной свободѣ.

Первымъ послѣдствіемъ стремленія къ этой свободѣ было болѣе равномерное распредѣленіе богатства и власти, такъ какъ вначалѣ, при относительно маломъ населеніи, неравенство къ распредѣленіи богатствъ обусловливается главнымъ образомъ неравенствомъ личныхъ правъ, и только позже уже, съ развитіемъ матеріальнаго прогресса, выступаетъ ярче вліяніе въ этомъ отношеніи обращенія земли въ частную собственность. Теперь однако-же вполне уяснилось уже, что и безусловная политическая равноправность не въ силахъ парализовать влекущее къ неравенству вліяніе права частной земельной собственности; не менѣе явнымъ сдѣлалось и то, что политическая равноправность, совпадающая съ развитіемъ неравномерности въ распредѣленіи богатствъ, въ концѣ концовъ, ведетъ къ деспотизму организованной тираніи или къ еще худшему деспотизму анархіи.

Чтобы превратить республиканское правительство въ самый низкій и грубый деспотизмъ, нѣтъ вовсе нужды въ формальномъ измѣненіи конституціи или въ отмѣнѣ избирательныхъ правъ. Столѣтія протекли послѣ Цезаря, а абсолютные властители римскаго міра не переставали державствовать именемъ дрожавшаго предъ ними Сената. Очевидно, что форма сама по себѣ ничего не значитъ, какъ только исчезла самая сущность; а формы народовластнаго правительства суть именно тѣ, изъ которыхъ легче всего уходитъ духъ свободы.

Крайности соприкасаются, и правительство всеобщей подачи голосовъ и теоретическаго равенства можетъ, при благоприятныхъ условіяхъ, легче всего превратиться въ деспотизмъ,

присущій ему, и безъ того, во имя и властію народа. Стоитъ только овладѣть исключительнымъ источникомъ власти — и цѣль достигнута. Здѣсь нѣтъ какого-либо несвободнаго класса, который можно-бы привести въ движеніе; здѣсь нѣтъ и привилегированныхъ сословіѣ, готовыхъ отстаиваніемъ собственныхъ правъ защищать права всѣхъ. Здѣсь нѣтъ никакого оплота, который-бы остановилъ напоръ волнъ, никакой высоты, которая-бы надъ ними возвышала. Вооруженные бароны, предводимые оскорбленнымъ прелатомъ, наложили на Плантагенета узду Magna Charta; гордыню Стюартовъ сломила сила средняго сословія: одна денежная аристократія никогда не пойдетъ на борьбу, пока она можетъ надѣяться подкупить тирана. Съ развитіемъ имущественнаго неравенства, политическая равноправность сама болѣе и болѣе облегчаетъ захватъ власти въ однѣ руки, такъ какъ она передаетъ значительную долю политическаго вліянія въ руки людей, не имѣющихъ никакого прямого интереса въ ходѣ управленія. Испытуемые нуждою, низводимые нищетою до полуживотнаго состоянія, эти представители державнаго народа готовы всегда продать свои голоса тому — кто дороже заплатитъ, готовы подчиниться руководительству наиболѣе наглого демагогическаго крикуна, готовы въ своемъ озлобленіи смотрѣть злорадственно на дѣйствія самой гнусной тираніи, подобно тому какъ рабы и пролетаріи Рима смотрѣли на неистовства Калигулы, Нерона, противу богатыхъ патриціевъ. Какой смыслъ могутъ имѣть республиканскія учрежденія въ государствѣ, въ которомъ богатства одного класса ставятъ его благосостояніе въ независимость отъ хода управленія дѣлами общественными, между тѣмъ, какъ бѣдность другого класса такъ велика, что нѣсколько лишнихъ долларовъ имѣютъ болѣе значенія предъ избирательною урною, чѣмъ всякія принципиальныя соображенія? Въ государствѣ, въ которомъ немногіе плаваютъ въ роскоши, между тѣмъ какъ большинство находится въ

озлобленномъ недовольствѣ положеніемъ, изъ котораго не видятъ выхода,—въ такомъ государствѣ власть должна попасть въ руки проходимцевъ, торгующихъ ею, какъ преторьянцы торговали римскимъ пурпуромъ, или въ руки демагоговъ, эксплуатирующихъ ее, пока она не перейдетъ въ еще худшія руки. Тамъ гдѣ существуетъ приблизительно равномерное распределеніе богатствъ,—т. е. тамъ гдѣ господствуютъ общая любовь къ родинѣ, образованіе и добрые нравы *),—тамъ правительство, чѣмъ демократичнѣе, тѣмъ лучше, и наоборотъ оно тѣмъ хуже, чѣмъ демократичнѣе, тамъ—гдѣ распределеніе богатствъ весьма неравномѣрно; и хотя извращенная демократія сама по себѣ ничѣмъ не хуже извращенной автократіи, тѣмъ не менѣе вліяніе первой на національный характеръ будетъ всегда гораздо гибельнѣе. Дать право голоса бродягамъ, нищимъ, людямъ принужденнымъ просить милостыни, или воровать — чтобы не умереть съ голода за неимѣніемъ работы,—дать право голоса такимъ людямъ—значить ни болѣе, ни менѣе, какъ вызывать сознательно разрушеніе всякаго порядка. Отдать политическую власть въ руки голодной, озлобленной и униженной нищетою черни—значить, возложить руки лишеннаго зрѣнія Самсона на самыя устои зданія національной жизни.

Случайности престолонаслѣдія или избранія по жребію могутъ еще иногда вручить власть мудрѣйшему и справедливейшему, но въ извращенной демократіи—она стремится перейти всегда въ самыя худшія руки. За самой крайнею недобросовѣстностію здѣсь обезпеченъ успѣхъ и торжество надъ честностію и любовію къ родинѣ. Лучшіе должны уступать мѣсто худшимъ; послѣдніе достигаютъ высшихъ положеній въ обществѣ; безчестные и пошлые вытѣсняются еще болѣе безчестными и пошлѣйшими.

Національный характеръ мало-по-малу усвоиваетъ себѣ

*) Читатель замѣтитъ, какой смѣлый скачокъ дѣлаетъ нашъ авторъ въ этомъ „то-естъ“.

качества, приносящія въ такомъ порядкѣ уваженіе и власть, а съ тѣмъ вмѣстѣ растеть та деморализація, общественнаго мнѣнія, силою которой совершается въ великой панорамѣ исторіи превращеніе свободныхъ людей въ рабовъ.

Подобно тому какъ было въ Англіи, въ прошломъ столѣтіи, когда парламентъ представлялъ закрытую дворянскую корпорацію, — обособленная отъ народной массы олигархія можетъ существовать безъ большого вреда для національнаго характера, такъ какъ въ этомъ случаѣ власть, въ глазахъ народа соединена, кромѣ богатства, и съ другими качествами. Но тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ наслѣдственныхъ достоинствъ, гдѣ ежедневно у всѣхъ на виду примѣры достиженія богатства и власти посредствомъ недобросовѣстности и однородныхъ съ нею качествъ, — тамъ терпимость къ этимъ качествамъ переходитъ въ концѣ концовъ въ преклоненіе предъ ними. Извращенное демократическое правительство должно, въ концѣ концовъ, вести къ развращенію самый народъ, — тамъ-же гдѣ народъ развращенъ — нечего и думать о его воскрешеніи. Жизнь ушла; остается одинъ трупъ, ожидающій своей очереди быть убраннымъ съ глазъ и погребеннымъ. И это превращеніе демократическаго управленія въ деспотизмъ самаго низкаго и подлаго свойства, какъ послѣдствіе крайней неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ, — дѣло во все не отдаленнаго будущаго. Оно началось уже въ Соединенныхъ Штатахъ, и на нашихъ глазахъ подвигается впередъ гигантскими шагами.

Постоянное ухудшеніе въ личномъ составѣ нашего законодательнаго корпуса; вынужденное отстраненіе отъ политики людей высшихъ способностей и благороднѣйшаго характера; большій и большій перевѣсъ искусства въ избирательной агитаціи надъ заслуженной репутаціею государственнаго дѣятеля; большая и большая небрежность въ голосованіи и параллельное съ нимъ возрастаніе силы золота; большая и большая

трудность убѣдить народъ въ необходимости преобразованій и провести эти преобразованія; образованіе политическихъ партій независимо отъ разности въ принципахъ, и упадокъ значенія общихъ отвлеченныхъ началъ, — все это несомнѣнные признаки нашего политическаго упадка.

Типическая форма современнаго развитія — городъ. Здѣсь встрѣчаются другъ съ другомъ величайшее богатство и крайняя нищета. Здѣсь-же замѣтнѣе всего и всѣ порухи демократическаго строя. Во всѣхъ большихъ американскихъ городахъ существуетъ въ настоящее время рѣзко выдѣляющійся господствующій классъ, какъ въ самыхъ аристократическихъ странахъ міра. Члены его распоряжаются голосами цѣлыхъ частей города, командуютъ на избирательныхъ сходкахъ, распредѣляютъ должности какъ-бы свое частное дѣло, и не занимаясь никакимъ производительнымъ трудомъ — живутъ лучше другихъ и бросаютъ щедрою рукою деньги направо и налево. Это люди въ силѣ, у которыхъ принуждены заискивать честолюбцы, мести которыхъ они должны избѣгать. А кто эти люди? Мудрые-ли, добрые, просвѣщенные, люди снискавшіе довѣріе согражданъ чистотою жизни, блескомъ талантовъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ общественныхъ обязанностей, глубокимъ изученіемъ политическихъ вопросовъ? — Ничуть не бывало; это игроки, содержатели игорныхъ домовъ, увеселительныхъ заведеній, если не хуже того; профессія ихъ — пріобрѣтать голоса избирателей, покупать и продавать должности и дѣйствія должностныхъ лицъ. Они находятся въ такомъ-же положеніи относительно управленія этихъ городовъ, въ какомъ находились римскіе преторьянцы временъ упадка. Кого прельщаетъ пурпуръ, кого манитъ курульское кресло или почетная стража ликторовъ, тотъ долженъ идти къ нимъ на поклонъ, давать имъ подарки и обѣщанія. Посредствомъ этихъ людей, богатая корпорація и денежные тузы наполняютъ своими креатурами сенатъ и судебныя мѣста. Черезъ этихъ людей дѣла-

ются директорами училищъ, членами городскихъ думъ, финансовыми чиновниками, членами легислатуры и конгресса. Не мало въ Соединенныхъ Штатахъ избирательныхъ округовъ, въ которыхъ Вашингтону, Франклину, Джеферсону, также трудно было-бы попасть въ члены палаты, какъ простолюдину, при французскомъ *ancien regime*, сдѣлаться маршаломъ Франціи. Непреоборимой преградой къ тому были-бы именно ихъ личныя достоинства. Въ теоріи — мы истые демократы: предложеніе учредить въ храмѣ бойню свиней едва-ли бы возбудило въ древнемъ Іерусалимѣ большее негодованіе, чѣмъ произвело-бы среди насъ предложеніе возвести кого-либо изъ выдающихся гражданъ въ какое-либо почетное званіе. Но не вырастаетъ-ли среди насъ цѣлый классъ, пользующійся всею властью аристократіи, не имѣя ни одного изъ ея достоинствъ? У насъ не мало простыхъ гражданъ, владѣющихъ тысячами миль желѣзныхъ дорогъ, милліонами десятинъ земли, распоряжающихся средствами жизни легіоновъ людей, назначающихъ губернаторовъ штатовъ, точно также, какъ они назначаютъ своихъ прикащиковъ, избирающихъ сенаторовъ — какъ собственныхъ управителей, — которыхъ воля въ законодательныхъ собраніяхъ имѣетъ такую-же силу, какъ нѣкогда воля французскаго короля въ его *lit de justice*. Скрытыя для поверхностнаго взора теченія какъ будто снова возвращаютъ насъ къ порядкамъ, изъ которыхъ мы считали себя навсегда ушедшими. Развитіе ремесленнаго и торговаго класса разрушило мало-по-малу феодализмъ, вошедшій было до того въ плоть и кровь европейскаго человѣка, что и самое небо представлялось ему не иначе какъ въ формахъ феодальнаго порядка. Теперь-же, среди соціальной организаціи, основанной на началѣ частной земельной собственности, развитіе индустріи и биржевыхъ оборотовъ грозитъ поставить каждого работника въ необходимость искать себѣ господина, подобно тому какъ послѣдовавшее за паденіемъ Римской имперіи нестрое-

ніе принуждало свободныхъ людей искать себѣ защиты въ ленной зависимости. Ничто повидимому не уходитъ отъ этого стремленія. Всѣ производство стремится вездѣ къ порядку, въ которомъ одинъ является господиномъ, а множество — слугами. При такомъ-же порядкѣ, воля этого одного становится господствующею и въ такомъ дѣлѣ какъ выборное голосованіе. Также точно какъ англійскій землевладѣлецъ распоряжается голосами своихъ фермеровъ, фабрикантъ Новой Англійи распоряжается голосами своихъ рабочихъ.

Нечего намъ обманывать себя: общество потрясено въ своихъ основахъ, между тѣмъ какъ мы задаемся вопросомъ, какимъ образомъ можетъ погибнуть цивилизація, подобная нашей, съ ея желѣзными путями, электрическими телеграфами, печатью и проч.? Между тѣмъ какъ вся наша литература дышетъ убѣжденіемъ, что нецивилизованное состояніе позади насъ и мы все дальше и дальше уходимъ отъ него, — уже теперь не мало предъ нашими глазами признаковъ, что, въ дѣйствительности, мы снова возвращаемся къ варварству, — и вотъ доказательства тому. Одинъ изъ признаковъ варварства — малое уваженіе къ правамъ личности и къ правамъ собственности. Законы нашихъ англо-саксонскихъ предковъ назначали за убійство денежную пеню сообразно сословному положенію убитаго, а нашъ законъ ограждаетъ смертною казнію жизнь бѣднаго и богатаго, низко и высокостоящаго. Эта разница въ законахъ нашихъ и нашихъ предковъ признается доказательствомъ ихъ варварства и нашей цивилизаціи. Почти профессиональное существованіе морскихъ разбоевъ, уличныхъ грабежей, торговли рабами и насильственныхъ вымогательствъ служить также неопровержимымъ доказательствомъ низкой степени развитія, отъ которой мы далеко ушли впередъ.

Въ дѣйствительности, однако, не смотря на наши законы, богатый человѣкъ, пожелавшій убить кого-либо, имѣетъ полную возможность осуществить свое желаніе среди любого изъ

нашихъ населеннѣйшихъ и оживленнѣйшихъ городовъ; затѣмъ — предаться въ руки правосудія, съ сотнею шансовъ противъ одного не подвергнуться большому наказанію какъ временное заключеніе и потерѣ известной суммы денегъ, частію соотвѣтствующей его собственному богатству, частію богатству и положенію убитаго. Но деньги его достанутся не семейству убитаго, не государству, а адвокатамъ, съумѣющимъ придумать всяческія задержки процесса, подыскать свидѣтелей, разъединить присяжныхъ *). Такимъ-же образомъ всякій крупный воръ можетъ быть увѣренъ, что наказаніе для него ограничится потерей лишь части украденнаго; а если ему удастся составить себѣ этимъ путемъ хорошее состояніе, то его знакомые встрѣтятъ его съ такимъ-же почетомъ, какъ встрѣчали когда-то какого-либо Викинга, возвращающагося изъ разбойничьяго похода. Обокрадь онъ даже тѣхъ, кто вполне довѣрялся ему, лиши онъ вдовъ и сиротъ послѣдняго куска, — если только въ результатѣ — кругленькое состояніе, то онъ можетъ смѣло пользоваться имъ на глазахъ у всѣхъ. И стремленіе въ этомъ направленіи постоянно увеличивается. Сильнѣе всего оно тамъ, гдѣ неравномѣрность въ распредѣленіи богатствъ достигаетъ высшей степени, и развитіе его идетъ параллельно развитію этой неравномѣрности. Если это не возвратъ къ варварству, то что-же это такое? Недостатки суда, на которые

*) Нужно-ли объяснять, какъ слабо и натянута это обвиненіе современнаго правосудія? Нѣтъ ничего бесплоднѣе — какъ критика жизненныхъ явленій съ ходульной высоты какого-то отвлеченнаго совершенства, недоступнаго ни какимъ злоупотребленіямъ. Это — источникъ безмысленнаго, ребяческаго пессимизма, закрывающаго всѣ пути и къ здоровой мысли, и къ здоровой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, самое указаніе Г. Джорджа на опасность для государства чрезмѣрнаго скопленія богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ гражданъ или классовъ — совершенно основательно. Мы напомнимъ здѣсь слова В. Рощера: «Es ist bezeichnend, wie in Florenz der grösste Banquier zuletzt unumschränkter Gewalthaber wurde, und gleichzeitig in Genua die Bank von St. Georg den Staat gewissermassen verschlang». — «Der hoffnungslose Arme wird das Gesetz ebenso leicht hassen, wie der Ueberreiche verachten».

указано выше, служатъ доказательствомъ возрастающаго упадка нашихъ учрежденій во всѣхъ отрасляхъ. Дѣло подвинулось уже такъ далеко, что нерѣдко приходится слышать воздыханія о первыхъ зачаткахъ государственнаго быта, о томъ, не лучше-ли и совсѣмъ отмѣнить законъ, такъ какъ тогда народъ самъ образуетъ изъ своей среды, для огражденія своихъ интересовъ, комитеты общественной безопасности, самъ беретъ въ свои руки отправленіе правосудія. На что-же это указываетъ: на прогрессъ, или на упадокъ? Все это можно наблюдать на каждомъ шагѣ. Хотя это и не высказывается открыто, но общее довѣріе къ республиканскимъ учрежденіямъ тамъ, гдѣ они получили полное развитіе, рѣшительно падаетъ болѣе и болѣе. Превней глубокой вѣры въ республику, какъ источникъ національнаго благоденствія, болѣе не существуетъ. Мыслящіе люди начинаютъ понимать ея опасности, не зная, какъ помочь горю; они начинаютъ склоняться къ воззрѣнію Маколея и не довѣряютъ болѣе Джеферсону. (См. Письмо Маколея къ Рандаллю въ біографіи Джеферсона). Народныя же массы вообще начинаютъ свыкаться съ растущимъ развращеніемъ. Прискорбнѣйшее знаменіе времени въ современной политической жизни Соединенныхъ Штатовъ составляетъ возникновеніе въ обществѣ образа мыслей, по которому, или вовсе отрицается существованіе честныхъ людей въ общественныхъ должностяхъ, или считается дуракомъ тотъ, кто не пользуется въ нихъ своимъ часомъ. Это указываетъ, что развращенность проникаетъ въ самый народъ. Такимъ образомъ, республика Соединенныхъ Штатовъ идетъ впередъ по пути, фатально назначенному ей послѣдствіями неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ.

Куда ведетъ этотъ путь—ясно каждому мыслящему. Когда развращенность обращается въ хроническую болѣзнь, когда пропадаетъ общественный духъ, ослабѣваютъ преданія чести, добра и любви къ родинѣ, когда исчезаетъ уваженіе къ зако-

намъ и вѣра въ возможность преобразованій,—въ разлагающихся народныхъ массахъ возникаютъ вулканическія силы, способныя взорвать и уничтожить все при первомъ благоприятномъ случаѣ. Сильные, ни предъ чѣмъ не останавливающиеся люди явятся исполнителями слѣпыхъ побужденій народныхъ массъ или его дикихъ страстей, и сбросятъ прочь отжившія формы. Мечъ станетъ снова болѣе сильнымъ, чѣмъ перо, и—среди сатурналіи разрушенія — неистовства грубой силы и дикаго безумія будутъ чередоваться съ летаргіей умирающей цивилизаціи. Но откуда-же явятся новые варвары?—Стоитъ только пройти по грязнымъ частямъ городовъ, чтобы увидѣть уже теперь ихъ роящіяся толпы.—А какъ-же исчезнетъ знаніе, наука?—Люди перестанутъ читать, книги пойдутъ на поджогъ пожаровъ, на патроны для ружей.

Странно подумать, какъ ничтожны могутъ быть остатки нашей цивилизаціи, если ей придется пройти черезъ ту борьбу на жизнь и смерть, въ которой погибли ея предшественницы. Бумагѣ не равняются въ прочности съ пергаментомъ, а наши капитальнѣйшія зданія и монументы—ничто въ сравненіи съ высѣченными изъ скалъ храмами и титаническими сооруже-ніями древности. Въ добавокъ къ этому, изобрѣтательность нашего времени надѣлила насъ, вмѣстѣ съ паровыми машинами и книгопечатнымъ станкомъ, и петролемъ, и нитро-глицериномъ, и динамитомъ. Не смотря на все это, толковать теперь о возможной гибели нашей цивилизаціи, кажется пока, многимъ и многимъ, слишкомъ далеко идущимъ пессимизмомъ. Большинство даже мыслящихъ людей, не говоря уже о массѣ, еще прочно вѣрять въ прогрессъ, не допуская и тѣни сомнѣнія въ своемъ *credo*. Но стоитъ только вдуматься въ это дѣло, чтобы понять неизбежность указаннаго исхода вездѣ, гдѣ прогрессъ принимаетъ мало-по-малу обратное движеніе, и объяснить себѣ, почему это движеніе начинается совершенно незамѣтно для большинства и можетъ даже казаться ему продолженіемъ прежняго

прогресса. Такъ, на примѣръ, существуетъ неизмѣримая разница между греческимъ искусствомъ классической эпохи и искусствомъ позднѣйшей имперіи. Но этотъ переворотъ сопровождался или, лучше сказать, обусловливался коренною перемѣною во вкусѣ;—поэтому тѣ художники, которые скорѣе другихъ слѣдовали этой перемѣнѣ, казались для ихъ времени наилучшими. Такимъ-же образомъ и въ литературѣ. Она становилась безсодержательной, ребяческой, напыщенной, а между тѣмъ упавшій вкусъ принималъ все это за улучшение, за бѣольшую красоту и силу. Дѣйствительно хорошій писатель не нашель-бы болѣе читателей, онъ казался-бы грубымъ, сухимъ и скучнымъ. Точно также совершилось и паденіе театра, вовсе не по недостатку хорошихъ пьесъ, а потому, что господствующимъ вкусомъ становился болѣе и болѣе вкусъ менѣе образованнаго класса, который естественно признавалъ за лучше то, что ему болѣе нравилось. Также и въ дѣлѣ религіи; суевѣрныя представленія, вносимыя въ нее суевѣрной толпой, представляются ей шагомъ впередъ. Затѣмъ, когда ретроградное движеніе уже въ полномъ ходу, возвращеніе къ варварству представляется—если не успѣхомъ, то необходимостію для удовлетворенія требованій времени. Такимъ образомъ, движеніе назадъ совершается гораздо болѣе быстрыми переходами, чѣмъ прежде движеніе впередъ. Недавно, на примѣръ, въ англійскомъ уголовномъ кодексѣ возстановлено тѣлесное наказаніе за нѣкоторыя преступленія, а въ Америкѣ говорилось много въ пользу его. Я не высказываю здѣсь своего мнѣнія—лучше ли палки, чѣмъ лишеніе свободы, или нѣтъ,—я указываю лишь на самый фактъ для уясненія, какимъ образомъ увеличивающееся число преступленій и возрастающая трудность тюремнаго содержанія преступниковъ могутъ привести обратно къ тѣлеснымъ истязаніямъ варварскихъ кодексовъ. Слѣдуетъ замѣтить еще, что, при движеніи назадъ, при упадкѣ цивилизаціи, формы, принимаемыя при ретроградномъ движеніи ни-

какъ не соотвѣтствуютъ тѣмъ, въ которыхъ совершалось прогрессивное. Однѣ—продукты жизни, другія--продукты разложения. Поэтому, упадокъ политической жизни привелъ-бы насъ не къ конституціонной монархіи и затѣмъ къ феодализму, а отбросилъ-бы насъ къ цезаризму или въ анархію. Въ религіи—упадокъ низвелъ-бы насъ не къ вѣрѣ нашихъ предковъ, протестантизму или католицизму, а къ новымъ формамъ суевѣрія, въ родѣ, напр., мормонизма или спиритизма. Въ наукахъ паденіе привело-бы насъ не къ Бакону, а развѣ къ учености Китая.

Мы не станемъ здѣсь изслѣдовать всѣ признаки упадка въ современныхъ чертахъ общественнаго мнѣнія и вкуса. Весьма многое указываетъ безспорно, что наша цивилизація достигла критическаго пункта, могущаго быть ея апогеемъ, если изъ него не послѣдуетъ новаго движенія въ смыслѣ социальнаго уравниенія. Промышленные кризисы, причиняющіе такія-же бѣдствія, какъ голодъ и война, подобны страданіямъ и припадкамъ, предшествующимъ удару. Всѣмъ ясно, что неравенству, фатально вытекающему изъ матеріальнаго прогресса, вездѣ—гдѣ землевладѣніе монополизировано, остается уже сдѣлать только немного шаговъ, чтобы привести насъ къ наклонному пути, на который легко ступить, но который весьма трудно оставить. Растущая трудность борьбы за существованіе, увеличивающаяся необходимость напряженія всѣхъ нервовъ, чтобы не быть опрокинутымъ и затоптаннымъ въ погонѣ за богатствомъ, — все это вездѣ поглощаетъ силы, которыми велось и поддерживалось дѣло прогресса. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ растутъ пауперизмъ, преступленія, сумасшествіе и самоубійства. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ увеличивается болѣзненность, вызываемая чрезмѣрнымъ напряженіемъ нервовъ, недостаточнымъ питаніемъ, дурными жилищами, нездоровыми и однообразными занятіями, ранвременною беременностію и всѣми бѣдствіями и преступленіями, въ

которыя повергаетъ женщину крайняя нужда. Во всѣхъ высокоцивилизованныхъ странахъ цифра средней человѣческой жизни, возраставшая въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, представляется понижающеюся со второй четверти текущаго вѣка. *)

Все это признаки далеко не прогресса. Это признаки цивилизаціи, которая въ своихъ болѣе глубокихъ теченіяхъ начинаетъ уже клониться къ упадку. Смѣна прилива отливомъ въ бухтѣ или устьѣ рѣки никогда не совершается вдругъ; въ одномъ мѣстѣ вода еще идетъ на прибыль, между тѣмъ какъ въ другомъ она уже начала отступать. Прошло ли уже солнце за полдень—можно замѣтить только по направленію тѣни, бросаемою предметами,—жаръ дня все еще продолжаетъ прибывать въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Но такъ же вѣрно, какъ смѣна прилива отливомъ, какъ наступленіе темноты съ закатомъ солнца, также вѣрно движеніе цивилизаціи къ упадку, когда мы видимъ быстрое, сравнительно съ ростомъ населенія, увеличеніе числа тюремъ, богадѣленъ и домовъ сумашедшихъ, хотя въ то же время знанія еще растутъ и изобрѣтательность идетъ впередъ, основываются новыя государства, и города продолжаютъ расширяться и устроиваться. Умираніе обществъ начинается не съ внѣшности, а изъ глубины ихъ жизни.

Мы имѣемъ впрочемъ предъ собою достаточно признаковъ начавшагося уже упадка нашей цивилизаціи, еще болѣе наглядныхъ, чѣмъ тѣ, которые можетъ дать намъ статистика. Вездѣ замѣтно смутное, но общее всѣмъ чувство разочарованія, возрастающее озлобленіе рабочихъ классовъ, широко распространенное чувство тревоги и революціоннаго броженія. Если бы

*) Статистическія данныя для этихъ выводовъ взяты г. Джорджемъ изъ книги Самуила Ройса: *Deterioration and race education*. У насъ нѣтъ этого сочиненія подъ руками, но выводы его подтверждаются изслѣдованіями Вапцеуса, Ангеля, хотя вопросъ о движеніи средней жизни не можетъ считаться еще вполне рѣшеннымъ. Haushofer, *Lehr und Handb. der Statist.*, стр. 205.

это чувство сопровождалось сколько нибудь определенным представлением о средствах помочь бѣдѣ, это было бы многообъщующимъ жизненнымъ знакомъ,—но этого далеко нѣтъ. Казалось бы мы давно уже оставили за собой періодъ политическаго обученія, а между тѣмъ не видно вовсе, чтобы способность сведенія явленій къ ихъ причинамъ выросла хоть на волосъ. То и дѣло прорывающійся возвратъ къ давно брошеннымъ политическимъ бреднямъ доказываетъ это. Наша вѣковая конституція, и въ искусствѣ государственнаго устройства, и въ пониманіи основныхъ началъ, и въ умѣннн пріисканія средствъ для намѣченныхъ цѣлей, безконечно превосходитъ новѣйшія конституціи отдѣльныхъ штатовъ. И философствующій свободный мыслитель не можетъ смотрѣть на совершающійся въ цѣломъ мірѣ громадннй переворотъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, не сознавая, что этотъ страшннй фактъ долженъ имѣть неизмѣримыя послѣдствія въ будущемъ. То, что происходитъ теперь на нашихъ глазахъ—далеко не измѣненіе только формы религіи,—это отрицаніе и разрушеніе самыхъ представлений, изъ которыхъ вытекаетъ религія. Христіанство не только освобождается отъ суевѣрій,—оно умираетъ въ самомъ корнѣ въ народныхъ воззрѣніяхъ, подобно тому какъ умирало язычество при зарожденіи христіанства. И пока не видно ничего—что заняло бы его мѣсто. Основныя представленія о личномъ Богѣ, о будущей жизни, уходятъ болѣе и болѣе изъ убѣжденія народныхъ массъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, успѣхъ ли это или упадокъ, мы не можемъ не признать за этимъ переворотомъ громаднаго значенія по громадности роли, которую играла религія во всемірной исторіи. Въ меньшихъ размѣрахъ и менѣе глубоко, подобное движеніе въ мысляхъ предшествовало французской революціи. Но еще болѣе сходства съ этимъ крушеніемъ религіозныхъ идей нашего времени представляетъ эпоха паденія древней цивилизаціи. Что ожидаетъ насъ въ будущемъ—не можетъ сказать ни одинъ смерг-

ный, но громадность грядущаго переворота начинают чувствовать всѣ мыслящіе люди. Цивилизованный міръ судорожно вздрагиваетъ въ преддверіи великаго движенія. Кто знаетъ, будетъ ли это гигантскій шагъ впередъ къ негаданнымъ успѣхамъ, или паденіе внизъ, возвратъ къ забытымъ временамъ варварства!»

По этому отрывку читатель можетъ составить себѣ понятіе объ общемъ направленіи мыслей Г. Джорджа и манерѣ его изложенія. Прежде нежели мы перейдемъ къ разбору главной идеи его труда и нѣкоторыхъ частныхъ, мы не можемъ не высказать нашихъ мыслей по поводу только-что изложенной главы, объ упадкѣ нашей цивилизаціи. Въ послѣднее время мысль эта стала чаще и чаще прорываться сквозь завѣсу прочно установившихся оптимистическихъ воззрѣній въ этомъ отношеніи. Мы укажемъ здѣсь на Функъ-Брентано въ его «*La civilisation et ses loix*» и на замѣчательную статью профессора Фредерика Гаррисона въ *Fortnightly Review* прошлаго года. Вотъ что высказывалъ самъ авторъ настоящаго этюда еще въ 1877 году въ письмѣ своемъ къ В. Гладстону *) во время послѣдней турецкой войны и въ напечатанной около того-же времени газетной статьѣ о политикѣ Англій. «Послѣ всего, что мы пережили въ теченіи послѣдняго времени, послѣ отвратительнаго шабаша лжи, лицемерія, тупости съ метерниховскими замашками и цинической выставки чисто-скотскаго эгоизма, — ужасныя сомнѣнія тѣснятся въ душу. Мы толкуемъ о разложеніи Турецкой имперіи, но не разлагаемся-ли мы сами, не наступаетъ-ли для насъ самихъ періодъ нравственнаго помертвѣнія, смѣшенія языковъ, когда единственно возможными формами сочетанія личностей становятся насиліе и эксплуатація, а не разумная ас-

*) Русскій текстъ этого письма опубликованъ нами въ брошюрѣ «Россия и Англія въ восточномъ вопросѣ» С. П. Б. 1877 г.

соціація свободныхъ индивидуальныхъ силъ?—Вгляните на повсемѣстное торжество всякихъ проходимцевъ во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни; посмотрите на средства народнаго образованія, на практическіе примѣры, производящіе радикаловъ по формѣ *ôte toi de là—que je m'y mette*; на наши теоріи, вѣчно колеблющіяся между придушиваніемъ, по взгляду ретроградовъ, и разрушительностію для массъ отвлеченныхъ воззрѣній, достижимыхъ только для весьма небольшого числа избранныхъ. Взгляните на дьявольскую насмѣшку судьбы въ чудовищныхъ всходахъ нашего одеревенѣлаго либерализма въ Америкѣ, готовящейся вскорѣ увидѣть президентовъ изъ черныхъ Самовъ и желтыхъ Джоновъ, въ правительствѣ, которому остается, только окончателно образоваться въ акціонерную компанію для огульнаго грабежа свободныхъ гражданъ великой республики!

Не приходитъ-ли вамъ на мысль, въ виду всего этого, что возможность того строя соціальной жизни, о которомъ мы привыкли думать, какъ о чемъ-то достигаемомъ для долгаго, если не всегдашняго упроченія, обусловливается совпадениемъ такого безконечно большого числа благопріятныхъ условій, при которомъ вовсе и немислимо устойчивое равновѣсіе? Что этотъ высокій строй — то-же, что прелесть цвѣтка, красота женщины, жизнь мотылька; что возможность развитія нашей печати, возможность широкаго размѣра нашихъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ, возможность существованія высокоусовершенствованныхъ машинъ, средствъ сообщенія, — все это ограничивается небольшимъ промежуткомъ времени, въ теченіи котораго существуетъ совпаденіе всей массы благопріятствующихъ условій и — прежде всего — та нравственная почва, безъ которой немислима прочная жизнь никакого соціальнаго организма. Можетъ быть въ современныхъ папуасахъ и бучменахъ мы видимъ не первобытныя формы чело-вѣка, а выгорѣлыя остатки племенъ, имѣвшихъ нѣкогда все,

что мы считаемъ завоеваннымъ навсегда для человѣка на землѣ, и потерявшихъ это все, подѣ влияніемъ тѣхъ-же причинъ, которыми обусловливается теперь позорная роль цивилизованнаго міра въ восточномъ вопросѣ.

Наши динамическія воззрѣнія въ естествознаніи, при которыхъ созданіе изъ ничего и обращеніе въ ничто представляются такъ легко, какъ результатъ совпаденія или разложенія динамическихъ опредѣленій въ математическихъ пунктахъ безразличнаго пространства, не должны-ли освоить насъ съ подобными-же воззрѣніями и въ области человѣческаго творчества? Не имѣемъ-ли мы основанія трепетать за возможность обращенія въ ничто всего пышнаго развитія этого творчества, вслѣдствіе начинающагося явно разлада интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ?

Самый характеръ нашей умственной дѣятельности, преимущественно аналитической, не составляетъ-ли уже самъ по себѣ признака начинающагося замиранія и безсилія нашей расы подняться до полноты живаго органическаго синтеза, претворяющаго непосредственные элементы здоровой, жизненной воспріимчивости—въ живую въ насъ идею, не всегда поддающуюся абстрактному выраженію, но опредѣляющую, непосредственно-же, здоровую, цѣлостную реакцію всего нашего существа на всѣ запросы жизни?

Безъ сомнѣнія, вы давно догадались, что всѣмъ сказаннымъ я хотѣлъ только выразить глубокое отвращеніе къ мысли, что мы первый и послѣдній цвѣтъ земной жизни, и что грозящій упадокъ одного поколѣнія, одной расы, долженъ быть и концемъ всего человѣческаго развитія. Въ дѣйствительности, я думаю, дѣло въ томъ, что жизнь человѣчества не поддается теоретическому построенію: она только *переживается* непосредственно; мы никогда не будемъ знать, да, можетъ быть, и не должны желать узнать истинныя черты нашей Изиды!»

«Кто не знает теперь чисто олигархического характера англійскаго правительства, представляющаго въ дѣйствительности только интересы господствующихъ классовъ, но обладающаго искусствомъ становиться представителемъ и всей обезземеленной массы, поставленной въ безвыходную необходимость подчиняться жестокой дрессурѣ самаго противуестественнаго скада общественной жизни? — Самое искусство это — теперь уже не секретъ, послѣ всего, что открыла намъ правительственная практика второй имперіи и еще недавно антипода ея — Сѣвероамериканской республики. Если баронъ Лизоля, во времена Людовика XIV, совершенно основательно указывалъ на необходимость для французскаго дворянства постоянно поддерживать войну для того, чтобы подростаящія поколѣнія дворянъ, каждое въ свою очередь, имѣли шансы для болѣе или менѣе блестящей карьеры, — то мы еще съ большимъ правомъ можемъ указать на условія подобной хищнической дрессуры во всемъ строѣ англійскаго общества. Мы не такъ легко замѣчаемъ это только потому, что, говоря словами Э. Монтегю, форма во многихъ дѣлахъ нашего міра значить все, и можетъ быть старая скандинавская система — пиратство намъ кажется несоотвѣтствующей нашимъ инстинктамъ только потому, что представляется въ слишкомъ грубой одеждѣ. Мы не станемъ впрочемъ слишкомъ идеализировать натуру человѣка; ничто такъ не оправдывается неизмѣнно и неумолимо, какъ правило: *qui veut faire l'ange — fait la bête*. Мы не забудемъ всегдашнихъ симпатій человѣка ко львамъ и орламъ, и будемъ держаться строгой почвы того *modus vivendi*, который мы называемъ культурой, цивилизаціей нашей первобытно-хищнической натуры. Послѣ многихъ вѣковъ страданій, кровавой борьбы, мы стали, казалось, на твердой почвѣ возможнаго для человѣческихъ обществъ: каждому жить собственнымъ свободнымъ трудомъ, а не эксплуатаціей другихъ. Эта единственная прочная основа международнаго права, далекая отъ

всякихъ утопическихъ и индивидуальныхъ требованій, оставляя достаточный просторъ національному эгоизму, обѣщала, казалось, европейской группѣ народовъ богатую будущность мирнаго развитія и благоденствія. Примираясь даже съ остатками внѣшняго хищничества (англичанъ въ Индіи), съ отсутствіемъ полной равноправности племенныхъ группъ (въ Австріи) установившійся *modus vivendi* обезпечивалъ насъ, казалось, отъ повторенія илотства, рабства, закрѣпощенія, отъ воскрешенія типовъ нормандскихъ и марокскихъ разбойниковъ, отъ позорной лжи, коварства, темныхъ убійствъ и другихъ подобнаго рода *государственныхъ потребностей* временъ Маккиавеля. Увы, такъ только казалось намъ! Благодаря г. Дизраэли, мы не можемъ сомнѣваться болѣе, что и современная политическая жизнь нѣкоторыхъ государствъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ этихъ древнихъ проказъ, готовыхъ проявиться среди насъ со всѣми усовершенствованіями XIX вѣка.

Главное изъ этихъ усовершенствованій — это способъ закабалить людей, цѣлыя народы, не прибѣгая ни къ какимъ явно насильственнымъ мѣрамъ, съ помощію однихъ представителей благонамѣренности и аккуратности. Туча денежной саранчи на биржахъ Лондона, Вѣны, Парижа, становится распорядительницей труда милліоновъ, *) обреченныхъ вырабатывать проценты на капиталы, затраченные на безумную роскошь и прихоти полуумныхъ властителей. Затѣмъ, защита правъ и интересовъ этой саранчи становится *raison d'état*, государственной необходимостію, — и вотъ свободная, христіанская, просвѣщенная страна обречена быть гнуснымъ орудіемъ всесвѣтныхъ ицекъ и мошекъ, раздувшихся въ Ротшильдовъ, Эрлангеровъ, сообщницей Митхадовъ, Шевкетовъ, Ахметовъ!

*) Авторъ этого этюда пытался указать средство противодѣйствія этому злу въ статьѣ «*Деньги XX вѣка*» помѣщенной въ Заграничн. Вѣстникъ 1882 г. и изд. отдѣльно по-русски, и по-французски: *L'argent du XX siecle*, у Guillaumin et Co.

Говорятъ—ничто не ново подь луною. Это не совсѣмъ такъ. Намъ выпала позорная, жестокая доля переживать небывалое, по крайней мѣрѣ за историческую память, униженіе челоуѣчества, униженіе не предъ силою, не предъ обаяніями невѣжества и предразсудковъ (все это, по крайней мѣрѣ, фатально и прирожденно), — нѣтъ, униженіе предъ голой подлостію и алчнымъ пройдохствомъ.

Есть что-то ужасающе-фатальное въ совершенно неожиданныхъ послѣдствіяхъ самыхъ лучшихъ, повидимому самыхъ либеральныхъ стремленій, нашего времени. Нельзя измѣрить всей глубины черствости и подкупности, которыми проявился на нашихъ глазахъ истинный характеръ весьма значительнаго, по численности и вѣсу, общественнаго слоя, блестящаго и гремѣвшаго на весь міръ ученіями неограниченной свободы всѣхъ отраслей челоуѣческой дѣятельности. На нашихъ глазахъ совершился полный метаморфозъ, развитіе и проявленіе прожорливости отвратительныхъ гусеницъ изъ сѣмянъ, положенныхъ Смитами, Кобденами, Брайтами! Изъ этихъ сѣмянъ вышли цѣлыя тучи аферистовъ, паразитовъ и всевозможныхъ пройдохъ, съ общимъ лозунгомъ: нажива во что-бы ни стало! Цѣлыя тучи *настоящихъ нигилистовъ* нашей цивилизаціи въ смыслѣ непризнаванія ничего кромѣ удачи и денегъ. Наши ученія о гармоніи экономическихъ отношеній, о вредѣ всѣхъ историческихъ складокъ общественнаго организма, стѣсняющихъ конкуренцію и свободу борьбы индивидуальныхъ силъ, все это прямо пошло, прежде всего, на пользу этимъ тучамъ паразитовъ; успѣхи ихъ вышли тѣмъ обезпеченнѣе, чѣмъ менѣе разборчивы они были къ средствамъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей въ конкуренціи съ тѣми, для которыхъ эта разборчивость была дѣломъ природы, убѣжденій, достоинства».

Такимъ образомъ мысль объ опасностяхъ, грозящихъ нашей цивилизаціи, обѣжала уже весь земной шаръ *) въ цѣпи народовъ отъ одного берега Тихаго Океана до другого. Зрѣющее сознаніе грозящей всѣмъ гибели вызываетъ естественно и дѣятельную работу мысли для изысканія средствъ спасенія. Эта работа, впрочемъ, дѣло не новое для Европы. Она началась уже давно среди мыслителей, воплотившихъ въ себѣ, искренно, или по расчету, интересы страдающихъ слоевъ населенія цивилизованныхъ государствъ. Попавъ вскорѣ на демагогическую почву, она дала обильные всходы идеологическихъ фантазій, нашедшихъ для себя благопріятную среду въ атмосферѣ частію легкомыслія, частію страстнаго озлобленія и отчаянія и бессознательной привычки къ насилію. Нужно было мысли выработаться изъ этой отуманивающей среды, для того—чтобы явилась возможность и правильной оцѣнки самихъ фактовъ, и изысканія путей, ведущихъ къ достижимой цѣли. Повидимому, только теперь наступаетъ пора для этой работы, требующей прежде всего самаго внимательнаго удержанія мысли на почвѣ позитивнаго знанія, далеко отъ всякихъ внушеній предвзятой мысли и произвольныхъ идеалистическихъ построеній.

Страстная нетерпимость и нетерпѣніе радикальныхъ реформаторовъ обуславливаются едва-ли не главнымъ образомъ именно господствомъ въ ихъ теоріяхъ такой предвзятой мысли

*) Изъ германскихъ мыслителей, Фольгеръ совершенно отрицаетъ всякій прогрессъ въ исторіи человѣчества. Отвергая этотъ слишкомъ уже далеко идущій песимизмъ, Ф. А. Ланге допускаетъ однако возможность временнаго упадка цивилизаціи, въ такомъ же смыслѣ какъ и Г. Джорджъ. *Gesch. des Material.* стр. 760. Изд. 1882 г. Приводя также примѣръ Рима, Ланге справедливо замѣчаетъ. *Hätte man den römischen Optimaten zur Zeit der agrarischen Kämpfe die Geschichte der foldenden Jahrhunderte im Spiegel zeigen und den ursachligen Zusammenhang zwischen dem Verfall und der Accumulation der Reichthümer nachweisen können, vielleicht würden nicht Tiberius und Cajus Gracchus Ihre höhere Einsicht mit ihrem Blut und ihrem guten Ruf bezahlt haben.* (стр. 763)

и произвольной, бессознательной идеализации. На первом планѣ стоитъ здѣсь совершенно ложное представленіе, будто бы социальный порядокъ, основанный на абсолютной справедливости, неосуществленъ до сихъ поръ только вслѣдствіе препятствій со стороны господствующей политической власти. Запоздалымъ эпигонамъ наивнаго Жанъ-Жака кажется, что этотъ порядокъ—нѣчто естественное, какъ законы физики, химіи, и что—въ этомъ качествѣ—онъ можетъ установиться и поддерживаться непрерывно самъ собою, безъ помощи тѣхъ дорого стоящихъ поддержекъ, на которыхъ выросли и покоятся историческія формы цивилизованной жизни. Въ дѣйствительности мы не видимъ нигдѣ ничего похожего на эту сладкую идилію. Порядокъ, основанный на строжайшей справедливости, представляется только далекимъ идеаломъ въ вѣковой борьбѣ отдѣльныхъ лицъ, родовъ, общественныхъ классовъ и цѣлыхъ народовъ. Поддержаніе такого порядка на вѣчно колеблющейся почвѣ людскихъ страстей и пороковъ, потребуетъ, безъ сомнѣнія, и впереди не меньшаго напряженія силъ, какъ поддержаніе существующаго, далеко не совершеннаго строя. Справедливость—вовсе не дѣло внѣшней природы, естества; это—созданіе человѣка, такое же какъ наука, искусство, требующее также чисто искусственныхъ поддержекъ для своего существованія. Нагляднымъ доказательствомъ этой истины могутъ служить сами-же наирадикальнѣйшія построенія социалистическихъ реформаторовъ. Такова напр. записка Брюссельскаго конгресса международной ассоціаціи рабочихъ, 1875 г., въ которой набросаны, по идеямъ людей считающихъ себя впереди всего умственнаго движенія нашего вѣка, фактическія очертанія будущаго государства *безъ власти, съ гражданами—безъ семьи и собственности*, одинаково способными и *одинаково призываемыми, поочередно, ко всѣмъ видамъ труда!*

Издатель извѣстнаго лондонскаго журнала, какъ настоящій

enfant terrible своей партіи, оказалъ намъ неоцѣненную услугу своими примѣчаніями къ изданному имъ переводу названнѣй записки. Этими примѣчаніями онъ сразу устраняетъ всякую нужду въ какихъ либо возраженіяхъ на записку конгресса, такъ какъ возможность осуществленія проектируемыхъ имъ и его единомышленниками построеній будущаго общества обусловливается, по собственному его сознанію, абсолютнымъ совершенствомъ *всего человѣческаго рода*.

Вотъ дословныя опредѣленія записки и примѣчаній къ ней издателя. Записка предполагаетъ (стр. 24), что въ будущемъ обществѣ «соціальные законы могутъ сдѣлаться на столько очевидными для всѣхъ, что не будетъ надобности вотировать ихъ, какъ нѣтъ надобности вотировать законы астрономическіе, физическіе и химическіе» *). Примѣчаніе къ этому предположенію — уже прямо утверждаетъ, что «*лишь въ такомъ случаѣ* и будетъ достигнута цѣль соціальной революціи». «Въ противномъ же случаѣ, старое авторитарное государство будетъ составлено тѣми, кто будетъ издавать законы, которымъ и несогласные съ ними принуждены будутъ повиноваться».

Записка выражаетъ опасеніе, какъ-бы соціальная революція не оказалась только захватомъ государства рабочимъ классомъ, съ восстановленіемъ диктатуры, такъ какъ организація будущаго общества предполагаетъ *полную* группировку рабочихъ въ ремесленныя общества, между тѣмъ какъ группировка эта *едва лишь началась* (стр. 25 и 27); по мнѣнію же издателя, возможное восстановленіе авторитарнаго государства можетъ быть устранено *только* при установленіи *всемірной коопераціи* (стр. 15), т. е. коопераціи всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ и *общности земли для всего человечества* (стр. 45),

*) Это иллюзія, подобная той, которую Бугенвиль замѣтилъ у дикарей относительно самыхъ сложныхъ предметовъ человѣческаго производства: ils traitent les chef-d'oeuvres de l'industrie humaine, comme ils traitent les loix de la nature et ses phénomènes.

съ уничтоженіемъ *всякихъ слѣдовъ* принужденія и власти (стр. 49, 76). Несмотря однако на это уничтоженіе всякаго принужденія и власти, оказывается, что, въ будущемъ эллизіумѣ брюссельскаго конгресса, рабочій, ни въ какомъ случаѣ, «не будетъ пользоваться безусловною свободою работать какъ хочетъ и когда хочетъ», что «*лишь мастера по отраслямъ мелкой промышленности (если она будетъ еще существовать) будутъ пользоваться нѣкоторой личной независимостью во время работы*» (курсивъ въ подлинникѣ); по мнѣнію же издателя, задача сохраненія возможной свободы личности при всеобщей коопераціи потребуеть не мало труда, попытокъ и усилій для ея окончательнаго рѣшенія» (стр. 58). Это, впрочемъ, иначе нельзя и представить себѣ, такъ какъ въ воображаемомъ обществѣ «каждый членъ обязанъ будетъ отдавать *все свое время и все свои силы* на общественное дѣло» (стр. 67). Въ утѣшеніе же тѣмъ, кто задумался бы предъ такою будущностью, предъ необходимостью *для всѣхъ безъ исключенія, по очереди*, исполненія самыхъ грязныхъ работъ, авторъ записка обѣщаетъ, что непріятность такихъ работъ, одинаковыхъ для первостепеннаго таланта и для послѣдняго калибана, будетъ скрашиваться (стр. 60) исполненіемъ такихъ работъ въ многочисленномъ обществѣ,—вѣроятно по русской пословицѣ: на людяхъ и смерть красна. Авторъ примѣчаній добавляетъ къ этому еще болѣе заманчивое обѣщаніе, что въ будущемъ обществѣ каждый членъ *будетъ получать все необходимое даромъ, всюду—идь бы онъ ни находился* (стр. 37 и 51)!

Безуміе этихъ невозможныхъ эллюкубрацій тѣмъ безнадежнѣе, что проявленіе ихъ составляетъ совершенно вѣрный логически, прямолинейный выводъ изъ основаній также совершенно вѣрныхъ. Бѣда только въ томъ, что основанія эти имѣютъ только опредѣленную, ограниченную примѣнимость, — чего не желаютъ знать радикальные утописты. Въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ касательная въ математическомъ элементѣ кривой

линіи, логическое положеніе совпадаетъ съ реальною опредѣленностью человѣческой природы; за этими же предѣлами, въ ту и въ другую сторону, прямолинейные, строго логическіе выводы уходятъ въ безконечность абсурда, удаляясь — чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе — отъ дѣйствительныхъ очертаній реального міра.

Человѣкъ — индивидуумъ и въ массахъ — продуктъ необъятнаго множества вліяній, и въ этомъ смыслѣ — *космическое данное*, требующее положительнаго изученія во всѣхъ подробностяхъ реального бытія *). Идеализмъ философскихъ системъ усиливался искони замѣнить трудную, кропотливую работу такого изученія построеніемъ этого *даннаго* изъ небольшого числа объективныхъ элементовъ, дополняя недостающее возможно частою сѣтью логическихъ выводовъ; всеобщее увлеченіе, въ эпохи великихъ общественныхъ переворотовъ, скрывало всѣ недоразумѣнія подъ яркимъ знаменемъ обаятельно красивыхъ формулъ (*liberté, égalité, fraternité*), въ дѣйствительности также мало обнимающихъ существо социальныхъ задачъ, какъ и однородныя формулы гуманитарнѣйшихъ религій.

Часъ освобожденія отъ этихъ иллюзій мысли насталъ только съ народженіемъ позитивизма современнаго естествознанія.

*) Превосходнымъ ресурсомъ для такого изученія могутъ служить наблюденія такихъ путешественниковъ какъ Бастіанъ, Дарвинъ. Можно посоветовать любому строителю социальныхъ фантазій взять въ руки Дарвиновское «Путешествіе вокругъ свѣта на корабль Бигль, и заставить себя дать на бумагѣ отчетливое объясненіе приводимыхъ Дарвинымъ фактовъ одичанія непроходимаго невѣжества, бестіальнаго эгоизма и апатіи, хищничества и деспотизма, переходящихъ изъ рода въ родъ, при самыхъ лучшихъ климатическихъ условіяхъ, подъ кровомъ республиканскихъ учрежденій, свободы и равенства. Добросовѣтный отвѣтъ на вопросы, возбуждаемые этими фактами — вѣрнѣйшее средство для выработки трезваго позитивнаго взгляда на натуру человѣка, какова она въ дѣйствительности, въ ряду другихъ космическихъ данныхъ нашей планеты.

Ни что не стоит такъ далеко отъ этого здороваго позитивизма—какъ соціальныя утопіи коллективистовъ, анархистовъ, считающихъ себя, при всемъ томъ, во главѣ умственнаго движенія нашего времени. Сами по себѣ, впрочемъ, эти утопическія построенія были бы довольно безвредны и даже не бесполезны, въ смыслѣ обнаруженія болѣзненныхъ направленій мысли. Серьезное и опасное значеніе получаютъ они только вслѣдствіе дѣйствительно существующихъ и затягивающихся въ излеченіи соціальныхъ недуговъ нашего времени.

Въ чемъ суть этихъ недуговъ? — Сбивчивость и противорѣчивость отвѣтовъ на этотъ вопросъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Съ одной стороны, довольство настоящимъ тѣхъ, кому выпала счастливая доля, довольство подкрѣпляемое обманчивыми образами прошедшаго *); съ другой стороны — нетерпѣніе обдѣленныхъ судьбою, нетерпѣніе, доводимое до отчаянія потерю всякой вѣры въ правду общественнаго строя, — обѣ эти крайности внушаютъ исключая другъ друга и одинаково несостоятельныя рѣшенія соціального вопроса. Не разумное пониманіе положенія вещей и общей пользы рѣшаетъ, къ какому воззрѣнію примыкаетъ та или другая личность; все зависитъ отъ случая, отъ обстоятельствъ. «On passe la moitié de sa vie sur la brèche á l'assaut des murailles de la société; on pose l'autre moitié derrière ces mêmes murailles, en factien, la main aux oreilles et suant la peur», съ горечью замѣчаетъ искренній Биго (Les classes dirigeantes, стр. 301). А между тѣмъ, всѣ видятъ, гроза ближе и ближе, безоглядность доведенныхъ до отчаянія и деморализированныхъ

*) Въ высокой степени поучительна въ этомъ отношеніи для нашихъ дней личная исторія Гёрреса, изъ эпохи реакціоннаго движенія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ въ Германіи. Съ какимъ спокойствіемъ и «легкимъ сердцемъ» повторяютъ теперь многіе и многіе, вельдъ за Гёрресомъ: «Trotz alles widersetzlichen Sträubens, bleiben doch die Worte des Heiligen Remigius eine ewige Wahrheit: Nieder mit dem Hals, Sicamber! Verehere—was du verbrannt, verbrenne--was du verehrt hast!»

охватывает все больший и больший кругъ, идетъ глубже и глубже, разрастаясь вмѣстѣ съ презрѣніемъ ко всему—что представляло до сихъ поръ какую-либо сдержку.

«Чѣмъ хуже—тѣмъ лучше»; «всѣ средства хороши въ борьбѣ противъ насилія и несправедливости»,—вотъ что слышится на каждомъ шагу въ томъ лагерѣ, къ которому почти фатально примыкаетъ чуть-ли не большинство подростяющаго поколѣнія. Между дѣтьми и отцами, заканчивающими жизнь—какъ рисуется Биго, образуется цѣлая бездна, въ которой пропадаетъ всякая связь между поколѣніями*), а съ тѣмъ вмѣстѣ и главная консервативная сила существующаго порядка. Вся жизнь представляется чѣмъ-то шаткимъ, колеблющимся, съ ярко выказывающимся характеромъ переходной эпохи.

Но отъ чего и къ чему именно предстоитъ перейти намъ?

Вглядываясь въ историческій ходъ развитія европейской цивилизаціи, можно замѣтить въ немъ слѣдующія характеристическія черты. Въ средневѣковой періодъ, значеніе индивидуума въ обществѣ опредѣляется, поглощающимъ образомъ, государствомъ, его потребностями, его воззрѣніями, въ тѣсной связи съ родовымъ началомъ. По мѣрѣ того, какъ подвигалось неизбежное крушеніе этого порядка, возрастаніе самостоятельности и силы городовъ выдвигало на сцену иное начало; общественнаго положенія и достоинства личности: имущественность, богатство, прибрѣтенныя экономическою дѣятельностью, независимо отъ оцѣнки такой дѣятельности государствомъ, и, наконецъ, вообще независимо отъ достоинства ея и съ общественной точки зрѣнія. Въ этомъ направленіи впереди другихъ идутъ италіанскіе города, Голландія. Насильственно задерживаемое движеніе по тому-же пути въ Англіи и Франціи вырывается на просторъ въ кровавыхъ переворо-

*) Этотъ гибельный разладъ между поколѣніями и его причины въ условіяхъ русской жизни очерчены въ изданной нами брошюрѣ: «Къ исторіи русскаго нигилизма», въ анализѣ «Отцы и Дѣти»—Тургенева.

тахъ; но фактически, уже задолго до знаменитой фразы Сийеса, было готово все, чтобы среднее сословіе изъ *ничего* средневѣковаго строя сдѣлалась *всѣмъ* новаго порядка, опредѣлившагося вполнѣ съ конца XVIII вѣка. Суть этого порядка—господствующее значеніе *имущественности* (это то—чему Марксъ далъ названіе *капитализма*, названіе, сбивчивость котораго въ изслѣдованіяхъ самого Маркса увеличивается до невыносимости неуклюжими и ни къ чему ненужными приѣмами софистической гегелевской діалектики). Государство является здѣсь охранителемъ положенія и вліянія, приобретенныхъ и удерживаемыхъ наследственно, независимо отъ достоинства личности и заслугъ ея предъ государствомъ и обществомъ. Мало-по-малу, само государство подчиняется вліянію имущественныхъ классовъ, и имущественная точка зрѣнія становится господствующею въ законодательствѣ и организаціи государственнаго механизма.

Односторонность и существенная антисоціальность такого порядка, открывающаго просторъ паразитизму и гражданской безнравственности, быстро обнаруживаются въ особенности тамъ, гдѣ государство, въ катаклизмахъ революцій, допустило исключительное господство новаго начала, вмѣсто того—чтобы включить его въ историческій синтезъ своей жизни, въ совокупности съ прежнимъ государственнымъ началомъ.

Мы видимъ это во Франціи, гдѣ всѣ печальныя явленія плутократическаго порядка совершенно напрасно приписывались лично Луи-Филиппу и, потомъ, Луи-Наполеону. Реакція со стороны эксплуатируемыхъ и деморализованныхъ слоевъ общества должна выразиться здѣсь уже не столько въ политической, сколько въ соціальной сферѣ.

Знаменемъ такой реакціи является личный трудъ, его права и достоинство въ общемъ государственномъ строѣ. Соціализмъ стремится сдѣлать этотъ лозунгъ исключительно задачею государственной жизни. При этомъ, очевидно, упускается изъ

виду, что государство—вовсе не трудовая только ассоціація, что содержаніе жизни его далеко не исчерпывается одною экономическою дѣятельностью. Соціалистическая идея государства является такою-же одностороннею, какими были въ свое время феодално-теократическая (охраняющей силы) и буржуазная (имущественная). Здоровое развитіе цивилизованныхъ націй, если оно еще возможно, будетъ не одностороннимъ торжествомъ идеи личнаго труда, не исключительнымъ господствомъ рабочаго класса, а включеніемъ законнаго значенія труда въ разносторонній синтезъ полной государственной жизни, на началахъ разумной свободы и справедливости

И во взглядѣ на самый порядокъ, въ которомъ долженъ совершиться переходъ къ новому строю государственной жизни, обогащенному трудовымъ началомъ, соціалистическая школа дѣлаетъ большую ошибку. Школѣ этой, и въ особенности радикальному крылу ея, ставятъ обыкновенно въ упрекъ исключительно отрицательное направленіе. Въ дѣйствительности однако, упрекъ въ этомъ случаѣ можетъ быть скорѣе въ противоположномъ смыслѣ. Соціализмъ стремится здѣсь именно проявить положительную дѣятельность, поставивъ свои одностороннія и явно несостоятельныя сооруженія тамъ — гдѣ уместна только отрицательная дѣятельность устраненія односторонняго развитія прежнихъ началъ, оказавшагося гибельнымъ для общественнаго организма. Несомнѣнно, что смущающія насъ явленія общественной жизни составляютъ неизбѣжныя условія перехода къ новому порядку вещей, въ которомъ личный трудъ и личные достоинства, независимо отъ имущественнаго фактора, получаютъ подобающее имъ значеніе въ постановкѣ вліянія и достоинства человѣка въ ряду его согражданъ. Но всѣ попытки построения этого будущаго порядка à priori будутъ всегда имѣть только субъективное значеніе. Только сама жизнь можетъ опредѣлить тѣ формы, въ которыя сложится новый строй цивилизованной жизни. Мы

можемъ только предвидѣть уже теперь, что начало государственности не только не ослабѣетъ при этомъ, какъ думаютъ анархисты, а напротивъ того—усилится въ значительной степени на счетъ индивидуальной разрозненности и индифферентизма общественныхъ слоевъ, эксплуатировавшихъ государственную силу въ свою пользу. Но такое ограниченіе нынѣшняго сингуляризма выразится вовсе не въ видѣ одностороннихъ экономическихъ формъ (коллективизма, коммунизма), исключающихъ возможность высшаго свободнаго развитія человеческой личности. Это высшее развитіе будетъ имѣть — чѣмъ дальше, тѣмъ больше цѣны для блага общаго, въ формахъ общественной жизни, далекихъ отъ чисто животнаго уровня.

Бѣдность, нужда, никогда не оставятъ совсѣмъ нашей земли, также какъ страсти, болѣзни и слабости человѣка; но угрожающая теперешнему обществу опасность озлобленнаго пролетаріата исчезнетъ съ устраненіемъ существенныхъ причинъ этого озлобленія.

Мы разсмотримъ сейчасъ, на сколько можетъ быть дѣйствительно средство предлагаемое Генри Джорджемъ для достиженія такой цѣли, и выскажемъ, въ чемъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ видѣть надежду на спасеніе нашей цивилизаціи.

II.

Генри Джорджъ, по существу своего направленія, принадлежитъ къ группѣ экономистовъ, которые видятъ въ экономическихъ условіяхъ жизни опредѣляющее начало всего соціального строя, и въ реформѣ этихъ условій—рѣшеніе всѣхъ соціальныхъ вопросовъ нашего времени.

Это направленіе затемнило въ послѣднее время для многихъ истинный смыслъ науки А. Смита, великая заслуга котораго заключалась именно въ выдѣленіи экономической идеи изъ комплекса политическихъ, правовыхъ и техническихъ связей. Экономическая наука должна анализировать общественный процессъ *производства* богатствъ, подобно тому, какъ теоретическая механика анализируетъ явленія равновѣсія и движенія тѣлъ, независимо отъ ихъ химическихъ свойствъ, независимо отъ температуры, плотности, электрическаго напряженія среды, въ которой совершаются механическія явленія. Несомнѣнно, что только такимъ обособленіемъ идеи *производства* богатствъ, какъ средствъ удовлетворенія жизненныхъ потребностей чело-вѣка въ обществѣ, и могла создаться экономическая наука. Существеннѣйшею частію ея должно быть именно изслѣдованіе *производства*. Ошибка Се и его послѣдователей—поставить на одну линію съ производствомъ *распредѣленіе* и *потребленіе* богатствъ *). Эти два послѣдніе отдѣла

*) Ошибка эта выступаетъ особенно ярко у П. Леруа Болье, въ сочиненіи, посвященномъ спеціально *распредѣленію* богатствъ (Essai sur la réparti-

должны входить въ экономическую науку только по отно-
нію ихъ къ *производству* — никакъ не самостоятельно, такъ
какъ они, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть обособлены
отъ условій политическихъ, правовыхъ и проч. То, что мо-
жетъ быть названо *экономическими законами*, въ параллель
законамъ природы, относится исключительно къ *производству*
богатствъ: это законы раздѣленія труда, законы спроса и пред-
ложенія, законы личнаго интереса, личной инициативы и от-
вѣтственности.

Для экономической науки, человѣческія силы такой же зиж-
дущій элементъ, какъ сила пара, электричества; задача — упо-
требить ихъ въ дѣло наивыгоднѣйшимъ образомъ.

Мы говоримъ: *человѣческія силы*, не—человѣкъ, желая
этимъ указать, что экономическая наука выводитъ свои фор-
мулы на основаніи только той части человѣка, которую онъ
посвящаетъ производству, сохраняя въ своемъ неприкосновен-
номъ распоряженіи все остальное, т. е. все что необходимо
ему для удержанія за собою достоинства человѣка. Но это
остальное опредѣляетъ уже вовсе неэкономическая наука.
Соціалистическое направленіе научныхъ изслѣдованій упускаетъ
это изъ виду, подкапывая въ корнѣ самое существованіе этой
науки. Не экономика должна создать человѣка, гражданина,
а наоборотъ—гражданскій порядокъ, со всѣми своими поли-
тическими, этическими, интеллектуальными условіями, долженъ
поставить человѣка, какъ дѣйствующую силу въ экономикѣ.

tion des richesses). Ограничиваясь опроверженіемъ демагогическихъ софизмовъ
Лассаля, Леруа Болье игнорируетъ все, что было давно высказано и что
можно было сказать относительно неправильности отнесенія *распредѣленія*
богатствъ въ разрядъ явленій чисто экономическихъ. Вотъ что замѣчено
было по этому поводу еще Д. С. Миллемъ: «Если законы *производства* бо-
гатствъ представляютъ нѣчто фатальное, то этого никакъ нельзя сказать отно-
сительно законовъ *распредѣленія*, такъ какъ оно зависитъ вполнѣ отъ со-
стоянія цивилизаціи, непрерывно измѣняющагося; поэтому и законы эти не
могутъ быть неизмѣнными».

Иначе—все обращается въ хаотическое смѣшеніе самыхъ разнородныхъ понятій, въ которомъ нѣтъ никакой возможности разобратъся. Кромѣ этихъ специально экономическихъ законовъ, явленія экономической жизни обусловливаются также совершенно абстрактными законами *массовыхъ процессовъ*. Изслѣдованіе этихъ законовъ, этой, такъ сказать, психологіи народныхъ массъ *), и должно служить, мы думаемъ, введеніемъ въ соціальныя науки вообще. Здѣсь обширное поле для приложеній математическаго анализа (и вовсе не тамъ—гдѣ хочетъ примѣнять его г. Вальра) и въ особенности теоріи вѣроятностей.

Затѣмъ, все остальное въ экономической наукѣ, всѣ положенія ея прикладной части, если и не тавтологизмы, какъ думаетъ оксфордскій профессор Вонату-Price, то, во всякомъ случаѣ, не законы природы, а лишь простые логическіе выводы изъ данныхъ политическаго, соціальнаго и культурнаго положенія народа.

Изслѣдованіе свое Г. Джорджъ начинаетъ съ постановки своей задачи, съ картины соціальнаго положенія современныхъ цивилизованныхъ народовъ: развивающихся параллельно крайностей богатства и бѣдности, и обостряющагося съ каждымъ днемъ антагонизма между имущими и неимущими. Генри Джорджъ съ полною искренностію сознается, что всѣ надежды на примиреніе этихъ противорѣчій, на смягченіе крайностей въ средѣ общаго благосостоянія,—надежды, которыми встрѣчались, въ теченіи цѣлой почти половины вѣка, великія открытія во всѣхъ областяхъ знанія и граничація съ чудеснымъ техническія изобрѣтенія,—что всѣ эти надежды пошатнулись въ жестокомъ опытѣ послѣднихъ тридцати пяти

*) Съ этимъ совпадаетъ мысль Лотце: Die gewöhnliche Psychologie, die nur den inneren Gegenwirkungen in der einzelnen Seele gilt, soll zu einer Lehre über die geistigen Wechselwirkungen zwischen einer Vielheit von Personen erweitert werden (Grundzüge der pract. Philosophie, стр. 42).

лѣтъ. Проклятый вопросъ объ истинныхъ причинахъ бѣдности опять возстаетъ предъ нами гигантскимъ сфинксомъ, среди безбрежной пустыни, схоронившей наши лучшія надежды, усѣянной развалинами еще недавно манившихъ къ себѣ храмовъ, да печальными остовами увлекавшихъ насъ теорій... Просторъ на ней теперь налетнымъ хищникамъ узурпаціи и обскурантизма, да буйнымъ вихрямъ демагогическихъ и анархическихъ бредней.

Г. Джорджъ указываетъ, какъ, среди схоластическихъ споровъ экономистовъ объ основныхъ положеніяхъ науки, народныя массы теряютъ всякое довѣріе къ ней и отдаются слѣпо руководству шарлатановъ и демагоговъ. «Въ этихъ условіяхъ, говоритъ онъ, кажущіеся успѣхи цивилизаціи могутъ быть только эфемерными. Реакція не заставитъ себя ожидать. Башня клонится на сторону, и надстройка каждаго новаго яруса только приближаетъ къ неизбѣжной катастрофѣ. Дѣлается сомнительной самая польза образованія для массъ, если они обречены фатально на безысходную бѣдность; при фактической соціальной неурядицѣ, существованіе политическихъ учрежденій, предполагающихъ въ теоріи общее равенство, представляется также мало устойчивымъ, какъ положеніе пирамиды, поставленной на своей вершинѣ». Правда, и теперь не мало ученыхъ и публицистовъ, отстаивающихъ воззрѣнія, казалось бы невозможныя послѣ всего, что пережито цивилизованными націями въ послѣднія сто лѣтъ. Но всякій серьезный читатель самъ легко замѣтитъ предвзятую мысль ихъ изслѣдованій. Прототипъ такихъ изслѣдователей—извѣстный Бастіа. Онъ старался доказать, что промышленныя успѣхи не только улучшаютъ, сами собою, положеніе всѣхъ слоевъ общества, но и уравниваютъ его, уменьшая разстояніе между богатыми и бѣдными, между рабочимъ классомъ и классомъ собственниковъ. По словамъ его, вслѣдствіе успѣховъ промышленности, дѣло механическаго труда болѣе и болѣе

переходить на даровыя силы природы; поэтому, всѣ предметы потребленія должны становиться дешевле и дешевле, должны дѣлаться также почти *даровыми*, такъ какъ никто не захочеть платить за то, что произведено не трудомъ, а силами природы. По мѣрѣ осуществленія этихъ успѣховъ, и положеніе рабочаго класса должно улучшаться и само собою достигать будущаго уровня общаго для всѣхъ слоевъ общества. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти положенія Бастіа нужно было принимать *на вѣру*, какъ готовый результатъ изслѣдованія, которое Бастіа намѣренъ былъ, какъ замѣчаетъ Родбертусъ (Offener Brief an das Comité des Deutschen-Arbeiter-Vereins in Leipzig), представить публикѣ впослѣдствіи. Но намѣреніе это, за смертію Бастіа, такъ и осталось намѣреніемъ. За то теперь, П. Леруа Болье, съ невозмутимою самоувѣренностію, берется осуществить его въ своемъ *Essai sur la répartition des richesses*. Онъ и теперь, въ 1882 г., смѣло повторяемъ голословныя утвержденія Бастіа, выдавая за научное изслѣдованіе жалкій подборъ самыхъ шаткихъ и недостовѣрныхъ (по собственному его сознанію) цифръ, которымъ самъ же онъ могъ бы противопоставить вдвое больше другихъ, нисколько не болѣе неточныхъ и шаткихъ. По сознанію самыхъ достовѣрныхъ изслѣдователей, и теперь еще, какъ и во время Бастіа, статистическія данныя о цѣнахъ, о числѣ бѣдныхъ, о распредѣленіи доходовъ (Haushoffer, *Handb. der Statist.* § 170) дотого неточны и недостовѣрны, что строить на нихъ какія либо положенія—значить идти сознательно на обманъ самого себя и другихъ. Такъ, по исчисленію Леруа-Болье (l. c. стр. 427), число бѣдныхъ во Франціи не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ мил. Для того, чтобы вывести эту удобную для него цифру, Леруа-Болье беретъ данныя 1860 г., отказываясь, неизвѣстно почему, отъ болѣе свѣжихъ; а для того—чтобы крайне ограниченной цифрѣ вспомоществуемыхъ изъ 11352 bureaux de bienfaisance дать не подобающее ей значеніе, онъ поясняетъ, что

цифра эта относится къ городамъ и главнѣйшимъ сельскимъ общинамъ и потому-де должна обнимать *почти все число* нуждающихся во Франціи, такъ какъ пауперизмъ сосредоточивается главнымъ образомъ въ городахъ и бургахъ! При этомъ Леруа-Болье какъ будто забываетъ, что самъ же онъ (стр. 436) возводитъ, какъ бы въ законъ, *меньшую* пропорцію бѣдныхъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ въ земледѣльческихъ! Но, чтобы еще нагляднѣе характеризовать приведенныя цифры и приемы изслѣдованія Леруа-Болье, обратимъ вниманіе читателя на то, что въ 1877 г. во Франціи было уже 13440 bureaux de bienfaisance (т. е. на 2088 болѣе чѣмъ въ 1860 г.), а между тѣмъ и эта цифра относилась только *едва къ 1/3 всѣхъ общинъ!* Если взять цифру вспомоствуемыхъ этими бюро въ 1,300,000 (по даннымъ 1873 г.) и предположить, что въ остальныхъ общинахъ число бѣдныхъ составляетъ только половинную пропорцію, то и въ такомъ случаѣ общая цифра бѣдныхъ будетъ все-таки выше 2,600,000, т. е. пропорція ихъ на все населеніе Франціи будетъ почти вдвое болѣе выведенной Леруа Болье. Нужно не забывать при этомъ, что, независимо отъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій для помощи бѣднымъ, во Франціи существуетъ множество частныхъ благотворительныхъ учрежденій, цифра вспомоствуемыхъ которыми не входитъ въ приведенное исчисленіе, но при всемъ томъ, по отзыву компетентнѣйшихъ авторитетовъ, всѣми этими учрежденіями оказывается помощь *едва самой крайней нуждѣ* (Löning, Armenflege und Armenpolizei, Handb. der P. O. v. Schönberg, II, стр. 584). Въ Ирландіи число бѣдныхъ, по исчисленію Леруа-Болье, не составляетъ и 16 на 1,000 человѣкъ населенія! И самъ онъ не рѣшается привести эту очевидно вздорную цифру безъ оговорки, такъ какъ по ней слѣдовало бы заключить, что пропорція бѣдныхъ *въ Ирландіи* слишкомъ въ 3 раза менѣе, чѣмъ въ Шотландіи и Англии! Далѣе онъ самъ сознается, что les

études comparatives sur le paupérisme sont pleines de difficultés: il est impossible d'atteindre à des résultats exacts — и, не смотря на все это, дѣлаетъ рѣшительные выводы на основаніи такихъ недостоверныхъ данныхъ, не останавливаясь даже явно нелѣпымъ заключеніемъ, будто-бы въ Норвегіи (странѣ, отличающейся равномерностію распредѣленія достатка) пропорція бѣдныхъ (5%) значительнѣе, чѣмъ въ Англии, Франціи и Саксоніи! Затѣмъ, когда онъ наталкивается на значительную пропорцію бѣдныхъ въ Бельгіи и Голландіи (около 14%), пропорцію, совершенно опрокидывающую только-что вздутый имъ выводъ о меньшей будто-бы пропорціи бѣдныхъ въ странахъ промышленныхъ, то онъ тотчасъ же заподозриваетъ вѣрность исчисленій, для того, чтобы имѣть возможность съ невозмутимою увѣренностію провозгласить, что истинный ученый не долженъ останавливаться на общепринятомъ ложномъ взглядѣ на Англию, какъ на родину пауперизма; что совершенно напротивъ — пауперизмъ въ Англии менѣе интенсивенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы!» И всѣ эти натянутые софизмы провозглашаются въ 1882 г. съ высоты академической кафедры, въ странѣ еще недавно облитой кровью соціальной борьбы. Противъ этой бессмысленной и жалкой попытки заглушить голосъ истины, одинаковый для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, мы приведемъ правдивыя слова Бигот: «Le situation actuelle est grave, elle est redoutable. La nation est divisée comme en deux nations qui se regardent avec des yeux pleins de haines, de menaces et de défis. Les questions sociales sont posées avec une brutalité terrible. On les a vues surgir formidablement armées, au lendemain même de la guerre étrangère. On les a noyées dans le sang:» (Bigot, Les classes dirigeantes, стр. 305).

Въ основаніе своихъ заключеній Г. Джорджъ кладетъ фактъ, дѣйствительно часто наблюдаемый въ Америкѣ, фактъ появленія бѣдности и всѣхъ ея спутниковъ съ переходомъ по-

селка въ городъ, съ развитіемъ въ немъ всѣхъ усовершенствованій современной техники производствъ и жизненнаго комфорта. Но, по нашему мнѣнію, Г. Джорджъ впадаетъ въ односторонность, приписывая это явленіе исключительно развитію неравноправности въ распредѣленіи богатствъ, по условіямъ современнаго строя. Логика его грѣшитъ тою же идеализаціей человѣческой натуры, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ социалистическихъ утопій и анархическихъ теорій нашего времени. Мы думаемъ, что первымъ условіемъ обезпеченія мысли отъ этихъ ложныхъ путей, первымъ условіемъ дѣйствительнаго шага впередъ въ социальной наукѣ — должно быть самое внимательное удержаніе мысли отъ прямолинейнаго, по закону инерціи, идеалистическаго движенія ея, и примѣрка ея, въ самыхъ мелкихъ деталяхъ, ко всѣмъ изгибамъ реальнаго бытія. При этой работѣ, всегда болѣе трудной, чѣмъ отвлеченная идеализація, не нужно ни на минуту забывать, что перспективы всѣхъ этихъ изгибовъ недоступны, по натурѣ нашего мышленія, конкретному образному представленію, — перспектива же съ каждой реальной точки — уходитъ, по безконечной касательной, отъ дѣйствительныхъ очертаній изучаемаго предмета, унося нашу мысль далеко за предѣлы существующаго и осуществимаго.

Нашъ авторъ сводитъ всѣ причины бѣдности и сопровождающихъ ее пороковъ къ развитію неравноправности въ распредѣленіи богатствъ. Въ дѣйствительности, эта неравноправность является только одною изъ причинъ — и часто далеко не главною. Естественное неравенство индивидуальныхъ силъ и способностей, — указываемое самимъ авторомъ основное свойство человѣка стремиться къ достиженію цѣли путемъ возможно меньшей траты силъ, — ограниченность природныхъ источниковъ существованія, — вотъ тѣ причины, которыми можетъ обуславливаться развитіе неравенства и бѣдности во всѣхъ формахъ социального существованія. Зло является въ

обществѣ главнымъ образомъ не какъ дѣло злаго умысла, а какъ отсутствіе добра, для созданія котораго требуется и большаго пониманія, и большаго усилія, и большаго самообладанія, вообще большихъ соціальныхъ добродѣтелей. Но выработка ихъ въ каждомъ членѣ общества есть дѣло историческаго развитія самого общества, развитія, совершающагося не по рецептамъ мудрецовъ, а по фатализму реальной жизни каждаго племени. На всѣхъ ступеняхъ развитія, человѣкъ живетъ не непосредственно среди природы, а въ создаваемой имъ же самимъ общественной средѣ. Эта среда образуется вокругъ него также естественно и произвольно, какъ образуется раковина вокругъ молюска.

И распредѣленіе богатствъ, и распредѣленіе власти обусловливаются суммою наличныхъ въ каждый историческій, моментъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ въ этой средѣ. *Primum movens* историческаго развитія племени—эти силы, никакъ не та или другая форма распредѣленія богатствъ. Поэтому мы полагаемъ, что и успѣхъ мѣръ предлагаемыхъ вообще для противодѣйствія бѣдствіямъ, растущимъ вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи, будетъ соразмѣряться вездѣ съ наличными жизненными силами націи. Отжившихъ, умирающихъ—не воскресятъ они къ новой жизни. Въ этомъ отношеніи всѣ разсужденія американскаго мысли теля требуютъ извѣстной поправки, такъ какъ онѣ вездѣ исходятъ изъ отвлеченной обще-человѣческой точки зрѣнія, совершенно игнорируя единственный реальный субъектъ исторической жизни: націю. Этимъ недостаткомъ ослабляются многія части изслѣдованія и заключеніе Г. Джорджа, какъ яснѣе всего можно видѣть во второмъ отдѣлѣ книги, въ анализѣ и опроверженіи теоріи Мальтуса. Этотъ отдѣлъ составляетъ блестящую, по начитанности, остроумію и краснорѣчію, часть книги Г. Джорджа. Онъ доказываетъ, съ большою убѣдительностію, всю несостоятельность ученія Мальтуса, и основанныхъ на

немъ экономическихъ теорій, но, за всѣмъ тѣмъ, относясь къ этому вопросу безъ всякой предвзятой мысли, нельзя не сознаться, что логическая правильность первой половины положенія Мальтуса остается непоколебимой и останется такою до тѣхъ поръ, пока возраженія противъ нея будутъ исходить изъ той же отвлеченной обще-человѣческой точки зрѣнія, изъ которой исходить и сама эта теорія. Въ дѣйствительности, мы имѣемъ предъ собою примѣры населенности и возрастающей, и уменьшающейся, и остановившейся какъ будто бы на постоянной цифрѣ; но болѣе общимъ фактомъ остается, все таки, постепенное возрастаніе населенія (Rumelin, Bevölkerungslehre въ Handb. der pol. Oecon. v. Schönberg, т. I, стр. 1231. Haushofer, Handb. der Statist. стр. 116 и т. д.).

Въ этомъ случаѣ, какой-бы коэффициентъ мы не приняли для ежегоднаго прироста, математическая формула движенія населенія, все-таки, будетъ геометрическая прогрессія. Если первоначальную цифру населенія означимъ чрезъ a , а коэффициентъ ежегоднаго прироста чрезъ x , то прогрессія эта будетъ: $a : a(1+x) : a(1+x)^2 : a(1+x)^3$: и т. д. Какую-бы дробь мы ни приняли для x , все-же, чрезъ известное число лѣтъ (n), $(1+x)^n$ станетъ болѣе 2-хъ, т. е., населеніе удвоится; за тѣмъ, еще чрезъ n лѣтъ $-(1+x)^{2n}$ будетъ болѣе 2^2 , чрезъ $3n$ лѣтъ — болѣе 2^3 , и т. д.

Если-бы все человѣчество составляло одну общую семью, эта математическая формула имѣла-бы полное приложеніе, и для противудѣйствія увеличенію населенія свыше того—что можетъ вмѣстить земная поверхность, необходимо было-бы существованіе предполагаемыхъ Мальтусомъ провиденціальныхъ законовъ нравственнаго ограниченія, порока и бѣдности. Въ дѣйствительности однако нѣтъ нужды ни въ этихъ надеждахъ на человѣческое самообладаніе въ дѣлѣ полового влеченія, ни въ навязываніи природѣ дьявольскихъ расчетовъ на неизбежность разврата и нищеты. Въ распоряженіи природы нахо-

дится другой, болѣе могучій, болѣе вѣрный коррективъ. Коррективъ этотъ — смерть отдѣльныхъ племенъ, отдѣльныхъ народовъ, — смерть также неизбежная, какъ и смерть отдѣльныхъ индивидуумовъ *). Съ тѣхъ поръ какъ помнить себя на землѣ человѣкъ, существованіе человечества воплощалось въ жизни племенныхъ особей, пробѣгавшихъ болѣе или менѣе продолжительный путь развитія, зарождавшихся, возраставшихъ, достигавшихъ высшей точки процвѣтанія, для того — чтобъ затѣмъ склоняться къ упадку, и наконецъ исчезнуть съ лица земли, очищая мѣсто для новыхъ пришельцевъ. Народы могутъ отстаивать свое національное существованіе, также-какъ отстаиваетъ свое отдѣльный человѣкъ; философы и государственные люди могутъ придумывать болѣе или менѣе удачныя средства для возвышенія силы, для оздоровленія и продолженія существованія націи, — но, все-же, смерть ея также неизбежна, раньше или позже, какъ и смерть каждаго индивидуума во всемъ царствѣ природы. — «Пройдутъ тысячи лѣтъ: одна минута. Что ты видишь? спроситъ Юнгфрау. — Какъ будто меньше

*) Мы думаемъ, что къ племенамъ человѣка примѣнимъ тотъ же законъ вымиранія видовъ въ животномъ царствѣ, на который указываетъ Ч. Дарвинъ въ своемъ Путешествіи вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль», т. I, глава VIII. Весьма часто угрозу мальтус. закона думаютъ отвратить надеждами на громадныя пространства земнаго шара, остающіяся до сихъ поръ мало или вовсе не населенными. Мы не считаемъ возможнымъ останавливаться на этихъ видахъ, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ крайне ошибочное, по нашему мнѣнію, представленіе объ условіяхъ органической жизни въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара. Въ приведенной выше главѣ, Ч. Дарвинъ рассказываетъ о періодическихъ засухахъ въ Южной Америкѣ, уничтожающихъ милліоны живыхъ существъ. Подобныя климатическія катастрофы представляются на видъ чѣмъ-то случайнымъ; въ дѣйствительности же онѣ, если не исключаютъ вовсе ту или другую страну изъ числа обитаемыхъ, то, во всякомъ случаѣ, ограничиваютъ навсегда обитаемость ея болѣе или менѣе тѣсными предѣлами. Мы относимъ это замѣчаніе и къ Южной Америкѣ, и къ значительной части Африки, Сѣверн. Америки, Сибири и Средней Азій.

стало видать двуногихъ козявокъ, — отвѣтитъ Финстерааргорнъ: — яснѣе стало внизу, сѣзулись воды, порѣдѣли лѣса». (Тургеневъ. Стихотворенія въ прозѣ).

Такъ оскорбляющіе нравственное чувство, отталкиваемые нашимъ авторомъ съ такимъ отвращеніемъ и силою, пути и приемы Мальтусовскаго провидѣнія — дѣйствительно не пути жизни, а пути этой неизбежной смерти народовъ, или по крайней мѣрѣ — пути временныхъ болѣе или менѣе опасныхъ болѣзней. И для цѣлей нашего автора, было-бы выгоднѣе взглянуть на законъ Мальтуса именно съ такой точки зрѣнія, указавъ на проявленіе требуемыхъ Мальтусомъ коррективовъ чрезмѣрнаго роста населенія, какъ на проявленіе тѣхъ причинъ болѣзненнаго состоянія политическихъ организмовъ, противъ которыхъ и должно быть направлено придуманное имъ оздоравливающее средство.

Съ своей стороны, въ подкрѣпленіе доводовъ Г. Джорджа, противъ второй половины положенія Мальтуса, противъ утвержденія, будто-бы средства существованія увеличивающагося въ геометрической пропорціи населенія развиваются только въ пропорціи арифметической, мы приведемъ слѣдующія соображенія. Развитие человѣческаго общежитія обусловливается и сопровождается развитіемъ сношеній между отдѣльными его членами и между отдѣльными группами, на которыя разчленяется общество въ томъ или другомъ отношеніи. Несомнѣнно, что не всѣ эти сношенія имѣютъ цѣлю производство средствъ существованія или даже какихъ-бы то ни было полезностей, — но, все же, главную роль въ здоровомъ обществѣ играютъ именно такіа утилитарныя цѣли. Чтобы составить себѣ квантитативное представленіе о томъ, какъ быстро возрастаютъ подобныя сношенія при возрастаніи населенія, мы предположимъ нераздѣльное общество изъ m человѣкъ. Чѣмъ больше будетъ число m , тѣмъ ближе число всѣхъ возможныхъ сношеній (исчисляя ихъ какъ всѣ возможные сочетанія между m

буквъ) будетъ приближаться къ 2^m , такъ-что, съ увеличеніемъ населенія до $2m$, число сношеній возрастетъ до 2^{2m} и т. д. Такимъ образомъ, если увеличеніе населенія, согласно Мальтусовскому закону, образуетъ прогрессию

$$m, 2m, 4m, 8m, 16m, \dots \dots 2^{\overset{n}{m}},$$

то прогрессія возрастающаго числа сношеній будетъ: $2^m, 2^{2m}, 2^{4m}, 2^{8m}, 2^{16m}, \dots \dots 2^{2^{\overset{n}{m}}}$.

Если предположить даже, что, съ увеличеніемъ населенія, все большая и большая доля сношеній будетъ обуславливаться цѣлями неутилитарными (любопытство, развлеченія, украшенія), такъ-что и эти послѣднія сношенія образуютъ прогрессию

$$2^q, 2^{2q}, 2^{4q}, 2^{8q}, \dots \dots 2^{2^{\overset{n}{q}}},$$

то все же, пока q будетъ оставаться значительно ниже m , т. е. пока неутилитарныя сношенія не будутъ обнимать большей части населенія, не только будетъ возрастать быстрѣе чѣмъ цифра населенія абсолютное число утилитарныхъ сношеній ($2^m - 2^q$), но и пропорціональная доля послѣднихъ (2^{m-q}). Это указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на просторъ, который открывается, съ развитіемъ населенія, для осуществленія цѣлей, выходящихъ изъ предѣловъ сухой полезности (искусство, знаніе, комфортъ, національное величіе), безъ ущерба для здороваго развитія націи.

Изложенныя соображенія представляютъ наглядное объясненіе возможности граничащихъ съ чудеснымъ успѣховъ цивилизаціи съ развитіемъ населенія. Разумѣется, эта возможность обуславливается главнымъ образомъ предположеніемъ *полной свободы* сношеній между отдѣльными членами и между группами, на которыя расчленяется населеніе. Какъ только это условіе не существуетъ — дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ. Если причины, стѣсняющія свободу населенія (дикость, отсутствіе безопасности—довѣрія, деспотизмъ), препят-

ствують развитію сношеній между гражданами, препятствуютъ образованію въ средѣ ихъ группъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя первоначально разчленялось населеніе, — то, при раздѣленіи общей цифры его (p) на группы

$$p', p'', p''', p^{IV}, \dots$$

будетъ или увеличиваться только число такихъ группъ, или, если въ каждой группѣ будетъ возрастать до извѣстной степени и число лицъ, — все же, прогрессія развитія сношеній, выражающаяся здѣсь, въ каждый періодъ, суммою ряда: $2^{np'} + 2^{np''} + 2^{np'''} +$ и т. д., будетъ, во всякомъ случаѣ, далеко отставать отъ приведенной выше, по формулѣ: $2^n(p' + p'' + p''' +$ и т. д.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію указываемыхъ Г. Джорджемъ причинъ, задерживающихъ и извращающихъ развитіе цивилизаціи, и предлагаемаго имъ средства противодѣйствія имъ, мы прежде всего замѣтимъ, что ожидать отъ этого средства, какъ и отъ всякаго другаго, всеобщей примѣнимости во всѣхъ соціальныхъ недугахъ, — значитъ поддаваться большому увлеченію своею идей. Универсальныя средства и здѣсь также немислимы, какъ и въ терапіи тѣлеснаго организма. Представьте себѣ народъ, поставленный въ суровыя условія и борьбы съ природой, и борьбы съ другими народами, и въ то же время воспитываемый, въ теченіи вѣковъ, подъ вліяніемъ тауматургической религіи, представляющей ему божество способнымъ подчиняться вліянію жреческихъ манипуляцій и вымаливаній, вліянію угодничества и лести, способнымъ, ради этихъ побужденій, нарушать на каждомъ шагу законы природы, разума и самой элементарной справедливости. Представьте себѣ народъ, развращаемый изъ вѣка въ вѣкъ подобною религіей, и скажите, какое значеніе можетъ имѣть для исцѣленія общественныхъ язвъ, поражаемыхъ этими недостатками его національнаго характера, наиравномѣрнѣйшее

распредѣленіе богатствъ *)?—Очевидно, что и при установле-
ніи самаго абсолютнаго равенства личныхъ и имущественныхъ
правъ, народъ этотъ будетъ оставаться подъ разлагающимъ
вліяніемъ апатіи, лживости, лицемѣрія, пренебреженія къ за-
конамъ здравой логики, склоннымъ жить изо дня въ день, не
думая о будущемъ, рассчитывая болѣе на случайную удачу, на
успѣхъ тауматургическихъ операцій, чѣмъ на результаты труда
и силу разума. Изъ вѣка въ вѣкъ онъ будетъ продолжать свое
безпомощное прозябаніе безоружнымъ предъ лицомъ суровой
природы, *примѣняясь* униженно къ ней, вмѣсто того — чтобы
примѣнить ее къ себѣ,—тратя безплодно силы каждаго поко-
лѣнія на постройку сѣзнова жалкихъ хижинъ, на поправку
кое-какъ убійственныхъ дорогъ, — невѣдая ни могуществен-
ныхъ помощниковъ науки въ борьбѣ съ природой, ни вели-
кихъ нравственныхъ сооруженій для обезпеченія личности и
имущества отъ случайностей и произвола въ перемежающемъ
господствѣ среди него то анархіи, то личнаго деспотизма. Мы
думаемъ, что такой народъ нуждается прежде всего въ рели-
гіозномъ обновленіи, что насильственное установленіе въ немъ
идеальнѣйшаго равенства, разрывающаго историческія насло-
енія его общественной организаціи, было-бы тоже — что взбал-
тываніе яйца во время отложенія въ немъ первыхъ рудимен-
товъ будущихъ органовъ; мы думаемъ, что такое кажущееся
благодѣяніе скорѣе повредило-бы здоровому развитію соціаль-
наго организма, чѣмъ подвинуло-бы его впередъ.

Вообще, намъ кажется нелишнимъ указать здѣсь на ту
иллюзію, которой подвержены часто планы современныхъ ра-
дикальныхъ преобразователей, наравнѣ съ регламентаціями
просвѣтительной эпохи. Въ расчетахъ на благодѣтельное при-
мѣненіе тѣхъ и другихъ, часто совершенно упускается изъ
виду, что, для практическаго осуществленія и удержанія въ

*) Реальное подтвержденіе нашей мысли—у Дарвина. (Путеш. вокругъ
свѣта на кораблѣ Бигль, т. I, стр. 454—455).

народной жизни этихъ идеальныхъ построений, недостаетъ въ данный моментъ именно тѣхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ, присутствіемъ которыхъ въ душѣ—или, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи преобразователя — обусловливается самое возникновеніе преобразовательныхъ плановъ. Иллюзія поддерживается воспитанною ходомъ европейскаго образованія вѣрою въ метафизическую силу идей, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности сила эта — не болѣе какъ сила зерна, требующая для своего проявленія и подходящей почвы, и множества другихъ благопріятныхъ условій. Великія идеи, далеко опережающія вѣкъ, не рѣдко рождаются въ умахъ ученыхъ, философовъ; но только истинно государственнымъ геніямъ дано угадывать то, что и потребно, и осуществимо въ данный моментъ. Въ этомъ—законная основа истинно государственнаго опортюнизма, составляющаго діаметральную противоположность отвлеченному принципализму великой революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣющаго лишь внѣшнее сходство съ тѣмъ далеко негеніальнымъ направлениемъ, которое, подъ этимъ названіемъ, составляло характеристическую черту извѣстнаго французскаго трибуна.

По общему складу и направленію своихъ мыслей, какъ читатель могъ замѣтить изъ приведенной выше главы, нашъ авторъ, казалось-бы, долженъ быть свободенъ отъ указываемой нами иллюзіи; но увлеченіе своєю идеей переноситъ его, незамѣтно для него самого, чрезъ самыя существенныя возраженія. Повидимому, къ этому присоединяется отчасти и вліяніе чисто американскаго *платформеннаго* краснорѣчія, не чуждающагося софистическихъ приемовъ, можетъ быть и цѣлесообразныхъ на трибунѣ, но несовмѣстныхъ съ прямою научнаго изслѣдованія. Ярче всего замѣтно это въ отдѣлѣ о заработной платѣ и капиталѣ (отдѣлъ 1-й главы I—V ч.) *),

*) Наши цитаты относятся всѣ къ нѣмецкому переводу Гютшова. Berlin, 1881. E. Staude.

хотя именно въ этомъ отдѣлѣ г. Джорджъ беретъ провѣрить критически главныя начала господствующихъ политико-экономическихъ ученій. Г. Джорджъ цитируетъ А. Смита, Рикардо, Манъ-Куллока, Д. С. Милля, Вейланда, Кери, Никольсона, Парри, Торнтонна, Вокеровъ, для фиксированія настоящаго смысла терминовъ—*богатство, капиталъ, рента, заработная плата*, и въ особенности первыхъ двухъ. Но изъ всѣхъ этихъ цитированій и собственныхъ умозаключеній Г. Джорджа, въ концѣ концовъ, ничего особеннаго не выходитъ, такъ-какъ термины эти, служа для обозначенія чисто условнаго характера извѣстныхъ представленій по отношенію къ человѣку, мѣняютъ свой смыслъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ этого отношенія. Безъ сомнѣнія, этотъ смыслъ получилъ-бы болѣе устойчивости при строгомъ отдѣленіи частной экономики отъ экономики политическихъ обществъ, но это раздѣленіе до сихъ поръ вполнѣ никѣмъ не проведено еще въ наукѣ. Такъ Г. Джорджъ желаетъ удержать терминъ *богатство* только для произведеній человѣческаго труда, не допуская его не только для обозначенія полезностей предлагаемыхъ природою въ неограниченномъ количествѣ, какъ то и принято вообще въ политико-экономической наукѣ, но и для такихъ, ограниченность количества которыхъ даетъ имъ значеніе настоящаго богатства. По такому опредѣленію, напр. каменный уголь—фундаментъ промышленнаго могущества Англій—не долженъ считаться въ числѣ ея богатствъ; до тѣхъ поръ, пока уголь не взятъ изъ земли и не пущенъ въ промышленное обращеніе—онъ долженъ считаться лишь въ числѣ естественныхъ условій промышленности, подъ общимъ названіемъ земли. Такимъ-же образомъ, если-бы какой-либо народъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, употреблялъ всѣ свои силы на улучшеніе почвы и наконецъ достигнулъ-бы своей цѣли, оставивъ слѣдующимъ поколѣніямъ землю двойной или тройной плодородности, — все-таки, по опредѣленію Г. Джорджа (стр. 31),—почва эта не

можетъ считаться капиталомъ, хотя, по опредѣленію слѣдующей-же страницы (32-й), почва эта, какъ представляющая сочетаніе земли и труда, должна быть отнесена къ категоріи капитала. И здѣсь мы наталкиваемся опять на недостаточность въ экономической наукѣ космополитической точки зрѣнія. Политико-экономическая наука удерживается на прочной реальной почвѣ только въ предѣлахъ національной экономики, какъ то выяснено Листомъ и его школою. Въ этихъ предѣлахъ всѣ природныя полезности страны составляютъ ея богатство по отношенію къ другимъ странамъ, къ территоріи другихъ народовъ, такъ-какъ присвоеніе ихъ однимъ народомъ составляетъ фактъ обособленнаго національнаго существованія его, независимо отъ внутренняго распредѣленія земельной собственности. Затѣмъ, всякое богатство, природное или созданное трудомъ человѣка, можетъ быть отнесено, въ частной экономикѣ, къ категоріи капитала, какъ скоро оно рассматривается какъ источникъ дохода, будетъ-ли этотъ доходъ результатомъ приложенія къ дѣлу, вмѣстѣ съ капиталомъ, усилія мускульнаго или психическаго, настоящаго труда или спекуляціи, или, наконецъ, просто умѣнья пользоваться извѣстными соціальными условіями. Впрочемъ, несостоятельность опредѣленій нашего автора замѣчена уже прежде насъ Робертомъ Шельвиномъ, въ его «Die Arbeit und ihr Recht» (стр. 183), да и самъ Г. Джорджъ какъ будто хочетъ отвлечь вниманіе читателя отъ слишкомъ внимательнаго анализа этихъ опредѣленій, говоря, что онъ самъ не приписываетъ имъ важнаго значенія, такъ какъ онъ пишетъ не учебникъ, и т. д. (стр. 41). При болѣе строгомъ отношеніи къ собственнымъ представленіямъ и внимательномъ анализѣ чужихъ, Г. Джорджъ навѣрное пришелъ-бы, въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ Клейнвехтеромъ (Handb. der Polit. Oecon. v. G. Schönberg, т. 1-й стр. 174), къ сознанію, что «слово капиталъ обозначаетъ только извѣстное понятіе, т. е. общее названіе для многихъ

не одинаковыхъ представлений, и что поэтому ближайшее опредѣленіе этого термина — дѣло цѣлесообразности и удобства въ каждомъ случаѣ».

Не тратя времени на разборъ всѣхъ разсужденій Г. Джорджа, направленныхъ къ пригонкѣ экономической терминологіи къ предначертанному имъ заключенію, мы остановимъ вниманіе читателя только на принимаемой имъ основной формулѣ расpredѣленія богатствъ.

Формула эта:

$$p = a + k + r,$$

гдѣ p —означаетъ цѣнность всего продукта національной производительности, a —заработную плату, k —доходъ капитала и r —земельную ренту *). Очевидно, что для постановки такой формулы было прежде всего необходимо въ термины a , k , r —сгруппировать вполнѣ независимыхъ одинъ отъ другого факторовъ производительнаго оборота. Но уже при соображеніи такой группировки, Г. Джорджъ допускаетъ явныя натяжки, относя къ термину a , т. е. къ заработной платѣ, и вознагражденіе предпринимателей и администраторовъ въ производствѣ, а къ термину k —лишь процентъ на капиталъ, interest вмѣсто profit **). Дѣлать подобную группировку производительныхъ силъ—значить относить все производство къ несуществующему въ дѣйствительности порядку, въ которомъ, какъ предполагаетъ Г. Джорджъ, не капиталъ кладетъ основу занятіямъ труда, а наоборотъ—трудъ пріискиваетъ производи-

*) Мы обратимъ вниманіе читателя на заботливость, съ которою г. Джорджъ ставитъ, по возможности, въ тѣни антагонизмъ между интересами труда и капитала, усиливаясь взвалить вину исключительно на земельную собственность. У него—это приѣмъ опытнаго агитатора, съ цѣлію разъединить интересы капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ.

***) Леруа Болье указываетъ на это смѣшеніе существенно различныхъ элементовъ производительной дѣятельности, какъ на общій недостатокъ англійской экономической школы (Essai sur la répartition des richesses, стр. 50).

тельную дѣятельность и призываетъ къ ней капиталъ. Этимъ произвольно-утопическимъ предположеніямъ мы противопоставимъ слѣдующее замѣчаніе Родбертуса (мы выбираемъ умышленно этого экономиста, такъ какъ его, во всякомъ случаѣ, не могутъ заподозрить въ поддакиваніи ученіямъ буржуазной экономики): «для того, чтобы руководить съ успѣхомъ производствомъ, съ большимъ раздѣленіемъ труда, необходимы не только знанія, но и нравственныя силы. Они же требуются и для того, чтобы сообразить потребности рынка и соразмѣрить съ ними денежныя затраты. Рѣдко случается, чтобы подобное дѣло могло обойтись безъ участія капиталиста или земельного собственника. Сами рабочіе, по самой натурѣ своихъ занятій, не могутъ оказывать этой услуги, совершенно необходимой въ національномъ производствѣ». (Rodbertus, zur Beleuchtung der Social. Frage, 1 Bd. стр. 145). Затѣмъ, всѣ выводы изъ приведенной выше формулы должны получить существенное измѣненіе, вслѣдствіе того, что терминамъ a , k и r , т. е. вознагражденію труда, доходу капитала и рентѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписана совершенная независимость одного отъ другаго. Очевидно, что оба послѣдніе термина, по смыслу теоріи самого Г. Джорджа, обращаются большею частью, даже въ непроизводительномъ потребленіи доходовъ, на вознагражденіе услугъ и труда, идущаго на приготовленіе предметовъ потребленія, такъ что чѣмъ больше будутъ величины k и r , тѣмъ больше будетъ и величина a ; съ другой стороны, заработокъ труда будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше обороты капитала и земледѣлія;—съ увеличеніемъ-же этихъ оборотовъ, и доходъ отъ капитала и рента также будутъ значительнѣе, т. е. величина a будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше k и r .

Такимъ образомъ, тотъ непримиримый антагонизмъ между интересами труда, съ одной стороны, и капитала и ренты—съ другой, на которомъ основана вся теорія Г. Джорджа,

смягчается въ значительной степени, не говоря уже о томъ, что и самая теорія фонда заработной платы (Lohnfondstheorie), противъ которой онъ выставляетъ свою формулу распределенія дохода, давно уже оставлена въ наукѣ (см. Mitthoff, Die volkswirtschaftliche Vertheilung, G. Schönberg. Handb. der pol. Oecon. I, стр. 472. P. Leroy Beaulieu, Ess. sur la répart. des richesses, 2 éd. стр. 381).

Гораздо правильнѣйшимъ кажется намъ выраженіе связи между заработной платою, доходомъ капитала и земельною рентою, къ формулѣ частнаго производства, такъ какъ здѣсь терминамъ этимъ дѣйствительно можетъ быть дано весьма опредѣленное и независимое другъ отъ друга значеніе. Но въ этомъ случаѣ, правильная формула будетъ не та, которую даетъ Г. Джорджъ, а нѣсколько измѣненная, такъ какъ значеніе всѣхъ ея членовъ должно быть приведено къ одной единицѣ. Если обозначить чрезъ p цѣну единицы продукта, чрезъ n число этихъ единицъ, чрезъ a — заработную плату на единицу производства, чрезъ r — поземельную ренту, чрезъ k — доходъ капитала отъ каждой единицы продукта, а чрезъ k' — доходъ отъ всего оборота, независимо отъ количества произведенныхъ единицъ, то формула наша будетъ имѣть видъ:

$$np = na + nk + k' + r,$$

и слѣдовательно

$$a = p - k - \left(\frac{k' + r}{n}\right).$$

Въ земледѣльческомъ производствѣ, послѣдній членъ этой формулы $\left(\frac{k' + r}{n}\right)$ будетъ сохранять всегда свое значеніе, такъ какъ здѣсь увеличеніе производства обусловливается главнымъ образомъ увеличеніемъ обрабатываемаго пространства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и платежа ренты (r); но въ фабричномъ дѣлѣ — членъ $\left(\frac{k' + r}{n}\right)$ будетъ тѣмъ незамѣтнѣе, чѣмъ больше n , т. е.

чѣмъ обширнѣе производство; поэтому, здѣсь, главная причина умаленія заработной платы должна быть приписана не платежу земельной ренты и не доходу предпринимателя отъ общихъ затратъ на производство, а лишь той долѣ этого дохода, которая отвѣчаетъ затратамъ на каждую единицу продукта. Легко усмотрѣть также изъ приведенной формулы побужденіе къ увеличенію размѣровъ производства, лежащее фатально въ самомъ существѣ промышленной дѣятельности, такъ какъ членъ: $(\frac{k'+r}{n})$, а съ нимъ вмѣстѣ и цѣна продукта p , будетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше n , т. е. чѣмъ обширнѣе производство. Не менѣе очевидно и то, что возможно большее пониженіе заработной платы лежитъ болѣе всего въ интересѣ мелкихъ производствъ, для которыхъ $(\frac{k'+r}{n})$, т. е. доля дохода, необходимая для покрытія общихъ расходовъ производства, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ для крупнаго фабриканта. И въ землевладѣльческомъ производствѣ справедливость этого замѣчанія подтверждается приводимымъ Лавеле примѣромъ бельгійскихъ мелкихъ собственниковъ и фермеровъ, прижимающихъ самымъ кулачскимъ образомъ рабочихъ, которымъ приходится снимать у нихъ землю.

Для нашего автора цѣлесообразнѣйшими опредѣленіями экономическихъ терминовъ должны были стать, разумѣется, тѣ, съ которыми являлось для него наибольшее удобство провести свою тезу о томъ, будто-бы заработная плата беретъ все не изъ капитала, а изъ продукта самого труда (стр. 18). И этимъ еще не довольствуется американскій экономистъ; онъ доходитъ до утвержденія, что если въ промышленномъ производствѣ кто-либо ссужаетъ кого, то ужъ ни какъ не капиталистъ работника, а наоборотъ — работникъ капиталиста (стр. 60)!

Утвержденіе это, кажущееся нашему автору необходимымъ для его окончательнаго вывода и основанныхъ на немъ пред-

положеній, добывается имъ при помощи цѣлаго ряда несо-
всѣмъ правильно освѣщенныхъ фактовъ и нѣскольکو софи-
стическихъ умозаключеній. Онъ начинаетъ съ утвержденія,
будто-бы причина увеличенія бѣдности среди развивающагося
богатства *очевидно* та-же, которою обусловливается стремленіе
заработной платы къ *минимуму*, несмотря на увеличивающуюся
производительность труда. Мы не можемъ согласиться ни съ
однимъ изъ заключающихся въ этомъ утвержденіи положеній.
Тождественность причинъ того и другого явленія вовсе не оче-
видна; стремленіе заработной платы къ пониженію — явленіе
далеко не общее, — при условіяхъ-же увеличенія производи-
тельности труда — если и существующее, то какъ исключеніе *).

*) Изъ данныхъ, приведенныхъ Гюйо въ его *Science économique* (стр. 226—254), можно уемотрѣть, что поденная плата чернорабочихъ (*manoeuvres*) въ строительномъ дѣлѣ, съ 1805 по 1875 года, возвысилась въ Парижѣ на 105%; поденная плата въ земледѣльческомъ трудѣ, съ 1849 по 1869 г., въ департаментахъ—отъ 7,84 до 55%; поденная плата бѣлошвей въ Парижѣ, съ 1844 по 1872 г., на 122%, и вообще швейная работа женщинъ на 94% въ среднемъ выводѣ за то-же время; въ департаментахъ, съ 1853 года по 1877 г. на 51%. Въ Мюннгаузенѣ заработная плата въ филатурахъ, съ 1835 по 1880 г., поднялась для различныхъ манипуляцій—отъ 60 до 256%. Вообще же, по выводамъ Мюльголя (*Progres of the World*), *отношеніе стоимости пици къ заработной платѣ обратно пропорціонально промышленному развитію страны*. Доля стоимости пици въ общей суммѣ заработной платы для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Англій, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи и Испаніи, представляетъ слѣдующій рядъ: 21%—33%—40%—45%—50%—64%—67%. По замѣчанію такихъ практиковъ, какъ Брассей и Сименсъ, *отношеніе между стоимостью продукта и заработной платою представляетъ приблизительно постоянную величину для всѣхъ странъ* (Y. Guyot, l. c. стр. 249). Мы думаемъ, что истина въ вопросѣ объ улучшеніи и ухудшеніи быта рабочаго класса лежитъ одинаково далеко и отъ оптимизма Леруа Болье (*Essai sur la répartition des richesses* стр. 29), и отъ пессимизма Родбертуса (*Briefve und social pol. Aufs.*, I стр. 239). Дурное качество съѣстныхъ припасовъ и недостатки жилищъ въ большихъ городахъ объясняются вполне специфическими условіями жизни въ такихъ городахъ, хотя и здѣсь весьма часто крайніе недостатки въ одномъ вызываются непосредственно неразумною роскошью въ другой части жизненнаго обихода. Стоитъ пожить въ Парижѣ нѣскольکو недѣль, чтобы наглядно убѣдиться въ сарданапальскихъ замашкахъ радикальнѣйшихъ *sublim'овъ*.

Тамъ же, гдѣ это стремленіе дѣйствительно можетъ быть указано, оно обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что промышленность, принимая характеръ обширнаго фабричнаго производства, захватываетъ въ свой круговоротъ и такія рабочія силы (женщины, дѣти, работы во время свободное отъ земледѣльческихъ занятій), которыя до того не имѣли вовсе никакого примѣненія, пропадали втунѣ; вознагражденіе ихъ въ этомъ случаѣ можетъ быть часто даже далеко ниже minimum средствъ для прокормленія. Это явленіе параллельно явленіямъ въ области поземельной ренты по закону Рикардо. Увеличеніе же производительности въ фабричномъ дѣлѣ далеко не всегда должно быть приписано увеличенію производительности труда рабочихъ; напротивъ того, оно весьма часто обусловливается совершенно независящими отъ нихъ причинами: усовершенствованіями машинъ, умѣньемъ вести дѣло. Представьте себѣ населеніе, пользующееся идеальною равноправностію и равномерностію въ распредѣленіи богатствъ, но тѣмъ не менѣе живущее въ нуждѣ и располагающее избыткомъ рукъ, не находящихъ занятія, по условіямъ природнымъ или культурнымъ. Представьте себѣ далѣе, что въ среду этого населенія является человекъ, который придумалъ средство утилизировать эту незанятую рабочую силу въ фабричномъ дѣлѣ только для самаго грубаго мускульнаго труда. Вы можете сказать, что основаніе фабричнаго производства въ этихъ условіяхъ не желательно съ точки зрѣнія абсолютнаго равенства и равномернаго распредѣленія богатствъ; но, разъ допустивъ возможность учрежденія такой фабрики—вы не вправѣ ожидать чтобы предприниматель приписалъ производительность своего дѣла увеличенной производительности механическаго труда рабочихъ, и отдалъ бы имъ, сверхъ того—во что они сами могутъ цѣнить свой трудъ, и ту долю вознагражденія, которая принадлежитъ, по всей справедливости, его предпріимчивости, его умственному труду въ

изобрѣтеніи и администраціи. Такъ-же мало основаній ожидать, что нашъ предприниматель отдастъ *motu proprio* своимъ рабочимъ и ту долю барыша, которая вырастаетъ для него исключительно изъ общественныхъ условій мѣста и времени, и потому не составляетъ результата труда ни его самого, ни его рабочихъ *). Это та доля барыша въ производствѣ, которая, по всей справедливости, принадлежитъ общинѣ, городу, государству, но захватывается предпринимателемъ только потому, что ни община, ни государство не сознаютъ, *пока*, въ этомъ случаѣ своихъ правъ и не умѣютъ пользоваться ими какъ слѣдуетъ. Сознаніе этихъ правъ государства проявилось, едва ли не впервые, въ ученіи Росси, тщательно отстраняемомъ современными поборниками ортодоксально-буржуазной экономики, какъ П. Леруа-Болье (*Essai sur la répartition des richesses*, 2 édit. стр. 50). Вы скажете, что подобная эксплуатация рабочихъ силъ населенія не желательна, по соображеніямъ, идущимъ далѣе временныхъ выгодъ увеличенной производительности; но объ этомъ мы и не станемъ спорить здѣсь; мы желали только указать на незаконность умозаключеній отъ условій, которыя могутъ имѣть мѣсто при предполагаемомъ идеальномъ порядкѣ, къ обстоятельствамъ существующаго порядка, также какъ и отъ условій первобытнаго состоянія—къ условіямъ цивилизованнаго быта. Между тѣмъ Г. Джорджъ, для достиженія своей цѣли, выставяетъ, какъ

*) Сознаніе этой истины весьма ярко у Родбертуса. «Хотя все національное производство и составляетъ продуктъ органически объединеннаго національнаго труда, но именно по этому оно и не можетъ принадлежать исключительно нынѣшнимъ и только непосредственнымъ работникамъ, ни индивидуально, ни въ совокупности. Этого никогда не было за историческую память, нѣтъ въ настоящее время, да и не будетъ никогда въ будущемъ». — «Нѣтъ никакого основанія отнимать національное имущество у нынѣшнихъ историческихъ депозиторовъ его для того, чтобы передавать его въ руки другихъ, имѣющихъ на него ни сколько не болѣе правъ». (*Zur Erklär. der h. Creditn. des Grundbesitz. II*, стр. 107).

аксіому, совершенно парадоксальное положеніе, будто-бы общество, на высшей степени своего развитія, представляет только болѣе искусственное сочетаніе того — что уже существовало въ самыхъ грубыхъ зачаткахъ общественнаго быта (стр 21). Это то-же самое, какъ-бы кто утверждалъ, что уже въ зародышѣ яйца существуютъ зачатки того, что впослѣдствіи явится перомъ, клювомъ и проч. Г. Джорджъ какъ-бы забываетъ, что сущность развитія — и организма физическаго, и организма соціальнаго—вовсе не въ одномъ болѣе и болѣе осложняющемся сочетаніи зачаточныхъ элементовъ, а въ морфологическомъ процессѣ возникновенія новыхъ органовъ, новыхъ формъ, на которыя не было и намека въ аморфной плазмѣ зародыша *).

*) Если человѣческій умъ ищетъ всегда напрасно и безуспѣшно опредѣляющую причину каждаго фазиса въ этомъ морфологическомъ процессѣ, то это потому, что мы постоянно упускаемъ изъ виду, что въ каждомъ организмѣ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ мертвымъ элементомъ, формирующимся по опредѣленіямъ конкретныхъ внѣшнихъ причинъ, а съ живою частицей необъятнаго космоса, общія формы развитія которой фатально опредѣлены по мѣсту и времени появленія ихъ въ составѣ вселенной. *Форма* и есть именно осязательный фактъ этого детерминизма, никакъ не поддающійся конечному разложенію на простѣйшіе элементы, или сведенію—бюхнеровскими и гекелевскими приѣмами—къ однимъ динамическимъ перемѣнамъ. Чтобы подыскать какое либо подобіе для нагляднаго представленія сущности этого морфологическаго процесса, нужно обратиться къ математикѣ. Жизнь—это безконечный рядъ опредѣленныхъ интеграловъ, отъ нуля до безконечности, для дифференціального выраженія неуловимаго (трансцендентнаго) для насъ вида; каждая отдѣльная жизненная форма—одинъ изъ членовъ этого безконечнаго ряда; для каждой есть предшествующая и послѣдующая форма,—но было бы большою ошибкой сказать, что одна форма—опредѣляющая причина другой: это только *post hoc*, но не *propter hoc*. Частныя и случайныя уклоненія отъ этой опредѣленности формъ также мало нарушаютъ ее, какъ горные хребты и вновь поднимающіяся горы—шарообразность земли. Да не покажется читателю излишнимъ это маленькое отступленіе въ область біологіи: только въ области этой науки мы находимъ сколько нибудь твердыя опоры для нагляднаго представленія процессовъ жизни общественной.

Смѣшивая такимъ образомъ прошедшее съ настоящимъ и настоящее съ прошедшимъ, онъ не дѣлаетъ различія и между настоящимъ и будущимъ, усиливаясь отвергнуть существованіе и необходимѣйшей капитальной основы всякаго производства; онъ пытается свести затраты на выдачу заработной платы, на содержаніе рабочихъ, производимыя въ дѣйствительности изъ существующаго уже капитала—на выдѣль части изъ продукта производства, т. е. изъ того, что ожидается только въ будущемъ, но что можетъ и совсѣмъ не появиться, если производство не удастся, или если не будетъ сбыта на приготовленный товаръ. Софизмъ этотъ или паралогизмъ тѣмъ болѣе страненъ подъ перомъ Г. Джорджа, что онъ дѣлается въ виду тутъ-же цитируемаго замѣчанія Д. С. Милля, что «потребляется то, что уже произведено, а не то—производство чего еще впереди». Приводимые авторомъ примѣры и разсужденія не колеблютъ ни на волосъ очевидной безспорности этого замѣчанія. Такъ-же мало эти примѣры и разсужденія оправдываютъ упущеніе нашимъ авторомъ изъ виду организаторской и администраторской роли предпринимателя въ каждомъ производствѣ: у него и самое сложное фабричное производство совершается такъ-же просто, какъ ловля рыбы или приготовленіе сѣтей доисторическимъ человѣкомъ. Можно-бы думать, что въ основѣ его соображеній лежитъ представленіе объ общественномъ порядкѣ, въ которомъ эта организаціонная и административная дѣятельность, выпадающая теперь на долю обладателя капитала, принадлежала-бы общественному управленію — но дальнѣйшія части изслѣдованія устраняютъ это предположеніе о социалистическомъ строѣ мыслей американскаго экономиста. Для него желательно только провести, во что-бы ни стало, мысль о томъ, что единственными производительными силами въ экономіи человѣческихъ обществъ слѣдуетъ считать землю и трудъ *)

*) Ошибочность представленій въ этомъ отношеніи весьма распространена въ наукѣ и служитъ у Маркса и вообще у экономистовъ социалистиче-

Онъ отвергаетъ самостоятельное значеніе въ этомъ отношеніи капитала, отвергаетъ всю историческую почву экономическаго строя, выставляя на видъ лишь покрывающую ее свѣжую зелень текущаго труда.—Наша мысль противопоставляетъ такому возрѣнію слѣдующую картину. Предъ вами—гранитная скала. На обнаженномъ склонѣ ея лѣпятся съ трудомъ низменные лишай и мхи. Проходятъ вѣка, — эта жалкая растительность, вмѣстѣ съ атмосферическими вліяніями, мало-по-малу образовала тонкій слой мягкой почвы; прежде голую скалу уже покрываетъ зеленый коверъ злаковъ и травъ; тамъ и сямъ мелкій кустарникъ поднимаетъ голову надъ ихъ однообразнымъ уровнемъ. Проходятъ еще вѣка. Надъ ковромъ травъ и кустарниковъ поднялись тѣнистые лѣса; изъ чащи ихъ выступаютъ могучія ели, острова пышныхъ рощъ... Но вотъ застучалъ топоръ: пали гордые великаны, исчезли цвѣтушія рощи; дожди смыли медленно образовавшійся растительный слой; снова стоитъ обнаженнымъ гранитный утесъ... Когда-то появятся на немъ опять

скаго пошиба основой ложныхъ теорій цѣнности. Чтобы увидѣть все ничтожество такъ горделиво провозглашаемыхъ опредѣленій цѣнности, хоть напр. у Маркса, стоитъ только всегда, при словѣ *трудъ*, спросить себя, о чемъ именно трудъ идетъ рѣчь при созданіи какой-либо рыночной цѣнности. Въ дѣйствительности, цѣнность *товара на рынокъ* никакъ нельзя приравнивать къ цѣнности предметовъ потребленія въ первобытномъ производствѣ. Только въ этомъ послѣднемъ — мѣриломъ цѣнности можетъ быть принятъ трудъ работника, никакъ не въ фабричномъ производствѣ для всемірнаго рынка. Здѣсь существенными элементами цѣнности являются—и благоустройство государственное, и сообразительность предпринимателя, и капиталъ капиталиста, и оборотливость купца, и честность кассира, и аккуратность бухгалтера,—словомъ, всѣ тѣ силы, которыми механической трудъ первобытнаго работника сокращается, могущественною силою раздѣленія труда, часто до $\frac{1}{100}$ доли первоначальнаго напряженія,—и затѣмъ только уже эта остающаяся сотая доля непосредственнаго труда. Г. Джорджъ совершенно упускаетъ это изъ виду; да этой погрѣшности не чужды и Родбертусъ, удерживая абстрактную теорію цѣнности Рикардо (Rodbertus der Normalarbeitstag S. 329 и сл.), хотя и съ оговоркою, что положеніе Рикардо пока еще только государственно-экономическая идея, а далеко не *фактъ* (Z. Beleücht. der social. Frage).

низменные лишай и мхи!—Не такой-же ли фатализм господствует и въ области социальныхъ явленій? Мы не видимъ никакой возможности отвѣчать иначе какъ утвердительно на этотъ вопросъ, несмотря на блестящее краснорѣчіе, съ которымъ нашъ авторъ старается провести свое идеалистическое воззрѣніе по этому предмету (книга IX, глава IV). Онъ называетъ близорукой ту философію, которая видитъ въ эгоизмѣ главнаго двигателя человѣческихъ дѣяній, и утверждаетъ, съ Плутархомъ, что въ душѣ человѣка положено начало доброты, что любовь ей врожденна также—какъ способность наблюдать, мыслить, воспоминать. Увы! И подъ страхомъ зачисленія въ разрядъ близорукихъ, мы все-таки не можемъ закрыть глазъ на вопіющіе противъ этого идеализма факты въ исторіи всѣхъ народовъ. Факты эти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и доброта, и любовь къ человѣчеству, далеко не природенныя свойства человѣка,—что въ нихъ мы должны цѣнить счастливые результаты удачной вѣковой культуры, лучшей цвѣтъ національной жизни, незамѣнимый никакими принципами и построеніями.

Обращаясь непосредственно къ экономической области общественной жизни, мы, и послѣ всѣхъ доводовъ Г. Джорджа, остаемся при убѣжденіи, что, и въ этой области, *нажитое*, результаты прошедшихъ трудовъ имѣютъ фатально опредѣляющее значеніе, тѣсно связанное съ историческимъ развитіемъ общественныхъ наслоеній, общественныхъ формъ. Предположеніе Г. Джорджа, будто-бы въ социальномъ организмѣ имѣется вообще всегда потребный размѣръ капитала, что капиталъ такого размѣра выдѣляется въ этомъ организмѣ точно такъ-же, какъ выдѣляется жиръ въ здоровомъ тѣлѣ (стр. 75),—предположеніе это мы находимъ тѣмъ болѣе парадоксальнымъ, что и самъ авторъ нашъ колеблется дать ему болѣе утвердительное значеніе; за нѣсколько строкъ предъ цитированною сейчасъ фразою—онъ говоритъ весьма уклончиво, что грубость перво-

бытныхъ способовъ производства зависитъ *нестолько* отъ недостатка капитала, сколько отъ неумѣнья выгодно примѣнить его къ дѣлу. И все это—послѣ длинныхъ разсужденій, доводовъ и примѣровъ въ доказательство того, что за капиталомъ дѣло *никогда* и нигдѣ не станетъ.

Всѣ эти натяжки и—какъ намъ кажется — даже насилія надъ собственной мыслию вызваны у Г. Джорджа желаніемъ оправдать, болѣе чѣмъ нужно, даже исторически, положеніе, что только трудъ можетъ считаться производителемъ богатства, что только трудъ можетъ служить оправданіемъ права собственности. Мы думаемъ, что строгая истина допускаетъ послѣднее положеніе только въ формѣ благаго пожеланія, по крайней мѣрѣ въ средѣ общества, которое еще не вынуждено отчаяніемъ порвать начисто всѣ связи со своимъ прошедшимъ, выбросивъ, какъ говорятъ нѣмцы, и дитя вмѣстѣ съ водою купели. Мы считаемъ себя въ правѣ сказать только, что въ обществѣ, построенномъ *ab initio* на началахъ свободы и справедливости, право собственности было-бы основано только на трудѣ, что такая форма общества составляетъ идеальную цѣль для дѣйствительно существующихъ обществъ *), цѣль, которая однако никогда и нигдѣ не была вполне достигнута; что стремиться разумно къ этому идеалу, не уничтожая подъ собою реальной исторической почвы, мы можемъ—не отрицаніемъ ея неопровержимаго существованія, а путемъ расчистки ея, путемъ правильной культуры и устраненія самыхъ условій возникновенія на ней непригоднаго и вреднаго.

*) Съ идеей, что собственность основывается только на трудѣ, говоритъ Родбертусъ, что она должна соответствовать результату труда, случилось тоже, что и со всѣми социальными идеями. Когда они бывають, наконецъ, приняты людьми, тогда, по чистымъ и своекорыстнымъ побужденіямъ, ихъ начинаютъ представлять будто-бы лежавшими въ основѣ историческаго развитія, между тѣмъ какъ имъ предстоитъ ожидать осуществленія только въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ».

(Rodbertus, zur Beleucht. der soc. Frage, 3 Br. стр. 857).

Но для того, чтобы преобразовательная работа въ обществѣ дѣйствительно достигала этихъ цѣлей, необходимо, чтобы она совершалась никакъ не въ направленіи *ôte-toi de là-que je m'у mette*. Необходимо, чтобы въ обществѣ, помимо борющихся партій, существовало представительство незыблемыхъ интересовъ его, интересовъ не только живущаго поколѣнія но и грядущихъ: персонификація свободнаго общества, какъ живой органической единицы. Мы думаемъ, что существенная черта, отличающая формы человѣческаго общежитія отъ общежитій другихъ животныхъ, и заключается именно въ возможности въ немъ такого представительства долговѣчнаго соціального цѣлаго. До тѣхъ поръ, пока эта возможность не осуществлена на дѣлѣ, — и человѣческое общество не можетъ считаться вышедшимъ изъ уровня общежитій бобровъ, пчелъ, муравьевъ. Въ медленномъ историческомъ развитіи цивилизаціи мы по крайней мѣрѣ на пути къ выходу изъ этого уровня, между тѣмъ какъ вырывающіеся уже на площадь идеалы нашихъ радикальнѣйшихъ реформаторовъ не сулятъ нашимъ дѣтямъ ничего лучше анархіи или участи пчелинаго улья или муравьиной кучи.

Правда, въ политической жизни всѣхъ народовъ безъ исключенія, въ несомнѣнномъ и неистребимомъ перевѣсѣ во всѣ времена монархическихъ стремленій въ народныхъ массахъ, вы видите какъ-бы инстинктивное чаяніе высказанной сейчасъ мысли; но отъ слѣпыхъ попытокъ этого чаянія—до сознательнаго осуществленія дѣйствительнаго представительства національнаго цѣлаго—далеко, какъ отъ пчелы до человѣка. Чтобы дойти до этой цѣли, нужно перешагнуть и чрезъ отчаянныя бредни анархистовъ и социалистовъ, и чрезъ самодовольныя теоріи буржуазнаго либерализма, не низводя человѣка до звѣря, но и не идеализируя его въ ангела. На пути къ этой цѣли—мысль, что истиннымъ собственникомъ земли должно считаться государство, а никакъ не частныя

лица, должна быть признана фундаментомъ будущаго политическаго прогресса, если онъ еще возможенъ для нашей рассы. Мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ Г. Джорджа, обѣщая ему истинное наслажденіе на страницахъ, полныхъ пламеннаго краснорѣчія, свѣтлой мысли и разносторонняго знанія. Для автора настоящаго этюда это наслажденіе возвышалось радостію встрѣтить блестящее развитіе мысли, высказанной имъ самимъ еще въ 1860 г. Вотъ что писали мы по поводу смѣло выступившей тогда въ нашей печати проповѣди французскихъ соціалистическихъ теорій: «При очевидной недостаточности политическихъ и юридическихъ оправданій права собственности, экономисты большею частію принимаютъ за основаніе этого права неоспоримое право cadaго челоѣка на произведенія собственнаго труда, слѣдуя въ этомъ опредѣленію Локке. Ничего нельзя и возразить противу такого опредѣленія, если только при немъ не упущены изъ виду тѣ предположенія, на которыхъ оно основано, и которыя, молча, подразумѣваются при немъ, какъ при всякомъ экономическомъ опредѣленіи. Эти подразумѣваемые основы, ни больше, ни меньше—какъ *свобода и справедливость*. *Свобода* распоряжаться своими силами, и *справедливость*, т. е. обращеніе этихъ силъ на приобрѣтеніе того, что можетъ быть приобрѣтено безъ нарушенія права другихъ. Но это послѣднее предположеніе (хотя безъ него собственность вполне подходитъ подъ извѣстное, многими превратно понятое прудоновское опредѣленіе) и упускается часто изъ виду. Начало свободной собственности не было осуществлено съ строгою послѣдовательностію еще ни въ одномъ государствѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Джонъ Стюартъ Милль. Первоначальное распределеніе ея и вообще общественныхъ отношеній совершилось почти вездѣ подъ вліяніемъ завоеванія и насилій, и слѣды этого сохранились и до настоящаго времени. Собственностію дѣлалось часто и то, что вовсе не можетъ быть предметомъ

собственности (Principles of P. E. II, ch. 1, 3). Къ такимъ предметамъ принадлежить именно *земля*. — Посмотримъ, въ какомъ смыслѣ примѣнимы къ поземельной собственности упомянутыя выше основанія права собственности вообще. Начнемъ съ положенія дигестовъ: *res nullius cedit primo occupanti* (вещь ничья—принадлежить первому завладѣвшему ею). Правило это можетъ служить основой международнаго территориальнаго права *), но къ гражданскому праву поземельной собственности вовсе непримѣнимо. Часть территоріи, занимаемой народомъ, не можетъ быть *ничьей*, *res nullius*; она составляетъ собственность занимающаго территорію народа: *occupans*—можетъ быть только политическая особь, дѣйствительно занимающая территорію, но ни въ какомъ случаѣ не отдѣльное лицо, которое можетъ казаться только такимъ, употребляя въ свою пользу фактъ занятія и охраненія, составляющій дѣло цѣлаго народа. Сознаніе или, вѣрнѣе сказать, чувство существеннаго различія въ этомъ отношеніи между поземельною и движимою собственностію замѣтно въ первобытныхъ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ, проявляясь то въ формѣ общиннаго владѣнія, то въ формѣ различныхъ ограниченій и повинностей, возлагаемыхъ на поземельную собственность. Выставляя это на видъ, Вильгельмъ Рошеръ не находитъ другого оправданія для права поземельной собственности, кромѣ общей пользы. «Каждому очевидно, говоритъ онъ, исключительное право собственности на произведенія собственнаго труда и бережливости; напротивъ того, присвоеніе первоначальныхъ, неразрушимыхъ силъ природы основывается собственно не на правѣ, а на видахъ общей пользы» (Grundlagen d. N. Ö. § 88). Ту-же мысль и то-же оправданіе находимъ мы у Ад. Смита, Рикардо, Макъ-Куллока, Сеніора,

*) Переписывая позже это мѣсто, авторъ встрѣтилъ подкрѣпленіе своего взгляда у Maina'a, Ancient Law, chap. VIII, The early history of property. p. 245 и слѣд.

Сей *); всѣ они не находятъ другого оправданія права собственности на землю, кромѣ необходимости и общей пользы. Но стоитъ только допустить такое основаніе права земельной собственности, и вы, если только захотите быть послѣдовательнымъ, прямо придете къ заключенію Консидерана о правѣ на трудъ. Это право явится предъ вами какъ необходимое, въ *видахъ общей пользы*, вознагражденіе за допущенное государственною властью, въ *тѣхъ же видахъ*, образованіе частной земельной собственности. Только измѣна логикѣ можетъ спасти васъ отъ этого нелѣпаго, но грознаго заключенія, которое, какъ дамокловъ мечъ, будетъ висѣть надъ современными обществами, пока онѣ будутъ упорно стоять на вулканической почвѣ ложныхъ въ своемъ основаніи ученій. "

Предложенное Гобсомъ оправданіе собственности, какъ факта основаннаго на признаніи государственною властью (или закономъ, какъ выражается Монтескье), объясняетъ только происхожденіе и существованіе поземельной собственности, историческую сторону разсматриваемаго вопроса, не указывая однако для него никакихъ освящающихъ основъ истиннаго *права*. Объясненіе это можетъ быть примѣнено только при опредѣленіи отношеній между допустившими этотъ порядокъ и тѣми, которые воспользовались имъ и его послѣдствіями, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить неизблемой основой нормальнаго экономическаго развитія. Столько-же мало примѣнимо къ разъясненію поземельныхъ, отношеній — объясненіе права собственности выраженнымъ или только подразумеваемымъ соглашеніемъ, какъ предлагаетъ Гуго Гротъ. Такое соглашеніе можно допустить развѣ только при возникновеніи свободнаго распредѣленія поземельнаго владѣнія въ дан-

*) И Д. С. Милль указываетъ на общую пользу, какъ на поводъ къ установленію земельной собственности, но, вслѣдъ за этимъ, онъ оговаривается, что государство имѣетъ право отмѣнить право частной земельной собственности, какъ только убѣдится, что оно вредно для общества.

ный моментъ, но ни въ какомъ случаѣ не для объясненія превращенія владѣнія въ собственность, подъ вліяніемъ принудительной власти. Да и въ означенномъ случаѣ, объясненіе это можно допустить только съ тѣмъ ограниченіемъ, на которое указываетъ Джонъ Стьюартъ Милль, говоря: причины могущія служить оправданіемъ, съ экономической точки зрѣнія, поземельной собственности, имѣютъ значеніе только при предположеніи, что собственникъ земли и ея воздѣлыватель одно и то-же лицо. Ни одна здравая теорія поземельной собственности никогда не допускала, чтобы собственникъ земли былъ только тунеядственнымъ жильцомъ на ней (Principles of P. E. I, p. 269). Наконецъ, экономическое объясненіе права собственности, предложенное Локке, примѣнимо, какъ мы замѣтили уже, непосредственно только къ тому, что можетъ быть произведено трудомъ человѣка; — относительно же поземельной собственности, по римскому взгляду на нее, оно можетъ служить не оправданіемъ, а неопровержимымъ доказательствомъ ея несправедливости. Доказательство это вытекаетъ непосредственно изъ теоріи поземельной ренты Рикардо. По теоріи этой, поземельная рента составляетъ именно ту часть поземельнаго дохода, которая, нисколько независя отъ труда или капитала землевладѣльца, образуется вслѣдствіе естественныхъ условій и экономического развитія страны, и слѣдовательно, если право собственности человѣкъ имѣетъ только на произведенія собственнаго труда, то поземельная рента, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая земля, приносящая эту ренту, не могутъ быть предметами частной собственности. Чтобы избѣжать этого безпристрастнаго приговора экономической науки, нужно отказаться или отъ единственно-удовлетворительнаго объясненія права собственности, или отъ теоріи поземельной ренты Рикардо. Къ послѣднему средству и прибѣгали нѣкоторые экономисты въ борьбѣ противу коммунистическихъ и социалистическихъ теорій, нашедшихъ для

себя прочную опору въ упрямствѣ, съ которымъ экономическая наука старалась соединить право частной поземельной собственности и ученіе о поземельной рентѣ Рикардо, оправдывая необходимостію и общею пользою очевидное нарушеніе права. Такъ поступали Кери, Бастіа, Банфильдъ и нѣкоторые другіе *). Кери думаетъ опровергнуть законъ Рикардо, приводя въ примѣрѣ случаи, которые однако показываютъ только, что культура начинается обыкновенно съ земель, не только *могущихъ* дать наибольшей доходъ по своему плодородію, но и *дѣйствительно дающихъ* наибольшей доходъ при употребленіи наименьшаго капитала (The past, the present and the future ch. 1) Бастіа хочетъ видѣть въ поземельной рентѣ не болѣе какъ процентъ съ капитала, употребленнаго на улучшение почвы. Наконецъ, Банфильдъ (Organisation of industry, p. 48) видитъ противорѣчіе съ закономъ Рикардо въ случаяхъ, когда дешевизна хлѣба, одновременно съ увеличившимся требованіемъ и цѣнами на другія высшія произведенія сельскаго

*) Такъ поступаетъ въ наше время и П. Леруа-Болье, довольствуясь вполне возраженіемъ Кери (Es. s. la géo. d. rich. стр. 92). Возраженія Родбертуса (Zur Beleücht. der soc. Frage) основаны на такихъ совершенно произвольныхъ положеніяхъ, какъ: «мѣновая стоимость продуктовъ опредѣляется количествомъ труда, потребнаго для производства ихъ», — «высота заработной платы одинакова во всѣхъ отрасляхъ производства», — «чистый доходъ въ земледѣліи выше чѣмъ въ фабричномъ производствѣ», и т. п. До какой степени безцеремоненъ П. Леруа Болье въ своихъ возраженіяхъ Рикардо, можно убѣдиться изъ слѣдующаго примѣра. Взведя совершенно напрасное обвиненіе противъ англійской экономической школы, будто-бы утверждающей, что въ поземельной рентѣ заключается «non seulement l'intérêt et l'amortissement du capital engagé dans la terre, mais encore le droit d'exploiter les facultés productives du sol, онъ цитируетъ въ доказательство этой нелѣпости подлинныя слова Рикардо, который, однако, говоритъ только, что «une portion de l'argent (dans la rente) représente l'intérêt du capital consacré à *amender* le terrain». Трудно допустить, чтобы Леруа Болье не сознавалъ огромной разницы между капиталомъ *engagé* dans la terre, т. е. затраченнымъ на приобрѣтеніе земли, и капиталомъ *consacré à amender* le terrain, т. е. посвященнымъ на улучшение почвы (l. c. стр. 80. Это-же повторяется и на стр. 88).

хозяйства, какъ напр. мясо, молоко, овощи и т. п., даетъ возможность употреблять въ дѣло такія земли, которыя прежде, не смотря на высшую цѣну хлѣба, лежали впустѣ. Но всѣ эти примѣры вполнѣ объясняются теоріею Рикардо и могутъ служить не опроверженіемъ, а скорѣе подтвержденіемъ очевидной и несомнѣнной ея истины *) Бастіа впалъ въ ошибку, не обративъ достаточно вниманія на высказанную самимъ Рикардо мысль, что «стоимость поземельной ренты нисколько не входитъ въ составъ цѣны на хлѣбъ»; въ цѣнѣ этой, — цѣнѣ пуда, четверти хлѣба, — дѣйствительно не заключается платы за даровыя силы природы; но въ то время, какъ вся сумма ея, примѣрно на одну десятину, для земель наименѣе производительныхъ — не превышаетъ вознагражденія за трудъ, капиталъ, рискъ, — та же сумма — для земель дающихъ чистую ренту — представляетъ, кромѣ того, плату, какъ выражается самъ Бастіа, не за *reine prise*, а за *reine épargne*, — а для взиманія этой платы въ пользу частнаго лица — нѣтъ никакихъ правомѣрныхъ основаній. Такимъ образомъ, и экономическая основа права собственности, какъ послѣдствія права на произведенія собственнаго труда, оказывается недостаточной для объясненія права личной собственности поземельной. — Затѣмъ, переходя къ практическимъ условіямъ пользованія собственностію народомъ, общиною, не трудно убѣдиться, что право собственности такой коллективной единицы оставляетъ широкій просторъ для весьма разнообразныхъ формъ болѣе или

*) Въ новѣйшее время Шефле и Мангольдтъ пытались приравнять земельную ренту къ чрезвычайному барышу во всякой другой промышленной дѣятельности. Разъясненіе несостоятельности этого мнѣнія у Митгофа, *Die volkswirths. Vortheil, Schönberg Hand d. p. Oec. I* стр. 455. Одно, впрочемъ, общее требованіе можетъ быть поставлено относительно земельной ренты и тѣхъ изъ чрезвычайныхъ промышленныхъ заработковъ, которые не составляютъ результата труда предпринимателя: это то, что въ этихъ заработкахъ, какъ и въ земельной рентѣ, заключается доля, несомнѣнно принадлежащая общинѣ или цѣлому государству.

менше удовлетворительнаго его осуществленія, и что наше общинное *владніе* составляет только одну изъ первобытныхъ формъ проявленія истиннаго права *общинной земельной собственности*. (См. нашу брошюру «Землевладѣніе и земледѣліе. Теоретическія основы права земельной собственности»).

Но наша собственная мысль не шла и не идетъ далѣе отрицанія правильности примѣненія къ землѣ понятія о личной собственности по римскому праву. Утвержденіе въ этомъ дѣлѣ нашего національнаго возрѣнія, находитъ теперь возрастающее съ каждымъ годомъ сочувствіе и въ европейской наукѣ. Мы думали и думаемъ, что всеобщее признаніе этого возрѣнія должно повести только къ установленію извѣстнаго направленія во внутренней государственной политикѣ, а никакъ не къ мѣропріятіямъ революціоннаго характера, хотя-бы они ограничивались и тѣми предѣлами, которыми хочетъ ограничиться Г. Джорджъ.

Такъ-же мало наша мысль примиряется съ туманными построеніями Родбертуса и его послѣдователей (построеніями, казавшимися мистическими и Лассалю), считая кореннымъ извращеніемъ идеи государства — низведеніе его, тѣмъ или другимъ путемъ, къ роли промышленной ассоціаціи. Мы думаемъ, что великая историческая роль его, какъ освободителя личности отъ тираніи семейной, общинной, племенной, далеко еще не кончена; что на этомъ самомъ пути ему предстоитъ еще возстановленіе подорванной имъ-же, въ освободительной борьбѣ, здоровой жизни и семьи, общины, и племени, и освобожденіе этихъ органическихъ элементовъ государственнаго общежитія отъ послѣдствій хищническаго хозяйства эпохи безусловнаго индивидуализма. Такъ точно, какъ все прочное, остающееся, въ теченіи исторической дѣятельности государства, характеризовалось не произвольнымъ созданіемъ положительныхъ жизненныхъ нормъ для личности, а почти исключительно отрица-

ніемъ фатально слагавшихся преградъ ея развитію *), — такъ точно и впереди мы видимъ не осуществленіе парагвайскихъ порядковъ, коммунистическихъ и социалистическихъ построений, а продолженіе той-же освободительной работы въ возвращеніи общинъ, провинціи, самому государству того, что принадлежитъ имъ по праву въ результатахъ экономическаго развитія цѣлой націи. Ближе всего наша мысль подходитъ къ тому, что высказывалось уже Д. С. Миллемъ относительно права земельныхъ собственниковъ лишь на ту часть дохода, которая создана ихъ собственною хозяйственною дѣятельностію. Наша цѣль — возможно быстрое упраздненіе того порядка, который имѣлъ въ виду Бастиа, говоря, что *l'Etat c'est la grande fiction, à travers laquelle tout le monde s'efforce de vivre aux dépens de tout le monde*, — и напротивъ того — настоятельное усиленіе того, въ которомъ все — что составляетъ результатъ совокупной дѣятельности всѣхъ — и поступаетъ на пользу всѣхъ.

Соціальный вопросъ заключается для насъ, съ экономической стороны, именно въ утвержденіи этого права всѣхъ на то, что составляетъ несомнѣнную собственность всѣхъ и обезпеченіе этого права отъ захвата отдѣльными лицами. Наша мысль по этому предмету выразилась слѣдующимъ образомъ (По вопросамъ государственнаго хозяйства, вып. III, стр. 34—45):

«Все, что происходитъ на глазахъ у насъ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ совершенной невозможности довольствоваться долѣе въ теоріи и прак-

*) «Ce que les faits attestent c'est, que d'une génération à l'autre les hommes deviennent plus intelligents en voyant et sentant autour d'eux des nouveaux rapports qui ne sont créés que *par la défaite des intentions injustes et des pensées inintelligentes*». J. Milsand «Les antécédants du positivisme». Rev. d. deux mondes. 15 Sept. 1875. Консерваторамъ во что-бы нистало и чего-бы то ни было, людямъ, непонимающихъ могучей и благотворной силы разумнаго отрицанія — мы напомнимъ забываемое ими правило элементарной алгебры: минусъ на минусъ — плюсъ $[(-) \times (-) = (+)]$, а плюсъ на минусъ — минусъ $[(+) \times (-) = (-)]$ до скончанія вѣка.

тикѣ государственнаго хозяйства — ни одними принципами имущественнаго обложенія, ни системою косвенныхъ налоговъ, ни началомъ страхованія и взаимности услугъ. Всѣ эти теоріи доживаютъ очевидно послѣдніе дни своего болѣе или менѣе исключительнаго господства, и едва-ли можетъ быть мѣсто для сомнѣнія, что на этомъ пути не осталось для насъ уже ничего неиспытаннаго, непережитаго, такъ какъ предъ нами и обѣ крайнія точки, и всѣ посредствующіе этапы этого пути. Мы видѣли, въ теоріи и на дѣлѣ, все, начиная отъ осуществленія принципа князя Гаэтскаго *), или равносильнаго ему опредѣленія одного современнаго англійскаго писателя, до мужественнаго требованія Уайленда. По смыслу перваго опредѣленія, все искусство министра финансовъ заключается въ умѣньши получать съ народа maximum сборовъ, возбуждая minimum неудовольствій. По словамъ же Уайленда, «правительство не должно отнюдь стремиться къ тому, чтобы народъ оставался въ невѣдѣніи о томъ, что онъ платитъ, долженъ ли онъ платить, и какимъ образомъ. Народъ долженъ знать, для чего и въ какой мѣрѣ онъ долженъ нести налогъ, а такъ же — на что тратится собираемое съ него. Въ этомъ знаніи и разумномъ пользованіи имъ — вѣрнѣйшее обезпеченіе его блага. Поэтому незамѣтность для народовъ косвенныхъ налоговъ составляетъ скорѣе аргументъ противъ нихъ. Чѣмъ болѣе народъ ощущаетъ налогъ и чѣмъ зорче слѣдитъ онъ за его употребленіемъ, тѣмъ лучше для него и для его правителей» (The elements of politic. Economie, p. 349). Безнадежность чего-либо новаго на этомъ пути лучше всего высказалась въ приговорѣ одного изъ сильнѣйшихъ мыслителей нашего времени: что самая лучшая система налоговъ та, къ которой привыкъ народъ. О возвратѣ къ первобытнымъ формамъ прямого

*) Le meilleur impôt est celui dont les formes dissimulent le mieux sa nature (E. de Parieu, Traité des impôts, стр. 118).

личнаго обложенія очевидно не можетъ быть и рѣчи: эта грубая форма просто невысказана при возрастающей щекотливости плательщиковъ и еще больше искусствѣ обходить законъ. Туманныя представленія о мистической силѣ метафизическихъ формулъ, въ родѣ знаменитой въ свое время гегелевской формулы діалектическаго процесса развитія, теряютъ съ каждымъ днемъ всякую цѣну для трезвой мысли нашего времени. Безпощадная школа жизни заставляетъ насъ волей-неволей уразумѣть, что суть этого процесса заключается просто въ ограниченіи всѣхъ крайностей, всѣхъ безконечно разнообразныхъ формъ и отпрысковъ, стремящихся къ исключительности, въ приведеніи всѣхъ ихъ къ извѣстной мѣрѣ и мѣсту въ непрерывно усложняющемся цѣломъ нашей общественной жизни.

Но этотъ процессъ подчиненія и ограниченія частныхъ есть въ тоже время и процессъ усиленія самостоятельности цѣлаго, развитія въ немъ специфической органической силы, существенно отличной отъ механическаго итога отдѣльныхъ элементарныхъ силъ. Такъ, въ процессѣ развитія государственнаго хозяйства, намъ предстоитъ вовсе не повтореніе безплодной работы нашихъ предшественниковъ въ построеніи и разысканіи только наиболѣе рациональныхъ, наиболѣе справедливыхъ или наиболѣе удобныхъ способовъ обложенія. Мы должны быть готовы видѣть въ ближайшемъ будущемъ совмѣстное существованіе многообразныхъ приемовъ привлеченія гражданъ къ служенію общей цѣли, т. е. путемъ и прямого, и косвеннаго обложенія, на началахъ и личнаго участія въ общемъ дѣлѣ, и взаимности услугъ и страхованія, по древней англійской формулѣ участія гражданъ въ общей тягости—*according to their ability.*

Но ограниченіе всѣхъ этихъ приемовъ предѣлами наибольшей цѣлесообразности и наименьшаго вреда, неизбежнаго для каждой односторонности, должно сопровождаться и развитіемъ самостоятельныхъ ресурсовъ общественнаго организма. Эти

ресурсы мы видимъ не въ томъ, что съ большими или меньшими удобствами можетъ быть взимаемо для общей цѣли изъ имущества гражданъ, а въ томъ—*что, по справедливости, принадлежитъ государству и выростаетъ для него въ имущество гражданъ.* Вотъ въ этомъ именно отношеніи различіе въ налогѣ съ недвижимостей двухъ составныхъ частей, *земельной и капитальной,* имѣеть громадное значеніе, котораго достойную оцѣнку вызоветъ, мы полагаемъ, въ ближайшемъ будущемъ, завязавшая во всей Европѣ борьба противу современнаго анархическаго вырожденія отвлеченнаго идеализма конца XVIII и первой половины XIX вѣка.

Движеніе въ наукѣ въ этомъ направленіи ярче всего можно усмотрѣть у А. Вагнера въ его обработкѣ Rau, „Lehrb. der pol. Oecon. 1. B. 1. Th. глава V. «Полезьа преобразованія въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, заключается въ устраненіи тягостной зависимости и эксплуатаціи одного частнаго лица другимъ, въ передачѣ выгодъ отъ возвышенія ренты изъ рукъ тунеядственныхъ частныхъ собственниковъ въ руки дѣятельныхъ общественныхъ единицъ (общины, государства), и въ уничтоженіи одного изъ вреднѣйшихъ источниковъ спекуляціи, что само по себѣ составляетъ уже величайшій прогрессъ къ цѣли установленія государственнаго порядка и справедливости, на мѣсто теперешней чисто частной управы и зависящей отъ того неурядицы. Такъ какъ государство, какъ высшая форма національнаго общежитія, существенно вліяетъ на благосостояніе города, то оно, по всей справедливости, имѣетъ право на извѣстную долю въ возрастающей рентѣ городской недвижимости, что легко осуществимо съ признаніемъ за государствомъ права земельной собственности» (1, с., стр. 610). Замѣчательно, что мнѣніе это высказано въ 1876 г. тѣмъ же самымъ А. Вагнеромъ, который въ 1870 г. громилъ нашъ русскій національный взглядъ на право частной земельной собственности, только какъ на право владѣнія—какъ порожденіе

варварства, деспотизма и крѣпостнаго права (Die Abschaffung des Privat-Grundeigenthums v. A. Wagner, стр. 48). Это — знаменіе времени. Нужна была угроза нелѣпѣйшихъ претензій социализма для того, чтобъ заставить и книжныхъ экономистовъ, въ родѣ А. Вагнера, уразумѣть великій смыслъ того, что давно было высказано искреннимъ Д. С. Миллемъ (осн. пол. эк. II, стр. 342—346).

«Рента за мѣсто, говоритъ Милль, составляетъ важнѣйшую изъ тѣхъ немногихъ отраслей дохода, которыя справедливо могутъ подвергаться спеціальнымъ налогамъ: тутъ представляются громаднѣйшіе примѣры быстраго и чрезвычайнаго, а во многихъ случаяхъ и неожиданнаго обогащенія какой-нибудь фамиліи просто потому, что она владѣетъ извѣстною полосою земли, хотя сама ни мало не участвовала въ своемъ обогащеніи ни трудомъ, ни расходомъ, ни рискомъ». (Осн. пол. эк. II, стр. 361). Но если это такъ, то, очевидно, что размѣръ налога на ту часть ренты, которая явилась послѣдствіемъ возвышенія цѣнности мѣста, независимо отъ труда, расходовъ и риска собственника, не можетъ быть одинаковъ, по справедливости, съ размѣромъ налога на основную ренту по первоначальной стоимости мѣста. Если налогъ на эту послѣднюю можетъ имѣть значеніе подоходнаго налога, то налогъ на первую представляетъ *только требованіе части дохода съ того, что, по всей справедливости, составляетъ несомнѣнную собственность государства*. Здѣсь можетъ быть вопросъ только о размѣрѣ этой части, о томъ, на сколько остальная доля должна быть уступлена частію земству или городской общинѣ, по соображеніямъ чисто камеральной техники, т. е. для избѣжанія стѣснительныхъ мѣръ и побужденій къ сокрытію истины, и т. п. Такъ, на примѣръ, если въ этомъ году, при общей доходности домовъ въ 5%, недвижимое имущество NN оцѣнено въ 100,000 руб., и въ томъ числѣ мѣсто въ 20,000, а постройки—въ 80,000 руб., и размѣръ налога

съ недвижимостей принять въ $1/2^0/0$ капитальной цѣнности, — то, при возвышеніи цѣнности мѣста на 10,000 руб., налогъ со всей суммы цѣнности мѣста долженъ быть не $1/2^0/0$ съ 30,000 руб., т. е. 150 руб., а $1/2^0/0$ съ 20,000 + $2^1/2^0/0$ съ 10,000, т. е. 350 руб., причемъ остальные $2^1/2^0/0$ съ 10,000 предполагаются къ раздѣлу между собственникомъ и земствомъ или городской общиной. Чѣмъ меньше въ этихъ $2^1/2^0/0$ была бы доля, оставляемая въ пользу собственника, тѣмъ менѣе было-бы повода къ возвышенію продажной цѣны мѣсть, т. е. къ захвату капитальной цѣнности ихъ, возвысившейся независимо отъ труда, расходовъ и риска собственника, къ захвату, который и самые консервативные экономисты начинаютъ, наконецъ, понимать какъ одну изъ главныхъ причинъ затрудненій и социальныхъ тревогъ нашего времени.

*Въ предупрежденіи подобныхъ захватовъ во всѣхъ отрасляхъ развитія народнаго богатства, въ направленіи захватываемаго по принадлежности, т. е. въ руки общины и государства *)*, заключается, мы думаемъ, единственный путь для удовлетворенія неотвратимыхъ потребностей современныхъ государственныхъ бюджетовъ. Дефициты ихъ слѣдуетъ приписать вовсе не недостаточной эксплуатаціи многообразныхъ способовъ обложенія, достигшихъ уже давно максимум

*) Для экономистовъ классической школы, разумѣется, невозможенъ или, по крайней мѣрѣ, весьма труденъ переходъ къ этому воззрѣнію, несмотря на всю яркость вызывающихъ его фактовъ на фонѣ современной жизни цивилизованныхъ націй. Эти факты, неотетранимые никакими софизмами, принуждаютъ однако ихъ подходить къ тому-же заключенію съ другой стороны. Такъ П. Леруа Болье посвящаетъ цѣлую замѣчательную главу (гл. XVIII) своей книги (*Essai sur la répartition des richesses*) доказательству, что въ порядкѣ естественнаго развитія государствъ лежитъ переходъ въ общественное достояніе громадной суммы богатствъ, составлявшихъ первоначально частную собственность. Это совершенно правильная мысль, но она далеко не исчерпываетъ сути социального вопроса и не даетъ никакого права къ тѣмъ крайне оптимистическимъ заключеніямъ, въ которыхъ П. Леруа Болье, съ большимъ самоудовольствіемъ, думаетъ похоронить этотъ вопросъ.

напряженія платежныхъ средствъ облагаемыхъ; причина ихъ коренится въ крайней отсталости основнаго взгляда на права общественнаго цѣлаго, *на упущеніе въ его средствахъ того, что выростаетъ исключительно какъ продуктъ его жизни, его развитія.*

Съ установленіемъ такого порядка относительно одной половины налога съ недвижимостей, другая половина приметъ по необходимости характеръ настоящаго налога на жильцовъ, какъ-то съ полною убѣдительностію доказано Д. С. Миллемъ (I. с. стр. 360—461), и въ этомъ видѣ составитъ «одинъ изъ лучшихъ и справедливейшихъ налоговъ, если она будетъ правильно соразмѣрена съ цѣнностію домовъ». Независимо отъ гарантій возможной равномѣрности, представляемыхъ раскладкою посредствомъ мѣстныхъ оцѣночныхъ комиссій изъ самыхъ плательщиковъ, самый законъ объ обращеніи въ пользу государства и общины прироста земельной ренты будетъ служить могущественнѣйшимъ побужденіемъ къ устраненію ложныхъ показаній владѣльцевъ.

Еслибы владѣлецъ недвижимости показалъ цѣнность ея ниже дѣйствительной, то, выигрывая на процентахъ подоходнаго обложенія, онъ подвергался бы, или невыгодамъ несравненно тяжелѣйшаго налога на возвышеніе ренты въ слѣдующемъ году, по обнаруженной большей цѣнности самого мѣста, или-же, по признанію въ неправильномъ показаніи,—непріятности уплаты удвоеннаго оклада. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, должны быть видоизмѣнены и законоположенія о переходѣ недвижимостей отъ одного владѣльца къ другому. Очевидно, что налогъ на возвышеніе земельной ренты долженъ быть взимаемъ по прямымъ назначеніямъ сверхъ суммы, подлежащей раскладкѣ, и за вычетомъ той доли этой послѣдней, которая причитается на прибавочную цѣнность. Такъ, еслибы первоначальная стоимость недвижимости (20,000 руб.), увеличилась до 30,000 руб., то налогъ на ренту съ 10,000 р.

т. е., считая изъ 5⁰/₀, на 500 руб., долженъ-бы поступить отдѣльно отъ раскладочнаго налога (въ 1¹/₂ ⁰/₀ капитальной стоимости) съ 30,000 руб., но за вычетомъ части, приходящейся на прибавочные 10,000 руб., слѣдовательно по расчету только прежней цѣнности, т. е. 20,000 р., если вся рента съ прибавочной цѣнности поступаетъ въ пользу государства, земства и общины; если же извѣстная доля этой прибавки оставляется въ пользу собственника, то раскладочному обложению должно подлежать и соотвѣтственное возвышеніе капитальной стоимости; напр., при уступкѣ въ пользу собственника 1⁰/₀, т. е. 100 р. изъ 500 р. прибавочной ренты, при раскладкѣ должна быть принята капитальная цѣнность не 20,000, а 22,000 р.;—при уступкѣ 2⁰/₀—24,000 р.; и т. д. Что касается самаго порядка раскладки, то здѣсь прежде всего необходимо сведеніе произвола и суммарныхъ приговоровъ раскладочныхъ комисій до возможнаго minimum. Начало должно быть положено опредѣленіемъ такихъ фактовъ и внѣшнихъ признаковъ, по которымъ каждая недвижимость примыкаетъ къ одной или другой однородной группѣ, и отъ которыхъ зависитъ доходность и цѣнность недвижимостей. Постановленія и практика Австрійскихъ Grund- und Gebäudesteuer могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для разработки относящихся сюда правилъ (Linden, Die Grundsteuerverfassung in den deutsch. und ital. Prov. der Oesterreich. Monarchie). Всѣ данныя, служащія для раскладки налога, должны быть занесены въ кадастровую книгу, всегда открытую для всѣхъ, для повѣрки и справокъ. Однородность оцѣночной единицы для различныхъ мѣстностей должна быть удостовѣрена регулятивными оцѣнками въ каждомъ городѣ нѣсколькихъ недвижимостей чрезъ контролирующихъ раскладку чиновниковъ фиска. При обнаруженіи низкой оцѣнки избранныхъ для повѣрки недвижимостей, въ соотвѣтственной пропорціи возвышается по кадастровой книгѣ оцѣнка всѣхъ остальныхъ недвижимостей.

Основательность такого возвышенія обезпечивается достовѣрностію относительныхъ оцѣнокъ, составленныхъ непосредственными представителями плательщиковъ и предоставленными послѣднимъ средствами къ огражденію интересовъ всѣхъ и каждаго въ отдѣльности. Для губернскихъ правительственныхъ учрежденій и для центрального управленія — данныя кадастровыхъ книгъ будутъ служить основаніями для правильнаго распределенія общей суммы налога, для первыхъ — по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а для послѣдняго — по губерніямъ.

Не трудно сообразить, какое неоцѣнимое значеніе имѣла бы такая организація налога съ недвижимостей для правительства, какъ достовѣрнѣйшій регулятивъ въ финансовыхъ соображеніяхъ и какъ гарантія противъ непосильнаго обремененія плательщиковъ. Не менѣе важно было бы значеніе предполагаемаго порядка и для другихъ сторонъ экономической организаціи: для правильнаго дѣйствія гипотечныхъ учрежденій, для обезпеченія отъ злоупотребленій по страхованію, по залоговымъ операціямъ, по взносу крѣпостныхъ пошлинъ, по раскладкѣ мѣстныхъ сборовъ, по оцѣнкамъ въ случаяхъ экспропріаціи и т. п.

Разумѣется, все это предполагаетъ возможность такого отношенія общества къ дѣлу государственныхъ ресурсовъ, на какое указываютъ приведенныя нами выше слова Уайленда. Но сомнѣніе въ существованіи въ такой мѣрѣ на дѣлѣ этого условія не должно останавливать добросовѣстнаго изслѣдованія вопросовъ о налогахъ. Выбора здѣсь нѣтъ: общество, которое серьезно интересуется этими вопросами, должно обладать и рѣшимостью поставить ихъ такъ, чтобы правдивое рѣшеніе ихъ послужило на благо націи. Внѣ этого — можетъ быть только канцелярское прислужничество, ложь и торжество своекорыстія отдѣльныхъ лицъ и слоевъ общества, расплатой за которыя является неизбежно, рано или поздно, истощеніе силъ государства и упадокъ его могущества».

Какъ весьма убѣдительно доказываетъ Г. Джорджъ, мы не можемъ надѣяться на устраненіе угрожающихъ обществу крайностей въ распредѣленіи богатствъ ни путемъ большей бережливости въ государственномъ управленіи, ни лучшимъ образованіемъ рабочаго класса и воспитаніемъ въ немъ большей бережливости и прилежанія къ труду, ни коалиціями рабочихъ для возвышенія заработной платы, ни ассоціациями труда и капитала, ни руководствомъ и содѣйствіемъ правительства, ни равномернымъ распредѣленіемъ между всѣми земельной собственности (стр. 263—289).

Для читателя, привыкшаго смотрѣть съ высоты идеальнаго гражданства на россійскаго «обывателя», не бесполезно будетъ привести здѣсь нѣкоторыя черты изъ представляемыхъ американскимъ экономистомъ соображеній по означеннымъ пунктамъ. «Тѣ, у которыхъ все богатство — въ ихъ рабочей силѣ, въ особенности — быстро растущій городской пролетаріатъ, нисколько не противъ излишества въ правительственныхъ расходахъ и даже не прочь видѣть въ немъ нѣчто хорошее, такъ какъ оно «даетъ работу», «пускаетъ въ оборотъ деньги». Твидъ, ограбившій Нью-Йоркъ, какъ настоящій бандитъ, былъ несомнѣнно весьма популяренъ у большинства избирателей, несмотря на то, что его плутни были общеизвѣстны. Преданный суду, онъ былъ торжественно избранъ въ члены сената, и, даже послѣ того — какъ былъ пойманъ какъ укрывающійся преступникъ — былъ не разъ торжественно привѣтствуемъ на пути изъ суда въ тюрьму. Онъ обокралъ на миллионы общественныя кассы, но пролетаріи чувствовали, что обокралъ онъ *не ихъ*». — «Американскій заурядный избиратель имѣетъ свои предрасудки, духъ партіи, извѣстнаго рода общія воззрѣнія, но объ основныхъ вопросахъ управленія онъ также мало думаетъ, какъ лошадь о доходахъ конно-желѣзной дороги, на которой она работаетъ».

Проповѣдывать бѣднякамъ пользу бережливости, воздержан-

нія и пр., съ надеждой этимъ путемъ достигнуть чего-нибудь больше улучшенія положенія въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, едва-ли кому нибудь искренно придетъ въ голову среди общества, въ которомъ возникаютъ баснословныя состоянія банковыхъ и желѣзно-дорожныхъ проѣдохъ, въ которомъ можно сдѣлаться богатымъ человѣкомъ благодаря тиражу или другой подобной-же случайности, не говоря уже, какъ добавляетъ Г. Джорджъ, о «вышей безсовѣстности, составляющей часто именно то условіе, которое дѣлаетъ милліонеромъ того, кто безъ этого качества остался-бы бѣднякомъ». Работа швейцарскихъ семействъ въ часовомъ дѣлѣ конкурируетъ въ дешевизнѣ съ работою американскихъ машинъ. Богемскіе сигарные мастера въ Нью-Йоркѣ, работающіе цѣлыми семьями въ своихъ квартирахъ, понизили заработную плату за приготовленіе сигаръ ниже заработка китайцевъ въ С.-Франциско.

Что касается вліянія образованія, то въ этомъ отношеніи также существуетъ большое заблужденіе, приписывающее чуть не магическое дѣйствіе одному обученію грамотѣ и письму. Но, образованіе, обученіе, настолько лишь имѣютъ значенія, на сколько они даютъ возможность болѣе производительнаго примѣненія врожденныхъ способностей и силъ, чего въ большинствѣ случаевъ, никакъ нельзя сказать о томъ, что у насъ называется образованіемъ. «Я вспоминаю, говоритъ Г. Джорджъ, о маленькой дѣвчкѣ, отлично знавшей свою школьную географію, но пришедшей въ крайнее изумленіе, когда ей сказали, что площадь двора при домѣ ея матери — дѣйствительно поверхность земли. Бесѣдуя съ молодыми студентами, можно замѣтить, что познанія многихъ изъ нихъ имѣютъ такой-же характеръ. Они мыслятъ рѣдко лучше, а часто и далеко не такъ хорошо, какъ люди никогда не посѣщавшіе высшей школы». Возможность удержанія воззрѣній, которыя должны-бы, казалось, исчезнуть просто предъ табличкой умноженія, — въ последнее время — безобразія спиритизма въ средѣ профессоровъ,

ученых *),—все это, прибавимъ мы отъ себя, не лучшее-ли указаніе на то, какъ мало основаній поддаваться оптимистическимъ разсчетамъ на чудодѣйственное вліяніе школы?

Въ наше время обычною фразой стало выраженіе: знаніе есть сила. Въ этомъ заключается большое недоразумѣніе. Знаніе вовсе не сила; оно только рычагъ, дѣйствіе котораго обусловливается силою ума, воли, энергіи, приложенныхъ къ нему. Но школа едвали не чаще подавляетъ, чѣмъ развиваетъ эти силы. Ссылаемся на свидѣтельство Дюринга (Sache, Leben und Feinde) даже относительно германской школы, всегда считавшейся образцовой. Не лучшіе результаты даетъ народная школа и въ свободной Швейцаріи. На Нейшательскомъ школьномъ съѣздѣ 25 — 26 іюля 1882 г., les plaintes que l'on formule contre le peu de connaissances que possèdent les élèves des écoles primaires à leur sortie des classes sont reconnues fondées. *Cinquante instituteurs déclarent avec intrépidité que leur besogne ne mène à rien!* Въ то же время Carteret, предводитель женевскихъ радикаловъ, заявляетъ: On a donné trop tôt tout pouvoir au peuple; il fallait l'instruire (это посредствомъ-то признаваемой ни куда негодной школы!) avant de lui donner le droit de tout faire. Non, l'heure n'était pas venue encore, et l'on a commis un anachronisme en avant!

Въ послѣднее время обычные недостатки школы усиливаются гибельными для народа и самаго государства послѣдствіями неумѣлой борьбы противу развивающейся пропаганды радикализма. Опасаясь критическаго отношенія къ неприглядной жизненной дѣйствительности со стороны живыхъ умственныхъ силъ, недалъновидные ревнители общаго блага мнятъ противодѣйствовать тому усиленіемъ въ школѣ занятій, задерживающихъ развитіе энергіи мысли. Результатъ получается діаметрально противоположный ожиданіямъ. Преимущественно

*) См. наши изданія: «Спиритизмъ и Спириты» и «Новые реформаторы о четырехъ измѣреніяхъ въ религіи и наукѣ».

мнемоническая работа мозга развивает большое самолюбие, оставляя почти нетронутым развитие строго логического мышления—единственного пути для гармонического совпадения индивидуальных мыслей в общей для всех колеб здоровой логики. Из такой школы выходят люди, правда способные верить всему, что требуется в данный момент для выгодного устройства своих излишков, верить и лурдской водѣ, и спиритизму, но—в тоже время—способные спорить против таблички умножения и доказывать, что дважды два — стеариновая свѣчка. Самые характерные экземпляры людей подобного образования можно встретить в особенности между так называемыми штабными (вспомните генералов Тургеневского «Дыма»), между карьеристами привилегированных школ, и между дамами и развитыми дѣвцами, из числа „читающих серьезные статьи в журналах“ — судящими обо всем, рѣшающими с плеча все вопросы и в тоже время болѣе упорными в своем невежестве, чѣм простая сельская баба, способными превознести до небес первого юродивого и втоптать в грязь Сократа, Ньютона. В жизненной дѣятельности, в суждениях людей этого типа рѣшает все минутное настроение, эгоистическое желаніе, каприз, одним словом — чисто индивидуальные мотивы, в которых каждый стоит особняком, без всякой надежды на соглашение с другими на почве общаго для всех разума. Вчерашній рьяный консерваторъ является сегодня в либеральной оппозиціи, только потому, что его обошли наградою или мѣстомъ, что ему не удалась затѣянная аффера. Образование является такимъ образомъ не соединяющею соціальною силою, *въ чемъ и состоитъ все его достоинство*, а напротивъ того — страшною противупобщественною силою, пригодной развѣ только для тѣхъ, кто и теперь еще находитъ возможнымъ рассчитывать на силу убійственного рецепта: *divide et impera*. Мы думаемъ, что, в концѣ концовъ, для блага общаго, для крѣпости самого госу-

дарства, лучше совсѣмъ не имѣть никакихъ школъ, чѣмъ тратить средства государственнаго бюджета на тѣ, которыя, сильнѣе всѣхъ радикальныхъ ученій, подкапываютъ первую основу здороваго человѣческаго общежитія.

Забастовки рабочихъ, съ цѣлю возвышенія рабочей платы, Г. Джорджъ сравниваетъ съ индійскимъ *дарна* — способомъ принужденія должника къ уплатѣ, при чемъ заимодавецъ сидитъ у дверей должника, безъ пищи и питья, до тѣхъ поръ, пока не получитъ долгаго. Дѣло только въ томъ, что у европейскихъ работниковъ нѣтъ того суевѣрія, которымъ обусловливается индійскій обычай.

Безъ сомнѣнія, ни потребительныя, ни производительныя ассоціаціи рабочихъ не могутъ никогда произвести такой значительной перемѣны въ положеніи рабочихъ классовъ, какъ трубили въ свое время ратоборцы въ двухъ діаметрально противоположныхъ лагеряхъ—Шульца и Лассаля; но все-же отрицать ихъ вліяніе въ такой степени, какъ это дѣлаетъ Г. Джорджъ, можно только при той тенденціозности, которою проникнута вся его книга.

Отъ государственнаго вмѣшательства въ организацію промышленности, съ цѣлю противодѣйствія развитію крайностей бѣдности и богатства, Г. Джорджъ также не ожидаетъ успѣшныхъ результатовъ. Онъ заявляетъ себя противъ теоріи и мѣръ государственнаго или такъ-называемаго профессорскаго социализма *) (*Katheder-socialismus*), предвидя отъ него только еще большее развитіе бюрократіи съ ея инквизиторскимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь, и, въ концѣ концовъ, подавленіе индивидуальной инициативы—самаго могущественнаго фактора въ экономической жизни. Все что говоритъ по этому

*) Какъ на курьезную характеристику воззрѣній П. Леруа Болье въ социальномъ вопросѣ, мы укажемъ здѣсь на его мнѣніе, будто-бы одна изъ главныхъ причинъ развитія въ наше время такъ-называемаго государственнаго социализма—паденіе нормы процента на капиталъ (1. с. стр. 267)!

предмету нашъ авторъ — примѣнно очевидно и вообще къ социалистическимъ построениямъ, хотя Г. Джорджъ и избѣгаетъ высказаться прямо противъ социализма, оговариваясь только, что социалистическій строй не можетъ быть водворенъ, а долженъ установиться самъ собою. «Еслибы искусственные планы регулировать все и вся, назначить для каждаго его мѣсто, еслибы такіе планы были осуществимы, то наше общество сдѣлалось бы подобнымъ тому, которое было нѣкогда въ Перу, или тому, которое іезуиты, съ такимъ искусствомъ, устроили и довольно долго поддерживали въ Парагваѣ. Нельзя сказать, чтобы такое положеніе было хуже того, къ которому мы, повидимому, стремимся; но подобный социализмъ не можетъ имѣть успѣха въ современномъ обществѣ. Социализмъ племенной жизни также уже позади насъ и возвратиться къ нему мы можемъ развѣ путемъ анархіи и варварства. Нашъ государственный строй погибнулъ бы при этомъ. Вмѣсто разумнаго соразмѣренія правъ и обязанностей, мы возвратились бы къ подобію римской раздачи хлѣба, а изъ демагоговъ нашихъ не замедлили бы выработаться новые цезари».

Какъ-бы то ни было, но въ политико-экономическихъ воззрѣніяхъ послѣднихъ лѣтъ нельзя не замѣтить одной выдающейся характерной черты: это—рѣшительнаго stop въ развитіи того неограниченнаго индивидуализма *), котораго торжествующимъ глашатаемъ была еще недавно вся экономическая наука. Мы указали уже выше на рѣзкій поворотъ въ воззрѣніяхъ одного изъ выдающихся нѣмецкихъ экономистовъ (Вагнера); здѣсь мы приведемъ только многозначительныя слова извѣстнаго юриста Геринга: «Идея собственности ни въ какомъ слу-

*) Въ теоріи права эта реакція успѣла даже зайти за предѣлы разумнаго въ ученіяхъ крайнихъ объективистовъ, какъ Постъ (Einleit. in eine Naturwissenschaft des Rechts), дающихъ индивидууму только значеніе подневольнаго атома въ социальномъ организмѣ, т. е. такое-же, какое сулятъ ему утопіи коммунизма и коллективизма.

чаѣ не можетъ заключать въ себѣ ничего противорѣчащаго идеѣ общества. Такое представленіе—послѣдній остатокъ тѣхъ неправильныхъ натуралистическихъ воззрѣній, которые выдѣляли личность изъ общественной связи. Начало абсолютной неприкосновенности права собственности равносильно преда-нію общества на жертву неразумію, произволу, на жертву возмутительнѣйшему эгоизму отдѣльныхъ личностей» (Jhering, Zweck im Recht, стр. 511).

Нельзя не видѣть въ этихъ проявленіяхъ общественной мысли какъ-бы подготовляющагося мало-по-малу примиренія общественнаго мнѣнія съ представленіями, могущими послужить основами и для демократическаго цезаризма, и для государственнаго социализма въ духѣ Бисмарка, и для дѣйстви-тельно рациональныхъ реформъ въ социальномъ-экономическомъ строѣ. Кто знаетъ, что готовитъ намъ будущее! Наибольшая вѣроятность — все-таки за худшимъ, такъ какъ оно требуетъ всегда меньшаго числа благопріятныхъ условій.

Отъ распредѣленія земельной собственности между всѣми гражданами Г. Джорджъ такъ-же не предвидитъ существенной пользы въ дѣлѣ устраненія пролетаріата. Онъ приводитъ въ примѣръ, по Лавеле, Бельгію и Голландію, гдѣ, при крайнемъ раздробленіи земельной собственности, положеніе рабочихъ хуже чѣмъ въ Англии. Вся выгода такого раздробленія заключается лишь въ увеличеніи числа гражданъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго порядка, хотя-бы порядокъ этотъ и требовалъ, ради блага общаго, радикальныхъ измѣненій.

Если предположить равномерное распредѣленіе между всѣми гражданами не только землевладѣнія, но вообще всѣхъ доходовъ, то и въ такомъ случаѣ получился-бы результатъ далеко не соотвѣтствующій ожиданіямъ внушаемымъ завистью, озлобленіемъ и вообще болѣзненнымъ состояніемъ общества. Такъ, по даннымъ финансовой статистики Саксонскаго королевства, равномерное распредѣленіе всего дохода, включая и

доходъ учрежденій, дало-бы, для каждаго жителя, около 880 мар., т. е. нѣсколько болѣе чѣмъ вдвое противъ средней цифры дохода бѣднѣйшаго класса населенія (405 мар.); и этотъ результатъ былъ-бы достигнутъ сокращеніемъ дохода даже того класса населенія, въ которомъ *maximum* не превышаетъ 1,600 мар., не говоря о поглощеніи доходовъ всѣхъ высшихъ размѣровъ до 1 мил. мар. включительно (Wagner, Directe Steuern въ Handb. der P. Oec. v. Schönberg. II, стр. 260). Въ Пруссіи этотъ расчетъ приводитъ къ результатамъ еще менѣе оправдывающимъ надежды общественныхъ уравнителей (Haushofer, Handb. der Statist. 1882, стр. 349). Поэтому, нивелирующія мѣры социализма представляются намъ лишь прокрустовскимъ приѣмомъ отсѣченія всего—что превышаетъ размѣры самаго скромнаго мѣщанскаго ложа, безъ малѣйшей надежды вытянуть, и въ эту длину, тѣхъ, для которыхъ и такое ложе оказывается слишкомъ великимъ.

Убѣдившись такимъ образомъ въ недостаточности всѣхъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ мѣръ для искорененія бѣдности, Г. Джорджъ указываетъ на конфискацію земельной ренты и замѣну этимъ путемъ всѣхъ другихъ налоговъ, какъ на вѣрный путь для достиженія сказанной цѣли. Какъ страстный политическій агитаторъ, онъ не останавливается ни предъ какими соображеніями для немедленнаго осуществленія своей мысли, и изумляется осторожности Д. С. Милля и Герберта Спенсера, признающихъ необходимымъ разумное уваженіе, и въ этомъ случаѣ, приобрѣтенныхъ закононо правъ.

Собственно мысль о замѣнѣ всѣхъ налоговъ однимъ поземельнымъ — мысль далеко не новая. Она высказана уже Уондерлинтомъ, и затѣмъ получила особенное значеніе въ ученіи фізіократовъ. Г. Джорджъ знаетъ это и указываетъ на Кэне и Тюрго, какъ на своихъ предшественниковъ въ этомъ направленіи. Но онъ думаетъ, что мысль ихъ погибла лишь благодаря наступившимъ революціоннымъ смутамъ, между тѣмъ

какъ въ дѣйствительности—она была раздавлена громадностію послѣдовавшаго за революціей экономическаго движенія. Въ невообразимо усложнившейся соціальной жизни, идеи Кэне и Тюрго оказались совсѣмъ несостоятельными для рѣшенія разнообразныхъ и запутанныхъ задачъ, о которыхъ до-революціонному режиму не было ни малѣйшей заботы. Это именно обстоятельство чаще всего и упускается изъ виду при построении государственныхъ задачъ на бумагѣ, въ тиши кабинета; а система фізіократовъ была именно такимъ чисто теоретическимъ построениемъ, что и было существенною причиною ея безсилія, какъ справедливо замѣчаетъ Контцень (Gesch., Liter. und Bedeut. der Nat. Oec., стр. 23).

Какъ Г. Джорджъ, такъ и большинство экономистовъ, предполагавшихъ возможность замѣны земельнымъ налогомъ всѣхъ другихъ, упускаютъ изъ виду слѣдующую особенность этого налога. Признаніе земли собственностію всего народа составляетъ—если не сознательный принципъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма распространенный фактъ первобытной жизни едва-ли не всѣхъ племенъ. Но въ тѣ эпохи, когда мы видимъ дѣйствительное существованіе этого факта, права на землю государства или его представителей выражаются въ установленіи личныхъ обязанностей, неразрывно связанныхъ съ пользованіемъ землею и всегда падающихъ на то лицо, которое въ данный моментъ владѣетъ ею, между тѣмъ какъ денежный платежъ, въ какомъ-бы размѣрѣ онъ ни былъ установленъ, падаетъ всегда лишь на того владѣльца, при которомъ послѣдовало это установленіе. Всѣ послѣдующіе владѣльцы, пріобрѣтая землю, уплачиваютъ за нее лишь сумму соответствующую доходу, приносимому ею за вычетомъ земельного налога, т. е. въ дѣйствительности *лично* вовсе не подвергаются платежу его изъ принадлежащаго имъ земельного дохода. Въ результатѣ выходитъ такъ, что они владѣютъ какъ-бы двумя участками земли, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ государству и упла-

чиваетъ налогъ самъ за себя, а другой принадлежитъ владѣльцу земли и *свободенъ отъ всякаго платежа въ пользу государства*. Отсюда вытекала возможность *объленія* земельной собственности въ древней Руси и выкупа земельного налога въ Англіи, по предложенію Питта въ 1798 г. Очевидно, что подобныя мѣры не имѣютъ никакого смысла, если денежный сборъ съ земель существуетъ не какъ феодальный трибутъ, а какъ государственный имущественный налогъ, падающій на землю, лишь какъ на капиталъ гражданина. Современные земельные сборы во всѣхъ государствахъ имѣютъ лишь такой финансовый характеръ, и потому, по натурѣ своей, допускаютъ только *раскладочный способъ* взиманія, при которомъ платежъ падаетъ всегда *лично* на владѣльца земли въ моментъ платежа.

Въ наше время агитація въ пользу замѣны всѣхъ налоговъ однимъ была ведена во Франціи богатымъ заводчикомъ Менье, доказывавшимъ («*Théorie et Application de l'impôt sur le capital*», «*Avenir économique*») удобство и пользу обложенія матеріальнаго капитала во всѣхъ его видахъ, т. е. не только земли, но и построекъ, машинъ, инструментовъ, экипажей и проч. И въ Германіи мы встрѣчаемъ поборниковъ имущественнаго обложенія въ лицѣ Пфейфера (*Die Staatseinnahmen*) и Мауруса (*Die moderne Besteuerung*), хотя, впрочемъ, и тотъ, и другой, указываютъ на имущество, только какъ на удобнѣйшій, по ихъ мнѣнію, путь для обложенія чистаго дохода. Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ—новы только мотивы, соображенія объ удобствахъ и цѣляхъ обложенія,—самый-же приемъ—приемъ старины временъ Солона, Сервія Тулія, средне-вѣковаго государственнаго хозяйства италіянскихъ республикъ. Мы думаемъ, что приемъ этотъ болѣе умѣстенъ для взиманія военной контрибуціи (какъ въ Пруссіи въ 1812 г.), единовременнаго сбора въ экстраординарной національной нуждѣ, въ особенности въ наше время, когда ни въ какомъ изъ цивилизованныхъ государствъ уже немислимы тѣ мѣры, къ которымъ нѣкогда счи-

тали возможнымъ прибѣгать для преслѣдованія укрывающихся отъ обложенія (въ Римѣ: конфискація, тѣлесное наказаніе, смертная казнь). Мы не говоримъ о существующемъ примѣненіи имущественнаго обложенія въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и штатахъ Сѣверо-Американскихъ, гдѣ сносность мѣръ, неизбѣжныхъ при налогѣ съ имущества, обусловливается особенными мѣстными обстоятельствами.

Мысль Г. Джорджа о воздѣйствіи посредствомъ земельного налога на распредѣленіе достатка въ обществѣ проявляется въ послѣднее время и у нѣмецкихъ экономистовъ, въ особенности у Вагнера, который видитъ въ налогѣ, помимо удовлетворенія потребностей государственнаго бюджета, дѣйствительное средство для измѣненія распредѣленія національнаго дохода (Fin. Wiss. I, стр. 143 и II § 329). Мы думаемъ, однако, что до введенія указанныхъ выше коренныхъ измѣненій въ самой постановкѣ податнаго вопроса, эта профессорская модуляція на социалистическую тему не обѣщаетъ ничего — кромѣ зла и путаницы въ финансовомъ дѣлѣ. Мы думаемъ, что, при теперешней системѣ, народное хозяйство не нуждается въ иномъ воздѣйствіи со стороны финансоваго, кромѣ соблюденія въ возможной строгости, умѣренности обложенія, справедливости раскладки, удобства и экономіи пріемовъ взиманія, и — что, можетъ быть, важнѣе всего — дѣйствительно полезнаго для всѣхъ употребленія взимаемыхъ средствъ. Непосредственно относительно предлагаемой Г. Джорджемъ мѣры — конфискаціи земельной ренты, мы замѣтимъ, что сама по себѣ, эта мѣра не увеличитъ доли вознагражденія труда въ распредѣленіи національнаго дохода, такъ какъ та-же рента будетъ взиматься въ пользу государства; уменьшится только частный доходъ отъ земли, т. е. уничтожится классъ населенія, живущій этимъ доходомъ. Но затѣмъ явится вопросъ, какое употребленіе будетъ сдѣлано государствомъ, *tel-quel*, изъ конфискованной въ его пользу ренты? По мнѣнію самого

Г. Джорджа, и условія полного народоправства Соединенныхъ Штатовъ не исключаютъ возможности самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій въ распоряженіи общественными средствами; тѣмъ болѣе основаній опасаться такихъ послѣдствій при поступленіи государственнаго дохода менѣе подверженнаго вліянію общественнаго контроля, чѣмъ существующіе въ настоящее время сознательно вотируемые налоги *). Мы думаемъ, что мысль объ обращеніи въ источникъ государственнаго дохода — если не всей, то извѣстной части поземельной ренты — должна быть мотивирована и обставлена въ примѣненіи совершенно другимъ образомъ. Мы думаемъ, что наступила пора, по крайней мѣрѣ въ научной теоріи, поставить самое понятіе о государственномъ доходѣ на такихъ основаніяхъ, которыя бы не могли служить, сами по себѣ, удобной почвой ни для фантастическихъ построеній радикализма, ни для профессорскихъ и пасторскихъ (Тодтъ, Штэкеръ) поддразниваній и передразниваній социализма. Всѣ формулированныя до сего времени опредѣленія государственнаго налога, какъ платежа за услуги государства, какъ страховой преміи и пр., ставятъ государство болѣе или менѣе особнякомъ отъ націи. Исключеніе составляетъ г-жа Ройе, но, и у нея единство государства и націи въ податномъ дѣлѣ выражается въ крайне неопредѣленныхъ терминахъ — «общественной связи между членами общества», — «удостоверенія права на участіе въ государственномъ общежитіи» и т. п. Нѣкоторыя указанія на то понятіе о государственномъ доходѣ, которое мы считаемъ правильнымъ и отвѣчающимъ потребностямъ нашего времени, сдѣланы нами выше; здѣсь мы замѣтимъ только, что система государственныхъ доходовъ и самый размѣръ обложенія, какъ высказалъ уже Монтескье, находятся въ тѣсной связи съ по-

*) Мы привели выше мысль Уайленда, которою руководимся въ этомъ сужденіи.

литическимъ устройствомъ общества. Нельзя ожидать, чтобы положеніе и народа, и правительства въ дѣлѣ обложенія было одно и то же—въ государствѣ, гдѣ правительство стоитъ какъ бы военнымъ лагеремъ среди народа, или гдѣ на долю его выпадаетъ какъ бы роль секунданта въ поединкѣ разрозненныхъ слоевъ общества,—и тамъ—гдѣ вся нація проникнута сознаниемъ условій и потребностей своего государственнаго существованія *). Высшая форма налога, если бы и созрѣла преждевременно въ мысли ученаго, явится на дѣлѣ лишь съ установленіемъ политической формы, способной принять и осуществить ее на пользу общую. Установленіе этой политической формы и соотвѣтствующей ей системы государственнаго налога будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ условіемъ возможнаго съ государственной стороны рѣшенія соціального вопроса. Что же касается соціалистическихъ рѣшеній этого вопроса, то въ нихъ мы видимъ только совершенный pendant требованіямъ идеализма относительно отдѣльной личности. Замѣчая какіе либо недостатки въ характерѣ человѣка, идеалистъ говоритъ: перемѣните вашъ характеръ, будьте великодушнѣе, сдержаннѣе, тверже духомъ и т. п., упуская изъ виду, что, какъ бы ни было желательно человѣку, страдающему отъ этихъ недостатковъ, передѣлать себя,—это, вообще, не въ его волѣ, превышаетъ силу его сознательнаго воздѣйствія на самого себя. Указываемые со стороны и даже признаваемые недостатки составляютъ большею частію такія черты личности, ея натуры, ея характера, безъ которыхъ сама личность была бы уже не эта, а другая. При всемъ усердіи слѣдовать совѣтамъ идеализма — индивидуумъ умираетъ прежде, чѣмъ ему удастся измѣнить что-нибудь въ своемъ характерѣ. Соціалисты ставятъ точно такія-же неосуществимыя требованія для сложившагося однажды народнаго характера. Характеръ

*) Ниже мы приводимъ совпадающее съ этимъ мнѣніе Шульцъ-Бодмера.

этотъ, со всѣми племенными ограниченностями и недостатками его, еще труднѣе поддается радикальнымъ передѣлкамъ, нежели характеръ отдѣльной личности. Народы осуждены умирать, какъ политическія особи, съ своимъ нетронутымъ характеромъ, какъ и индивидуумы. Можетъ быть, для осуществленія требованій политическаго и соціальнаго идеализма нашихъ радикаловъ, явятся въ будущемъ другія націи, но современная Европа, по всей вѣроятности, умретъ такой, какой она выросла изъ туманнаго пятна такъ-называемаго переселенія народовъ. Въ разсужденіяхъ о реформахъ въ національной жизни, обыкновенно сбиваютъ и затемняютъ прямое воззрѣніе примѣры деспотическихъ преобразованій и примѣры естественныхъ метаморфозъ: развитіе птицы изъ яйца, бабочки изъ червяка. Но при этихъ уподобленіяхъ упускаютъ изъ виду существенное отличіе сознательныхъ политическихъ преобразованій отъ этихъ натуральныхъ процессовъ, а также и существенную разницу въ условіяхъ деспотической ломки и перекройки — и реформъ соціальныхъ, на почвѣ политическаго пересозданія народа самимъ собою. Прежде всего, не нужно забывать, что — и въ названныхъ естественныхъ метаморфозахъ — изъ яйца курицы развивается цыпленокъ, а не орленокъ, или иная птица; что изъ червяка и куколки гусеницы выходитъ бабочка гусеницы-же, а не шелкопряда или какая-либо иная. Между тѣмъ, требованія и ожиданія радикализма равняются часто именно ожиданіямъ выхода изъ куринаго яйца — не орленка, даже не птицы, а быка, льва, слона, — выхода изъ куколки гусеницы — лягушки, крокодила. Мало этого, такое уподобленіе еще и потому вовсе не примѣнимо къ преобразованіямъ политическимъ, что субъектъ послѣднихъ — готовый, сложившійся политическій организмъ, между тѣмъ какъ субъектъ натуральныхъ метаморфозъ — зачаточная, переходная форма яйца, или обращенная въ такую зачаточную форму куколка. Чудеса деспотизма относятся именно къ эпохамъ такого

зачаточнаго состоянія политическихъ организмовъ, когда будущая нація, государство, не вышли еще изъ зародышной формы племени, безсознательной народной массы, или-же когда политическій организмъ, уже пережившій извѣстный кругъ развитія, временно замираетъ для полной жизни, какъ куколка на сѣкомаго, въ оковахъ деспотизма, порабощенія физическаго — въ завоеваніи, или нравственнаго — въ подавляющемъ преобладаніи какого-либо религіознаго или философскаго ученія. Такъ спитъ индійскій народъ въ летаргическомъ снѣ буддизма; такъ дремала Германія, околдованная сновидѣніями гегеліанства и шеллингизма; такъ спала Россія въ желѣзныхъ пеленкахъ дореформенной эпохи, чтобы выйти изъ нихъ окрыленной великими преобразованіями Александра II.

Поэтому, такіе умы, какъ Сенъ Симонъ, Контъ, Лассаль, и чувствовали или сознавали необходимость для осуществленія радикальныхъ построеній — или *анестезирующей религіозной формы* для ихъ *quasi рациональныхъ ученій*, или помощи деспотической силы (Лассаль). Другая, также очевидно несостоятельная сторона соціально-революціонныхъ построеній — это произвольное предположеніе появленія среди всеобщаго катаклизма, какъ грибовъ послѣ дождя, могущественныхъ дѣятелей, желающихъ и способныхъ создать изъ общественнаго хаоса стройный порядокъ и общее благоденствіе. Мы не видимъ ни малѣйшаго разумнаго основанія для подобныхъ предположеній такъ какъ они коренятся — если не въ отчаяніи, то въ бессмысленной демолятріи, соединенной съ воспоминаніями о деспотическомъ гнетѣ, нѣкогда дѣйствительно препятствовавшемъ проявленію талантовъ изъ народной среды. Сущестующій государственный порядокъ въ большинствѣ цивилизованныхъ государствъ нисколько не препятствуетъ проявленію таланта въ самыхъ радикальныхъ теоріяхъ, — но, пока, въ тѣхъ, которые уже предъ нами, мы не видимъ никакого ручательства, что осуществленіе ихъ на дѣлѣ привело-бы насъ къ

чему либо иному, кромѣ замѣны, напр., династїи Гегенцоллерновъ — династіей Лассалей, какъ выразился когда-то князь Бисмаркъ.

Соціальный хаосъ, среди котораго ожидаемые реформаторы должны явиться творцами небывалаго идеальнаго порядка, былъ-бы на дѣлѣ, по всей вѣроятности, только возвращеніемъ въ колею пройденнаго уже разъ историческаго пути, какъ то и было во Франціи послѣ революцій, приведшихъ къ первой и второй имперїи, и какъ чуть не случилось въ третій разъ — въ бенефисъ народнаго трибуна, уже ораторствовавшего въ Бельвилѣ съ палкою въ рукахъ и съ угрозами на языкѣ. «Демократическая утопія», говоритъ Прудонъ, «идеально выраженная Руссо, діаметрально противоположна закону прогресса: нелѣпо заставлятъ общество идти по путямъ свободы, оборачивая плугъ и ставя воловъ позади..... Массы, въ томъ — что они сдѣлали порядочнаго, всегда были подталкиваемы или убѣждаемы, тайно или явно, избранными умами. Каждый разъ, когда народъ былъ предоставленъ самому себѣ, онъ умѣлъ только, какъ школьники, передразнивающіе своихъ учителей, переписывать заново примѣры, бывшіе у него на глазахъ, и отодвигать общество назадъ. Развѣ массы дали реформаціи ея ученый и раціональный характеръ? — Нѣтъ. То были Лютеръ, Меланхтонъ и друг.; — массы произвели только мюнстерскій карнавалъ. Развѣ народъ сумѣлъ ввести раціонализмъ, гласность и контроль въ правленїи? — Нѣтъ, — то сдѣлала буржуазія. Массы создали Робеспьера и Наполеона».

Нельзя сказать, чтобы въ средѣ социалистовъ не было людей, живо сознающихъ угрожающій ихъ системѣ недостатокъ въ людяхъ способныхъ отвѣчать требованіямъ порядка, зависимаго болѣе чѣмъ существующій отъ достоинства исполнителей. Но сознающіе это — или ищутъ выхода въ анархизмъ, гдѣ все должно дѣлаться само собою, т. е. въ дѣйствительности — въ возвращенїи къ первоначалу историческаго разви-

тія,—или воображаютъ себѣ и людей, и семью, и общину, уже достигшими той выработки, которая, въ дѣйствительности, еще только впереди, какъ результатъ воздѣйствія обновленнаго свободного государства. Безъ сомнѣнія, если-бы первобытныя семья и община сколько-нибудь отвѣчали выхваченнымъ изъ будущаго представленіямъ социалистическаго идеализма, если-бы они были дѣломъ рациональнаго построенія, а не результатомъ чисто аффектной жизни,—они были бы способны сами ранжироваться по своимъ относительнымъ качествамъ и силамъ, были бы способны выносить самоограниченіе и подчиненіе, необходимыя для образованія государства, какъ свободной федераціи автономныхъ общинъ (Pi-Y-Margal, Les nationalités). Но все это, очевидно, возможно предполагать въ прошедшемъ только при помощи всемогущаго *если бы*; за отсутствіемъ его, исторія двигалась какъ могла, на капиталъ наличныхъ силъ, довольствуясь поневолѣ весьма тривиальными приѣмами реальной жизни, оправдывающими вполнѣ—не помню чей—весьма вѣрный диктонъ: «жизнь — грубое дѣло». Это грубое дѣло, дѣло насильственной ранжировки, насильственного ограниченія и подчиненія, выпадало вездѣ на долю государства, которое и окончить свою задачу, приведя и индивидуумъ, и семью, и общину, къ возможной на землѣ наивысшей формѣ человѣческаго общежитія, если не у всѣхъ народовъ, то по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые имѣли силы вынести съ пользою долгій курсъ порою весьма жесткаго воспитанія. Усилія провести во что бы ни стало фантастическія построенія, нетерпѣніе и отчаяніе — могутъ развѣ замедлить осуществленіе этой ясно намѣченной исторической задачи—никакъ не ускорить ея рѣшенія. Оно придетъ, когда, какъ въ старинныхъ крѣпостяхъ, широкій просторъ разрушенных стѣнъ и башенъ, засыпанныхъ рвовъ обособленной жизни первобытныхъ элементовъ государства, застроится вновь свѣтлыми сооруженіями свободы и права, заростетъ цвѣтущими садами

знанія и искусства, когда индивидуумъ почувствуетъ себя счастливымъ въ средѣ обновленныхъ семьи и общины, привязаннымъ къ нимъ всѣми благами своей свободы и полноправности. Мы думаемъ, что главная доля государственной работы въ социальномъ вопросѣ должна быть направлена именно къ привлеченію индивидуума въ эту среду, ни чѣмъ незамѣнимую для его здороваго существованія. Водвореніе его въ ней силою свободной привязанности, вмѣсто прежняго закрѣпощенія, составляетъ, мы думаемъ, единственный выходъ изъ угрожающихъ современному обществу бѣдствій нравственнаго разложенія, по весьма вѣрному замѣчанію Тена: «on ne vit, qu'en s'incorporant à quelque être plus grand que soi-même; il faut appartenir à une famille, à une société, à une science, à un art; quand on considère une de ces choses comme plus importante que soi, on participe à sa solidité et à sa force; si non — on vacille, on se lasse et on defaille». — И для достиженія этой цѣли, государство не должно останавливаться ни предъ какими жертвами самоограниченія и децентрализаціи въ финансовомъ и административномъ отношеніи. Въ этомъ для него вопросъ жизни или смерти. Паралельно съ этой эволюціей въ основахъ общества, должна идти другая сторона направленной къ той же цѣли работы, которую мы указывали уже выше: *устраненіе возможности захватовъ общаго достоянія, захватовъ, составляющихъ главный источникъ чрезмѣрнаго и ничѣмъ неоправдываемаго обогащенія отдѣльныхъ лицъ въ ущербъ — и средствамъ общины и государства, и правильному экономическому и социальному строю общества.*

Даже такіе оптимисты, какъ П. Леруа-Болье, сознаютъ, хотя и неявно, значеніе этого факта, но стараются истолковать его въ смыслѣ неизбежности будто-бы въ этомъ отношеніи игры случая, удачи — для однихъ, неудачи — для другихъ (1. с. стр. 120). Крайняя несостоятельность такого объясненія очевидна. Можно-ли приписывать случаю, удачѣ, то — что

имѣть ясно опредѣленныя причины? Да, и кромѣ того, задача общественнаго устройства въ томъ и заключается, чтобы послѣдствія и непредвидимыхъ случайностей не ложились всею тяжестью на плечи обоюденныхъ случаевъ, удачею.

Для болѣе полнаго уясненія нашей мысли, мы приведемъ еще слѣдующія соображенія. Пусть читатель возвратится къ исходной точкѣ А. Смысла, въ мысли его о значеніи раздѣленія труда, къ извѣстному примѣру булавочнаго производства *). Представимъ себѣ общество въ 10 человѣкъ, занимающихся изготовленіемъ булавокъ по первобытному способу, безъ всякаго раздѣленія труда, т. е. такимъ образомъ, что каждый изъ десяти производителей продѣлываетъ всѣ приемы отъ начала до окончательной отдѣлки булавки; пусть каждый изготовитъ при этомъ, примѣрно, 100 булавокъ въ день. Со введеніемъ раздѣленія труда, т. е. когда каждый изъ производителей станетъ посвящать свой трудъ исключительно какому-либо одному приему въ производствѣ, окажется, что тѣ-же 10 человѣкъ будутъ выработывать въ день не 1,000, а, примѣрно, 10,000 булавокъ. Предположимъ теперь, что такой переворотъ въ производствѣ составляетъ результатъ ума и дѣятельности одного изъ десяти производителей, того, который взялъ на себя окончательную отдѣлку булавокъ, и что остальные девять человѣкъ не понимаютъ пока всего значенія совершившейся перемѣны вслѣдствіе введенія раздѣленія труда. Очевидно, что эти девять человѣкъ будутъ весьма довольны, если организаторъ новаго порядка выдѣлитъ на долю каждаго изъ нихъ, вмѣсто прежнихъ 100, двѣсти булавокъ; такимъ образомъ на его часть останется 8,200 булавокъ, и, въ то время какъ заработокъ девяти работниковъ только удвоится—его выручка возрастетъ болѣе чѣмъ въ 80 разъ. Если-бы мы взяли

*) Для большей наглядности, мы беремъ десятичныя цифры распределенія труда и производства и опускаемъ всѣ расчеты по стоимости матеріаловъ и уменьшенію цѣны вслѣдствіе конкуренціи.

для примѣра какое-либо производство, допускающее еще большее раздѣленіе труда, напр. такое, въ которомъ было-бы возможно обособить напр. 1,000 приѣмовъ, то, при увеличеніи производительности вслѣдствіе раздѣленія труда въ 10 разъ и удвоеніи заработка 999 участниковъ въ дѣлѣ, доходъ распорядителя увеличился-бы въ 8,000 разъ! Такимъ образомъ, если-бы первоначальный доходъ каждаго изъ 1,000 производителей былъ напр. сто руб. въ годъ, то теперь доходъ каждаго изъ 999 работниковъ составилъ-бы 200 руб., между тѣмъ какъ доходъ распорядителя достигъ-бы 800,000 р., т. е. былъ-бы въ четыре раза болѣе, чѣмъ совокупность доходовъ остальныхъ 999 человѣкъ. Изъ этого видно, къ какимъ необычайнымъ результатамъ можетъ привести раздѣленіе труда при возможности неравномѣрнаго распредѣленія выручки между значительнымъ числомъ участниковъ въ дѣлѣ; возможность-же эта всегда существуетъ въ человѣческомъ обществѣ уже вслѣдствіе одного естественнаго неравенства индивидуальныхъ способностей, помимо всякаго насильственнаго вліянія, при отсутствіи въ народной массѣ яснаго понятія о раздѣленіи труда, его экономическихъ послѣдствій и вытекающихъ изъ того соціальныхъ требованій.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на указанные сейчасъ результаты раздѣленія труда? Кому именно, по справедливости, должны принадлежать богатства, добытыя исключительно творческою силою этого экономического начала? Очень долго вопросъ этотъ рѣшался лишь на основаніи фактическаго порядка вещей, пока наконецъ неправильность такого рѣшенія не вызвала рѣзкой реакціи въ ученіяхъ соціалистическихъ. Задача истинной науки, равно далекой отъ ученій необузданнаго сингуляризма манчестерцевъ, и отъ пчелиныхъ и муравьиныхъ идеаловъ соціализма; задача такой науки — уяснить все значеніе указанныхъ выше послѣдствій раздѣленія труда и основанныхъ на нихъ правъ *цѣлаго*, со-

вокупности всѣхъ участниковъ въ производствѣ. Въ силу этихъ правъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ, въ непосредственное распоряженіе каждаго изъ участниковъ, должна поступить только извѣстная доля, примѣрно 25—50% изъ чистой выручки за 9,000 булавокъ, составляющихъ добавочный продуктъ раздѣленія труда. остальные-же 70—50% должны составить неотчуждаемую принадлежность предпріятія, пока оно существуетъ, какъ меліорационный, резервный и страховой капиталъ. Только подъ этимъ условіемъ, производство, организованное на началѣ раздѣленія труда, можетъ быть поставлено въ уровень съ производствомъ индивидуальнымъ или выше его, не только относительно эфемерныхъ выгодъ производителей въ каждый моментъ, но и относительно необходимой охраны законнѣйшихъ интересовъ участниковъ въ основѣ индивидуальнаго и родоваго существованія. Обращеніе въ частную собственность указанной сейчасъ общественной части выручки въ производствѣ составляетъ источникъ чрезмѣрнаго обогащенія однихъ на счетъ другихъ, подкапывая въ корнѣ самое существованіе производства и возможность правильнаго развитія его въ связи съ здоровымъ прогрессомъ населенія. Таковы неизбѣжныя послѣдствія примѣненія здѣсь теоріи *laissez faire, laissez passer*. Но не къ лучшимъ результатамъ привела бы и такая организація дѣла, при которой, повидимому, достиглось-бы безусловное уравненіе правъ всѣхъ участниковъ раздѣломъ общей выручки поровну между всѣми. Это было бы или возвращеніе къ тому состоянію абсолютнаго равенства, которое наблюдалъ Ч. Дарвинъ у жителей Огненной земли *), или замореніе голодомъ курицы несущей золотыя яйца, неразумное поднятіе индивидуальныхъ заработковъ въ

*) Въ настоящее время, даже кусокъ холста, данный кому нибудь, разрывается на части и дѣлится такъ, что ни одинъ не становится богаче другого». Путеш. вокр. свѣта на кор. Бигль. I. стр. 45. Перев. Бекетова.

ущербъ и производству, и непреходящему интересу семействъ и генерацій,—развитіе требовательности и роскоши, лѣности, страсти къ удовольствіямъ—въ ущербъ важнѣйшимъ условіямъ существованія и развитія физически и нравственно здороваго населенія. Очевидная несостоятельность такого рѣшенія можетъ быть нѣсколько оправдана только тѣмъ, что противоплагается ему обыкновенно другое, не менѣе несостоятельное. По ученію классической экономики, крайняя неравномѣрность распредѣленія продуктовъ раздѣленнаго труда и всѣ связанная съ нею явленія экономической жизни оправдываются будто-бы вполнѣ *общей пользою*, хотя, какъ сознаются сами поборники этого ученія, оправдываемый такимъ образомъ порядокъ находится въ явномъ противурѣчій съ элементарнѣйшими требованіями справедливости. Въ этомъ легко убѣдиться, принявъ во вниманіе, что введеніе въ производство раздѣленія труда сопровождается кореннымъ измѣненіемъ самыхъ условій существованія для всѣхъ участниковъ въ производствѣ. Первоначальная независимость каждаго самостоятельнаго производителя замѣняется здѣсь полною зависимостью отъ организованнаго цѣлаго, въ которомъ каждый участникъ играетъ уже только тѣсно ограниченную роль опредѣленнаго органа. Возможность упадка или совершеннаго уничтоженія производства, физическія, нравственныя, политическія и экономическія невыгоды для индивидуума зависимой и узко ограниченной спеціальности, возможность утилизаціи въ производствѣ слабыхъ силъ (женщины, дѣти) наравнѣ съ полною силою работника *) возможность концентрированія на нѣкоторыхъ работниковъ труда наиболѣе неприятнаго и вреднаго для здоровья,—все это создаетъ необходимость выдѣленія изъ общей

*) La civilisation a diminué la difference de capacité productive qui existait entre les femmes et les enfants, d'une part, et les hommes faites, de l'autre. P. L. Beaulieu, l. c. стр. 445.

выручки въ производствѣ значительной части не подлежащей ни непосредственному раздѣлу между участниками, ни присвоенію кому-либо изъ участвующихъ въ производствѣ. Это — та часть, которая, по всей справедливости и для дѣйствительно *общей пользы*, должна составлять неотчуждаемую принадлежность цѣлаго, какъ источникъ средствъ для устраненія или возможнаго смягченія указанныхъ невыгодъ раздѣленія труда, для застрахованія—и самаго производства, и участниковъ въ немъ, каждаго индивидульно и въ условіяхъ семейнаго существованія, отъ всѣхъ рисковъ производства основаннаго на началѣ раздѣленія труда *). Со введеніемъ этого начала, производство является уже не однимъ экономическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и социальнымъ фактомъ, и захватъ сейчасъ указанной части общей выручки, обращеніе ее въ чью-либо частную собственность—составляетъ коренное нарушеніе основъ организованнаго общественнаго производства, источникъ той собственности, къ которой Прудонъ могъ съ полнымъ правомъ отнести свое парадоксальное опредѣленіе.

Государство можно разсматривать какъ производительную ассоціацію съ развитымъ до крайнихъ предѣловъ раздѣленіемъ труда, вслѣдствіе чего результатъ дѣятельности каждаго индивидуума для достиженія цѣлей человѣческаго существованія возрастаетъ въ необозримо высокой степени, въ зависимости отъ увеличенія числа утилитарныхъ сношеній съ увеличеніемъ населенія (см. выше стр. 51). Независимо отъ далеко идущаго раздѣленія труда въ матеріальномъ производствѣ, государственная производительность характеризуется спеціально выработкою нематеріальныхъ общественныхъ благъ:

*) Проф. Ленингъ справедливо замѣчаетъ, что характеристика вопроса о пролетаріатѣ въ наше время заключается въ громадности числа тѣхъ, которымъ угрожаетъ ежеминутно опасность паденія въ нищету, что число это возрастаетъ чрезвычайно быстро и грозитъ возрастать больше и больше. Schönberg, Handb. der Pol. Oecon. II. стр. 570.

внѣшней и внутренней безопасности, гражданскаго благоустройства, просвѣщенія, огражденія правъ и свободы личности, обезпеченія или помощи въ болѣзни, несчастіяхъ, сиротствѣ и старости. Не слѣдуетъ обманывать себя относительно условій выработки всѣхъ этихъ благъ: производство ихъ, подобно производству матеріальныхъ богатствъ, требуетъ затраты капитала матеріальныхъ и нравственныхъ силъ и подчинено вполнѣ тѣмъ-же экономическимъ условіямъ и послѣдствіямъ раздѣленія труда, которыя указаны нами выше для матеріальнаго производства. Болѣе того: раздѣленіе труда, захватывая теперь всѣ стороны индивидуальной жизни, можетъ выходить еще легче за предѣлы разумнаго и здороваго (рабство, евнушество, безбрачіе). Развитію уродливостей природа противопоставляетъ здѣсь только одну преграду: смерть, болѣе или менѣе быстрое самоуничтоженіе нарушителя законовъ естества и разума. Идеаль здороваго развитія и здѣсь — не въ прямолинейномъ безграничномъ движеніи въ одну сторону, а въ положительныхъ опредѣленностяхъ національной природы. Отвлеченный эгалитаризмъ, анархическія построенія — представляются отрицаніемъ начала раздѣленія труда въ государственной жизни, проявленіемъ отчаянія въ способности народа къ утилизаціи его на пользу общую. Захватъ, обращеніе въ частную собственность того — что составляетъ неотъемлемую принадлежность національнаго цѣлаго, какъ необходимое условіе его здороваго существованія и развитія, — и служитъ главнымъ источникомъ чрезмѣрнаго обогащенія отдѣльныхъ лицъ и слоевъ общества и въ то же время — рѣшительною преградою здоровому развитію всей націи.

Здѣсь мы должны коснуться еще одной стороны соціальнаго вопроса, вовсе не затрогиваемой Генри Джорджемъ: отношеній государства къ семьѣ въ законахъ о наслѣдствѣ. Соціальный радикализмъ весьма удобно справляется съ этими отношеніями: онъ обрекаетъ нынѣшнюю семью на совершенное упраздне-

ніе и ставитъ это кореннымъ условіемъ осуществленія своихъ идеаловъ будущаго общества. Нельзя не сознаться однако, что эта нелѣпая крайность вызывается отчасти другою крайностію въ господствующихъ ученіяхъ классической школы. По этимъ ученіямъ, государство является охранителемъ въ семьѣ не только того, чѣмъ семья входитъ, какъ элементарная клѣточка, въ органическую ткань государственнаго тѣла, но и того — чѣмъ она ослабляетъ и даже разрываетъ здоровую связь этой ткани: уродливостями чрезмѣрнаго развитія въ отдѣльныхъ пунктахъ. Въ дѣйствительности впрочемъ ложное направленіе въ отношеніяхъ государства къ семейному началу обусловливается не столько этими теоріями, сколько инертнымъ и большею частію несознаваемымъ удержаніемъ въ гражданскихъ законахъ давно пережитого *родового* начала. Между тѣмъ какъ съ развитіемъ цивилизаціи, наша семья болѣе и болѣе суживалась въ прямой нисходящей линіи, въ законахъ о наслѣдствѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ удерживаетъ силу начало охраненія родовыхъ правъ и въ дальнихъ боковыхъ линіяхъ *), неимѣющихъ въ дѣйствительности, по всему складу нашей жизни, рѣшительно никакой между собою связи.

Въ сизифовой работѣ поддержанія давно отжившаго свое время, государство принуждено бесплодно тратитъ свои силы и лишать себя тѣхъ средствъ, которыя открываетъ ему, по разуму и справедливости, живая дѣйствительность. Нельзя сказать, чтобы смутное ощущеніе ложности такого положенія не проглядывало уже въ современномъ законодательствѣ цивилизованныхъ націй, но попытки выбраться на настоящую дорогу ограничиваются пока нѣкоторымъ возвышеніемъ существующихъ фискальныхъ сборовъ, не касаясь основнаго начала въ этомъ дѣлѣ (у насъ — законъ о налогѣ съ наслѣдствен-

*) Даже французское гражданское уложеніе, послѣ всѣхъ переворотовъ, сохранило до сихъ поръ законъ о наслѣдствѣ до *двѣнадцатаго* колѣна.

ныхъ имуществъ 1882 г.). Мы думаемъ, что уже ближайшее будущее должно поставить этотъ вопросъ гораздо шире. Оставаясь твердымъ охранителемъ разумныхъ правъ современной семьи, государство сбросить съ себя ничѣмъ не оправдываемую заботу о поддержаніи угасшаго родового быта и утвердить за собою право на участіе въ наслѣдствѣ и тѣхъ богатствъ, которыя хотя и передаются и въ прямой линіи, но происходятъ изъ указанныхъ выше условій захвата несомнѣнно общественнаго достоянія. Но для того, чтобы выбраться на эту дорогу, необходимо освободиться отъ господствующихъ взглядовъ въ дѣлѣ обложенія наслѣдствъ и вообще перехода имуществъ отъ одного лица къ другому. Если налогъ взимается съ имущества, то лицо которому принадлежит это имущество ровно не при чемъ въ обложеніи, и переменна собственника вслѣдствіе смерти, продажи, даренія, можетъ служить справедливымъ поводомъ только ко взиманію какихъ либо пошлинъ (крѣпостныхъ, актовыхъ и т. п.) и при томъ возможно умѣренныхъ, но никакъ не *налога*, хотя бы и незначительнаго. Указываемое Вагнеромъ*), оправданіе этого налога, какъ налога съ случайныхъ, независящихъ отъ труда приобрѣтеній—можетъ относиться только къ наслѣдникамъ изъ дальняго родства, но никакъ не къ членамъ семьи, пользовавшейся этимъ имуществомъ при жизни умершаго собственника. Вообще попытки включенія налога съ имуществомъ въ разрядъ такъ-называемыхъ налоговъ съ перехода имуществомъ (Verkehrsteuern), или, какъ хитроумно выражается К. Ф. Шалль (Schönberg, Handb. der Pol. Оес. II стр. 409), имущественнаго налога въ формѣ налога съ перехода имущества (Vermögensteuer in Verkehesteuersform!), носятъ слишкомъ явный характеръ схоластическихъ измышленій, чтобы останавливаться на подробномъ разборѣ ихъ. Это стремленіе именно нѣмецкихъ ученыхъ

*) Вагнеровское ученіе о такъ-называемой «конъюнктурѣ». Grundl. § 76—81 и Finazwiss. стр. 455.

придумывать во что бы ни стало научное оправданіе всякому властному факту (*Macht vor Vahrheit*) не остановилось въ настоящемъ случаѣ даже предъ такимъ краснорѣчивымъ приглашеніемъ одуматься, какъ сознаніе самого творца теоріи *Verkehrsteuer* — Л. Штейна въ совершенной невозможности найти разумное оправданіе этому роду фискальныхъ сборовъ, совершенно неправильныхъ въ своемъ основаніи (*Lehrb. d. Fin. Wiss.* II, стр. 152). вмѣсто того, чтобы извращать правильный взглядъ на дѣло теоріями, насильственно пригоняемыми къ голому факту, гораздо лучше смотрѣть на существующій налогъ съ наслѣдствъ, какъ на сподручный фискальный приѣмъ, неимѣющій пока другого основанія, кромѣ того, что открытіе наслѣдства составляетъ благопріятный случай, представляющійся казнѣ, какъ справедливо замѣчаетъ пр. Лебедевъ (*Финансовое право* I, стр. 354). Самое взиманіе налога съ наслѣдствъ на болѣе прочномъ и разумномъ основаніи представляется намъ неосуществимымъ при господствующей пока централизаціи податного обложенія. Извѣстно, съ какою непріязнью было встрѣчено даже въ Англии учрежденіе подоходнаго налога и какъ трудно принимается онъ во всѣхъ государствахъ, несмотря на теоретическую правильность самого принципа. Мы думаемъ, что непріязнь эта, вызываемая болѣе всего невыносимостью фискальныхъ приѣмовъ взиманія, будетъ существовать и служить тормазомъ въ этомъ дѣлѣ величайшаго государственнаго интереса до тѣхъ поръ, пока и подоходный налогъ, и налогъ съ наслѣдствъ, не получатъ болѣе децентрализованныхъ основъ для раскладки въ самостоятельно организованныхъ земскихъ и общинныхъ сборахъ *).

Сверхъ всего сказаннаго, мы считаемъ заслуживающими пол-

*) При этомъ разумѣется должны быть приняты во вниманіе тѣ особенности общиннаго хозяйства, на которыя указываетъ Роттекъ, *Stats-Lexicon*, art. *Gemeinde*. См. также *Wagner, Directe Steuern*, Schönberg, *Handb. der P. Oec.* II стр. 187. *Walker, Die Selbstverwaltung des Steuerwesens*.

наго вниманія слѣдующія слова Шульцъ-Бодмера: «Solange sich in unseligem Zwiespalt noch Staat und Volk bald in heimlicher, bald in offener Feindschaft einander gegenüberstehen, solange noch mit mehr oder weniger Grund von einem raubgierigen Fiscus die Rede sein kann, wird allerdings jede Beschränkung der Dispositionsbefugnis der Einzelnen auf den Todesfall als verletzender Eingriff in die individuelle Freiheit bitter empfunden werden. Ganz anders aber werden sich die Verhältnisse gestalten, und in günstigerer Weise wird sich die öffentliche Meinung über die Einführung eines Erbrechts zum grössern Vortheile der Gesamtheit aussprechen, wenn erst der Staat in höherm Masse als bisher seine Pflicht zum fortwährenden Ausgleichung der zufälligen Ungleichheiten des Besitzthums anerkennt und sich der gerechten Erfüllung dieser Aufgabe gewachsen zeigt. Nur unter dieser Voraussetzung wird es gelingen, den Überfluten eines drohenden und zerstörenden communistischen Elements unüberwindliche Schranken entgegensetzen». (Staats-Lexicon von Rotteck und Welcker, art. Erblichkeit).

Мы думаемъ, что дѣятельность государства въ указанныхъ направлѣнїяхъ захватываетъ существенныя стороны социальнаго вопроса и во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ упраздненіе поводовъ къ анархическимъ и социалистическимъ попыткамъ рѣшенія его. Для насъ однако социальный вопросъ — далеко не вопросъ только экономическій, какъ полагаетъ Г. Джорджъ и большинство занимавшихся его рѣшеніемъ; для насъ это и вопросъ нравственнаго обновленія общества, вопросъ возможно скораго выхода его изъ того состоянія, къ которому относится сознаніе, нечаянно вырвавшееся у спиритуалиста Каро: «Hommes, nous sentons, quoiqu'on dise, que rien d'humain ne nous oblige!» (Caro, La morale de l'avenir, Revue d. d. mondes, 1 Nov. 1875).

Доказывая необходимость социальной реформы, большинство писателей исходитъ почти исключительно изъ соображеній о

положеніи и нуждахъ рабочаго класса, оставляя въ сторонѣ нравственныя потребности всего общества и болѣе всего—самыхъ достаточныхъ классовъ. Между тѣмъ рабочій классъ, помимо подталкиваній агитаторовъ, переносилъ всегда терпѣливо величайшія страданія и лишения; въ послѣднее же время, и социальное, и экономическое положеніе его стали даже лучше прежняго *). Во всякомъ случаѣ, какъ бы важными ни представлять себѣ его стремленія къ улучшенію своего положенія, едвали собственно одни эти стремленія могутъ послужить рѣшительнымъ толчкомъ для коренной социальной реформы. Мы мало надѣемся на это и потому, что едвали рабочій классъ будетъ имѣть когда либо достаточно силъ для проведенія такой реформы, и потому, что цѣлю его, цѣлю стремленій собственно рабочаго класса — будетъ всегда только достиженіе того положенія, которымъ теперь пользуются достаточные классы. Лозунгомъ этихъ стремленій будетъ только Лесажевское: «царство Тюркаре кончилось,—теперь начинается мое», или *ôte tci de lá que je m'y mette*. Мы думаемъ, что болѣе рѣшительнымъ толчкомъ къ социальному обновленію будетъ все болѣе и болѣе высказывающаяся, болѣе и болѣе сознаваемая несостоятельность содержанія жизни самихъ достаточныхъ классовъ **). По видимому, обычное содержаніе жизни этихъ

*) Въ сужденіяхъ объ этомъ улучшеніи у П. Леруа Болье очевиденъ предвзятый оптимизмъ. Какъ на рѣзкое проявленіе его, мы укажемъ еще на слѣдующій примѣръ: ссылаясь на увеличеніе числа участниковъ въ обществахъ взаимнаго вспоможенія на 160%, въ теченіи 42 лѣтъ, Леруа-Болье, заключаетъ: «такимъ образомъ *большинство* ремесленниковъ и служащихъ теперь обезпечены на случай болѣзни!» А между тѣмъ и все-то число участниковъ не составляетъ и 800,000 человекъ! (*Essai sur la répartition de la richesse*, стр. 38. 2-de édit.).

**) Уже Жоржъ-Зандъ живо чувствовала *le desert intellectuel du monde d'aujourd'hui*, ce monde qui représente non plus du tout un étage social quelconque, mais une foule associée pour partager les mêmes plaisirs, sans lien réel entre les individus qui la composent. C'est là que les hommes bien mis et bien montés l'emportent sur toutes les espèces inférieures et que

классовъ соединимо съ общимъ дѣйствительнымъ благомъ и успѣхами государственнаго цѣлаго только до извѣстной поры. Переходъ за этотъ предѣлъ характеризуется—съ одной стороны—прекращеніемъ служебной роли привилегированныхъ классовъ въ государственной жизни (Тень, Биго), а съ другой стороны — прекращеніемъ безсознательности ихъ исключительнаго положенія и развитія на счетъ обдѣленной массы. До этого предѣла — на пользу истиннаго развитія привилегированныхъ классовъ работаютъ и религія, и наука, и искусство, — за этимъ предѣломъ оказывается лицемеріе — въ религіи, ложь — въ наукѣ, фальшь — въ искусствѣ. Никакіе паліативы, никакія сдѣлки не могутъ поправить, возвратитъ однажды потерянную невинность обособленнаго счастья въ эдемѣ безсознательности. Дѣйствительное довольство и счастье становятся возможными только вмѣстѣ съ довольствомъ и счастьемъ цѣлаго общества *). Усилія возвратитъ ихъ въ прежнихъ условіяхъ представляются лишь безплоднымъ повтореніемъ усилій Юліана возвратитъ общество къ богамъ, которымъ разъ оно перестало вѣрить. Исходящую отсюда потребность нравственнаго обновленія мы считаемъ болѣе дѣйствительнымъ побужденіемъ къ соціальной реформѣ потому, что неподатливость въ удовлетвореніи этой потребности немедленно даетъ себя чувствовать самыми недвусмысленными и грозными для всѣхъ признаками. Въ обществѣ высказывается болѣе и болѣе явное противорѣчіе между

la qualité d'honnête homme n'est rien auprès de celle d'homme bien ganté et bien chaussé». (Mlle Merquem). «Наслажденіе богатствомъ и досугомъ», говоритъ Чемберленъ, раскрывая ничтожество и фальшь лицемѣрныхъ заботъ лорда Сольсбери объ улучшеніи жилищъ лондонскихъ пролетаріевъ, «не преступленіе, но спокойная жизнь въ такой обстановкѣ не должна считаться безответственной. Сознаніе этой ответственности должно подвинуть богатыхъ къ тому—что можетъ еще пока предупредить грозящую имъ опасность. Но время апатіи и индифферентизма уходитъ.—Близокъ день—когда будетъ уже поздно». Fortn. Review. Dec. 1883.

*) Съ этимъ совпадаетъ и мысль Ф. Ланге (Gesch. des Materialismus, стр. 759 изд. 1882).

нравами и *нравственностью*, между *нравами* — практикуемыми на дѣлѣ, и *нравственностью* исповѣдываемой въ теоріи. Народъ свыкается съ самыми вопіющими несообразностями такого противорѣчія, защищая свои *нравы* подъ покровомъ защиты *нравственности*, и уходя все дальше и дальше въ лабиринтъ безвыходной лжи. Развивающееся сознание въ лучшей части общества устремляется на соглашеніе *нравовъ* съ *нравственными* идеалами, и во имя послѣднихъ объявляетъ непримиримую войну противу первыхъ. Если государство оказывается неспособнымъ слѣдовать за этими требованіями, то являющееся на сцену новое поколѣніе бросается на противоположный путь, низводя *нравственность* къ уровню существующихъ *нравовъ*: единство того и другого достигается уничтоженіемъ *нравственныхъ* идеаловъ, уничтоженіемъ того, что — если и служило для однихъ лишь лицемѣрною маской, но за то для другихъ было могучимъ призывомъ къ усовершенствованію, къ человѣческому возвышенію надъ низменнымъ уровнемъ животнаго существованія. Затѣмъ идетъ необычайно быстрое развитіе чувственности, эгоизма, зависти и лжи — радикально антисоціальныхъ качествъ, далѣе — болѣе и болѣе укрѣпляющееся убѣжденіе въ личной безнаказанности этихъ качествъ, усвоеніе римскаго печальной эпохи — *nihil licet ducere*.

Нужно ли доказывать, что, въ этомъ процессѣ *нравственнаго* разложенія, экономическія условія жизни играютъ не главную — и, во всякомъ случаѣ, не исключительную роль, какъ предполагаетъ Г. Джорджъ, согласно съ воззрѣніями социалистовъ? — Чтобы примириться съ подобными воззрѣніями, нужно представить себѣ *человѣчество* состоящимъ поголовно изъ мольеровскихъ гарпагоновъ и щедринскихъ рыбинскихъ купцовъ (въ послѣдней «Идиліи»), или вообразить себѣ его уже кастрированнымъ отъ всѣхъ *человѣческихъ* страстей силою какого-нибудь всепринижающаго социалистическаго аппарата.

Государство, въ которомъ не убиты окончательно отчаяніемъ всѣ жизненныя силы, не останется глухо къ этимъ недвусмысленнымъ знаменіямъ времени, и найдетъ такъ или иначе указанный единственно возможный, какъ мы думаемъ, для него выходъ къ здоровому существованію, не прибѣгая—повторимъ приведенное выше выраженіе Прудона—къ отчаянной и безсмысленной перестановкѣ воловъ и плуга *). Въ этомъ убѣжденіи, мы можемъ сказать, вмѣстѣ съ Родбертусомъ: (Der Normalarbeitstag): „Нѣтъ, не на улицѣ, не посредствомъ забастовокъ, петроля и баррикадъ—можетъ быть рѣшенъ соціальный вопросъ. Прочный миръ въ обществѣ, сосредоточенная сила правительства, непоколебимое довѣріе къ нему рабочихъ классовъ, всестороннія изслѣдованія и мѣропріятія, проведенныя въ порядкѣ, съ спокойной энергіей, — вотъ условія для дѣйствительнаго его рѣшенія. Условія эти исключаютъ одинаково и шаткую правительственную власть, и волнующееся рабочее населеніе. Если консервативнымъ должно считаться сохраненіе затхлѣйшей ветоши, то, разумѣется, нѣтъ ничего антиконсервативнѣе соціальнаго вопроса. Но, если консервативность означаетъ укрѣпленіе монархической власти, мирную преобразовательную дѣятельность, примиреніе общественныхъ классовъ подъ знаменемъ *sunt cuique*—то нѣтъ ничего консервативнѣе соціальнаго вопроса».

*) Нужно-ли говорить о безсмысленности надеждъ на одно личное самоусовершенствованіе, надеждъ угасающаго Гоголя, Достоевскаго? Усиленное возбужденіе ихъ въ обществѣ можетъ снова погнать людей въ оиванды, но никакъ не создать крѣпкую нравственную энергію, необходимую для спасенія не одной собственной особы для блаженнаго успенія, а цѣлаго общества для здоровой жизни въ неограниченномъ ряду поколѣній.

Вопрос о том, как правильно понимать текст, является одним из основных в философии языка. В частности, это касается того, как мы понимаем смысл слов и предложений. В философии языка часто рассуждают о том, как мы можем быть уверены в том, что мы понимаем то, что говорим. Это связано с тем, что язык является средством общения, и мы должны быть уверены, что мы понимаем друг друга. В философии языка часто рассуждают о том, как мы можем быть уверены в том, что мы понимаем то, что говорим. Это связано с тем, что язык является средством общения, и мы должны быть уверены, что мы понимаем друг друга. В философии языка часто рассуждают о том, как мы можем быть уверены в том, что мы понимаем то, что говорим. Это связано с тем, что язык является средством общения, и мы должны быть уверены, что мы понимаем друг друга.

Вопрос о том, как правильно понимать текст, является одним из основных в философии языка. В частности, это касается того, как мы понимаем смысл слов и предложений. В философии языка часто рассуждают о том, как мы можем быть уверены в том, что мы понимаем то, что говорим. Это связано с тем, что язык является средством общения, и мы должны быть уверены, что мы понимаем друг друга. В философии языка часто рассуждают о том, как мы можем быть уверены в том, что мы понимаем то, что говорим. Это связано с тем, что язык является средством общения, и мы должны быть уверены, что мы понимаем друг друга. В философии языка часто рассуждают о том, как мы можем быть уверены в том, что мы понимаем то, что говорим. Это связано с тем, что язык является средством общения, и мы должны быть уверены, что мы понимаем друг друга.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
11	16 сверху	работы—	работы,—
24	1 снизу	выгорѣлыя	выгорѣлые
32	18 сверху	записка	записки
33	8 снизу прим.	одичанія	одичанія,
34	23 сверху	es	les
39	20 »	Се	Сэ
40	19 »	неэкономическая	не экономическая
41	1 снизу прим.	open	sonen
43	7 сверху	уровня	уровня,
—	16 »	повторяемъ	повторяетъ
—	1 снизу	не подобающее	неподобающее
45	5 сверху	даже явно	даже предъ явно
—	22 »	одинаковый	одинаковой
—	2 снизу	фактъ дѣйствительно, часто	фактъ, дѣйствительно часто
47	23 сверху	мысли теля	мыслителя
49	9 »	исчезнуть	исчезнуть
71	2 снизу прим.	Maina'a	Main'a
74	5 сверху	Кери. Бастія	Кери, Бастія
—	1 въ примѣч.	время	время
75	4 » »	Vortheil,	Verthel.
88	19 » »	uu	au

ОПЕРАЦИЯ

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Складъ изданія у Карвасникова.

Спб., Литейная, № 48; Москва Моховая, д. Кохъ; Варшава, Бергова ул., д. № 10.

Цѣна 1 руб.

Тамъ же другія сочиненія того же автора:

Деньги XX вѣка.

По вопросамъ государственнаго хозяйства. Пять выпусковъ. (Всѣ выпуски продаются и отдѣльно).

Землевладѣніе и земледѣліе Кн. Васильчикова.

Къ исторіи русскаго нигилизма.

Россія и Англія въ восточномъ вопросѣ.

Спиритизмъ и спириты.

Новые реформаторы о четырехъ измѣреніяхъ въ религіи и наукѣ.